

No1(1)

март 2026

SCIENTIA JUVENUM

Учредитель и издатель

Автономная некоммерческая образовательная организация
высшего образования
«Сибирский институт бизнеса и информационных
технологий»

Главный редактор

М. Г. Родионов, кандидат экономических наук

Ответственный редактор

А. В. Васильева, кандидат исторических наук

Технический редактор

М. Ю. Левценюк, обучающийся 2 курса по направлению
подготовки «Юриспруденция» (бакалавриат),
направленность «Гражданское право»

Научный журнал

Основан в 2025 г.

Выходит четыре раза в год

№ 1(1)

Март 2026 г.

Адрес редакции и издателя:

644116, Омская область, г. Омск,
ул. 24-я Северная, д. 196, корпус 1.

Тел./факс 8 (3812) 62-59-89

Сайт: www.sibit.sano.ru

E-mail: sibit-nauka@mail.ru

Статьи публикуются в авторской
редакции. За достоверность
фактического материала
и научную ценность статей
ответственность несут авторы
и рецензенты. Точки зрения авторов
и редакционной коллегии
могут не совпадать.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Futurum Digitalis (Цифровое Будущее)

Д.С. Жамангарин, доктор PhD

С. А. Образцов, кандидат технических наук

Т. А. Санькова (Юрина), кандидат технических наук

Ius et Societas (Право и Общество)

Д. Д. Барамидзе, кандидат юридических наук

К. В. Бугаев, кандидат юридических наук

Е. А. Василькова, кандидат юридических наук

А. В. Катрыч, кандидат юридических наук

Т. В. Русских, кандидат юридических наук

А. В. Синдецкая, кандидат юридических наук

Э. М. Л. Тчибола, кандидат юридических наук

Е. В. Христинина, кандидат юридических наук

Oeconomia et Gubernatio (Экономика и Управление)

Т. Ф. Алхассан, кандидат экономических наук

К. Э. Борблик, кандидат экономических наук

В. В. Гайдукова, кандидат экономических наук

Н. В. Лохман, доктор экономических наук

Т. И. Николенко, кандидат экономических наук

Э. В. Плучевская, кандидат экономических наук

Л. В. Шикова, кандидат экономических наук

Е. В. Юдина, кандидат экономических наук

Cultura et Animus (Культура и Дух)

В. А. Абилькенова, кандидат социологических наук

Е. Ю. Воробьева, кандидат философских наук

А. Л. Вусик, кандидат филологических наук

И. А. Вялкова, кандидат наук по социальным коммуникациям

С.П. Качесова, кандидат исторических наук

К.Р. Руссу, кандидат филологических наук

Ю.В. Рябуха, кандидат исторических наук

А. А. Самойлов, кандидат психологических наук

О. А. Сивак, кандидат педагогических наук

Н.В. Стаурская, кандидат филологических наук

С. А. Тесленок, кандидат географических наук

Ю. Г. Федорова, кандидат филологических наук

ОГЛАВЛЕНИЕ

Futurum Digitalis (Цифровое Будущее)

<i>Викторов Е. В.</i> Разработка мобильного приложения на React Native.....	6
---	---

Ius et Societas (Право и Общество)

<i>Кюгерян Г. А.</i> Антимонопольная политика в России	16
<i>Жетписбаева С. Х., Бондаренко Г. И.</i> Английский язык в профессии юриста...	23
<i>Штурбина А. Д.</i> Использование искусственного интеллекта в доказывании в гражданском судопроизводстве: перспективы, проблемы и правовые риски.....	28

Oeconomia et Gubernatio (Экономика и Управление)

<i>Бапанов А. С.</i> Квалифицированные кадры в области искусственного интеллекта как фактор роста стоимости компании	34
<i>Бурханова А. Р., Пермякова Д. А.</i> Размер налоговых вычетов на детей в условиях индексируемого МРОТ: количественная оценка и социально-экономические последствия	41
<i>Дубровина М. И.</i> Ресурсосберегающие технологии для развития нефтегазовой отрасли.....	47
<i>Знаев А. С.</i> Уязвимые места фирмы. Контроль за деятельностью корпораций..	57
<i>Луценко Н. В.</i> Применение дифференциальных уравнений в менеджменте	64
<i>Прокопченко А. А.</i> Феномен К-рор как инструмент «мягкой силы»: методика конвертации культурного капитала в экономическую прибыль бренда	74
<i>Тарасов А. А.</i> Многомерный динамический анализ налоговых систем: инновационный подход к оценке эффективности	81
<i>Фадеев З. Р.</i> Влияние искусственного интеллекта и цифровых платформ на рынок труда и управление персоналом.	87
<i>Филимонова А. А.</i> Применение интегрального исчисления в экономическом анализе: оптимизация производства и расчёт потребительского выигрыша	98

Cultura et Animus (Культура и Дух)

<i>Воронкова Д. Н.</i> Языковая реализация политической корректности в российском и американском газетном дискурсе	105
--	-----

<i>Иманова С. Н., Мамедова С. С., Рагимли Ж. А.</i> Создание безбарьерной образовательной среды в начальной школе: методические рекомендации для будущих учителей	115
<i>Степашин Г. В.</i> Трансформация социально-экономического положения русского крестьянства в процессе централизации Русского государства	121
<i>Мамедова А. Г., Сальянская Э. Э., Хубанова М. Р.</i> Организация экологического просвещения в образовательных учреждениях Азербайджанской Республики и его социально-этическое значение в контексте рекомендаций ЮНЕСКО	134
<i>Царькова М. А.</i> Проблемы современного гуманитарного образования (на примере филологических дисциплин)	143

Futurum Digitalis (Цифровое Будущее)

Научная статья

УДК 004.415.2

Разработка мобильного приложения на React Native

Викторов Е. В.^{1,2}

Научный руководитель: Куликова Е. В.¹, старший преподаватель

¹ Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, г. Омск, Россия.

² eviktorovvv@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается процесс разработки мобильного приложения с использованием фреймворка кроссплатформенной разработки React Native, языка TypeScript и среды Expo. Актуальность исследования обусловлена ростом спроса на мобильные сервисы в фармацевтическом ритейле и необходимостью быстрого вывода приложений на платформы iOS и Android при сохранении единой бизнес-логики и пользовательского интерфейса. В работе выполнен анализ преимуществ архитектуры React Native в сравнении с нативными инструментами разработки, обоснован выбор архитектурного подхода Monorepo, обеспечивающего согласованное развитие серверной и клиентской частей приложения, а также применение контейнеризации Docker. Рассмотрены этапы проектирования пользовательского интерфейса, реализация навигации, системы авторизации и управления состоянием приложения. Описаны проектные решения по реализации прототипа мобильного приложения.

Ключевые слова: *приложение; ReactNative; кроссплатформенность; TypeScript; ИТ-бизнес*

Mobile app development with React Native

Viktorov E. V.^{1,2}

Scientific supervisor: Kulikova E. V.¹, senior lecturer

¹ Siberian Institute of Business and Information Technology, Omsk, Russia.

² eviktorovvv@gmail.com

Abstract: This article examines the development of a mobile application using the React Native cross-platform development framework, TypeScript, and the Expo environment. The relevance of this study stems from the growing demand for mobile services in pharmaceutical retail and the need to quickly deploy applications to iOS

and Android platforms while maintaining a unified business logic and user interface. The paper analyzes the advantages of the React Native architecture compared to native development tools, substantiating the choice of the Monorepo architectural approach, which ensures the coordinated development of the server-side and client-side components of the application, as well as the use of Docker containerization. The article examines the stages of user interface design, navigation implementation, authorization system, and application state management. Design solutions for the implementation of a mobile application prototype are described.

Keywords: *application; ReactNative; cross-platform; TypeScript; IT business*

Введение

В современных условиях мобильный доступ к фармацевтическим услугам становится важным элементом повседневного обслуживания. Аптечные сети сталкиваются с задачей быстрого вывода приложений на платформы iOS и Android при сохранении единой логики работы и целостного пользовательского интерфейса, включая дизайн-концепцию. В данной работе рассматривается процесс создания мобильного приложения для аптечной сети на базе фреймворка React Native с использованием TypeScript и среды Expo.

Цель исследования – продемонстрировать эффективность кроссплатформенного подхода и автоматизации процессов разработки с применением современных инструментов, таких как Docker и технологии искусственного интеллекта.

1. Архитектура и проектирование системы

Проектирование информационной системы для аптечной сети требует особого внимания к отказоустойчивости и консистентности данных. В этой связи особенно важным является обоснование проектных решений по архитектуре.

В ходе работы был выбран подход Monorepo (единый репозиторий). Несмотря на то, что компоненты системы (Backend и Frontend) являются независимыми единицами, их хранение в рамках одного репозитория позволяет синхронизировать изменения в контрактах API и типах данных.

Структура проекта организована следующим образом (рис. 1):

1. Директория /backend: содержит исходный код серверной части на языке C#.
2. Директория /frontend: содержит мобильное приложение на React Native.
3. Директория /docker: включает конфигурационные файлы для сборки и развертывания системы.
4. Скрипты автоматизации (.sh файлы): расположены в корне проекта и предназначены для автоматической сборки Docker-образов и артефактов (APK, IPA, AAB) для публикации в сторах.

Такое разделение позволяет разработчику запускать backend и frontend отдельно, но при этом иметь общую историю изменений и единый процесс CI/CD (Continuous Integration/Continuous Deployment).

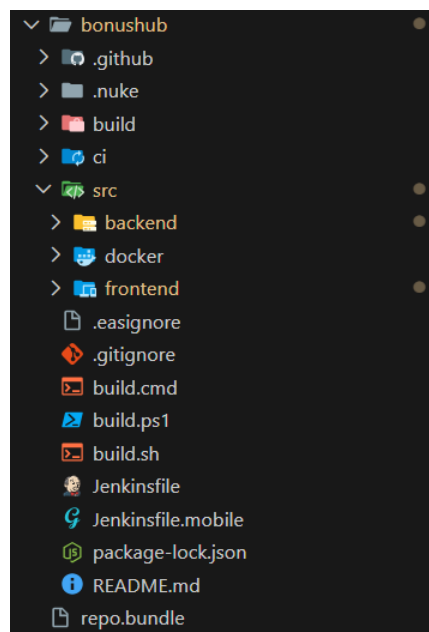

Рисунок 1. Структура проекта

Серверная часть приложения реализована на стеке .NET (C#). Выбор данного стека обусловлен необходимостью высокой скорости обработки запросов и наличием развитых инструментов для работы с базами данных (Entity Framework).

Для обеспечения мобильности и независимости от окружения, backend упакован в Docker-контейнеры. Благодаря использованию контейнеризации в процессе разработки сокращается количество ошибок, поскольку контейнеры содержат все необходимые компоненты для запуска приложения, а перенос программных решений между различными средами выполнения осуществляется без существенных затруднений [2]. Такое построение гарантирует, что приложение будет работать идентично как на локальной машине разработчика, так и на удаленном сервере.

Базовым инструментом взаимодействия между частями системы стала является Swagger. Она выполняет роль связующего звена:

- разработчик backend описывает методы (endpoints), параметры запросов и форматы ответов;

- разработчик frontend использует эту спецификацию для автоматической или ручной настройки сетевых запросов через библиотеку Axios.

Проектирование интерфейса аптечного приложения проходило в три этапа. Выделение этапов и процессов в жизненном цикле разработки позволяет минимизировать ошибки на каждой стадии за счет раннего выявления проблем, последовательной проверки проектных решений и поэтапного уточнения требований к пользовательскому интерфейсу.

Этап 1 «Концепт-макет (Wireframing)». На этой стадии создавались низкодетализированные схемы экранов (рис. 2). Основная задача – определить композицию элементов: расположение поисковой строки для лекарств, кнопок

корзины и карточек товаров. Здесь не учитывались цвета и шрифты, внимание уделялось только эргономике.

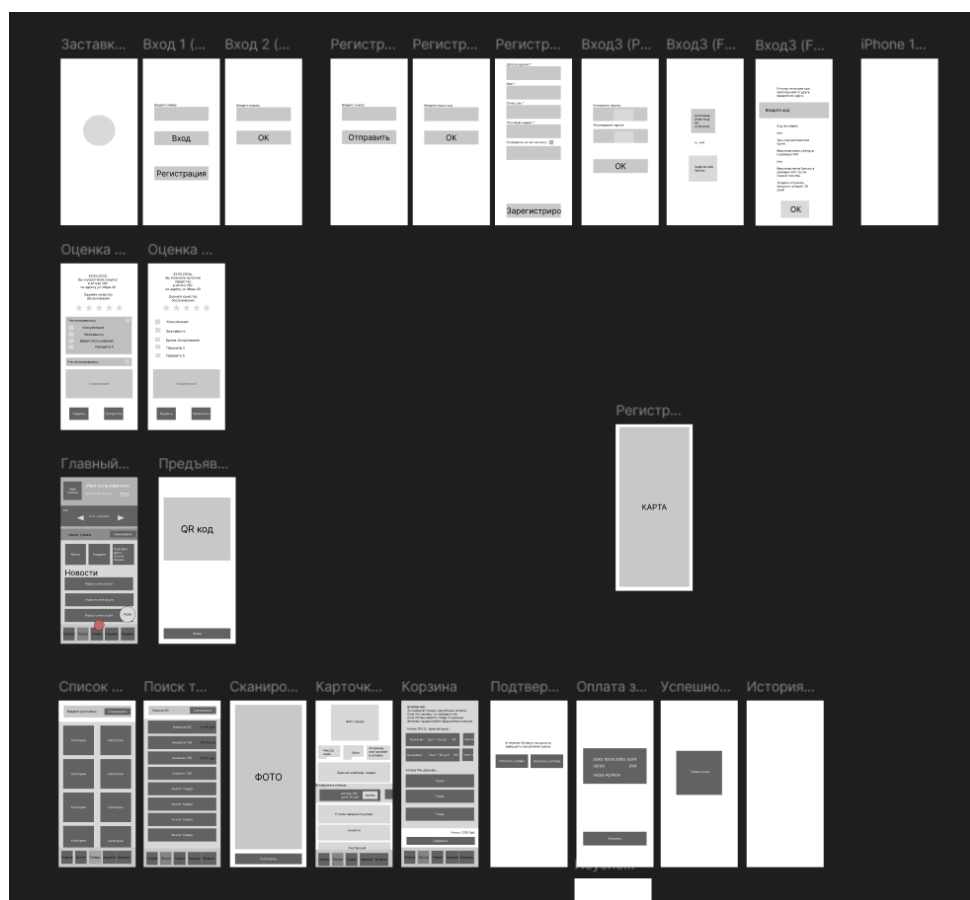

Рисунок 2. Низкодетализированные экраны

Этап 2 «Визуальный дизайн (UI Design)». После утверждения структуры была разработана визуальная оболочка. Для аптечной сети важно доверие, поэтому в дизайне использовались чистые цвета (белый, оттенки синего или зеленого) и четкая типографика.

Этап 3 «Интерактивный прототип (Figma Prototype)» (рис. 3). В среде Figma была настроена логика переходов. Процессы этого этапа необходимы, чтобы «прокликать» приложение до начала разработки, проверить удобство навигации между главной страницей и профилем, а также протестировать многоэтапный процесс регистрации.

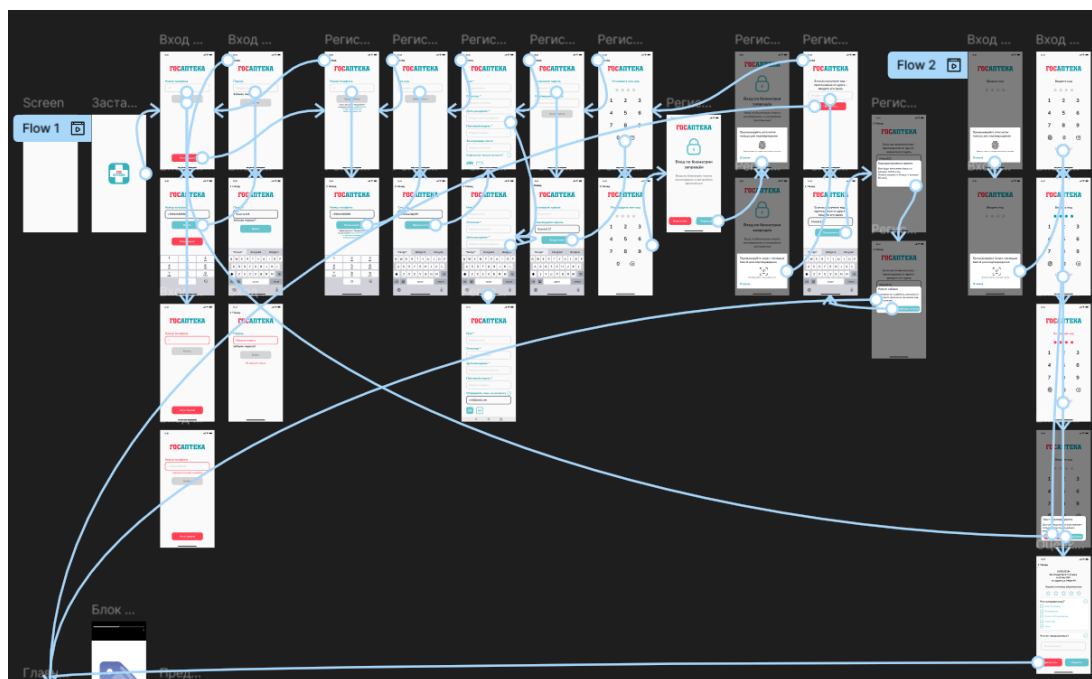

Рисунок 3. Визуальный макет с прототипированием

Для обоснования выбора технологического стека в работе выполнено сравнительное сопоставление фреймворка React Native с альтернативными подходами к разработке мобильных приложений: технологии (Swift/Kotlin) и фреймворк Flutter. Результаты сравнительного анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1

Сравнение технологий разработки мобильных приложений

Критерий	React Native (выбранный)	Native (Swift/Kotlin)	Flutter
Скорость разработки	Высокая (единый код)	Низкая (два кода)	Высокая
Стоимость	Оптимальная	Высокая	Оптимальная
Производительность	Близкая к нативной	Максимальная	Высокая
Сложность поддержки	Низкая	Высокая	Средняя

2. Технологический стек и реализация Frontend-части

Разработка клиентской части приложения является наиболее трудоемким этапом, так как именно здесь формируется пользовательский опыт (UX) и реализуется визуальная составляющая (UI) [1]. Для аптечной сети критически важно, чтобы интерфейс был интуитивно понятным, а приложение работало стабильно на различных типах устройств.

Основой разработки стал фреймворк React Native. Его выбор обусловлен возможностью использования единой кодовой базы для компиляции приложений под iOS и Android. Одной из наиболее увлекательных особенностей React Native является его способность переносить современные веб-технологии на мобильные устройства, сохраняя при этом функциональность и производительность на высоком уровне [3]. В отличие от чистого JavaScript, в

проекте использован TypeScript. Применение строгой типизации в медицинском приложении позволяет:

- исключить ошибки при передаче данных о лекарственных препаратах (дозировки, цены, артикулы);
- облегчить поддержку кода при масштабировании сети;
- повысить читаемость кода для других разработчиков в рамках монорепозитория.

В качестве среды разработки и сборки использовался фреймворк Expo. Он значительно упрощает доступ к нативным функциям устройства (камера для сканирования штрих-кодов, биометрия) и позволяет проводить тестирование через приложение Expo Go без необходимости постоянной пересборки тяжелых пакетов [4].

Приложение выстроено по принципу атомарного дизайна. Весь интерфейс разделен на переиспользуемые компоненты (кнопки, карточки товаров, поля ввода). Такое разделение не только ускоряет разработку, но и обеспечивает визуальное единство всего приложения.

Особое внимание уделено навигации. В проекте реализовано два типа навигационной логики:

1. Таб-навигация (Tab Navigation): Постоянное меню в нижней части экрана с тремя ключевыми разделами: «Главная», «Каталог товаров» и «Личный кабинет». Это обеспечивает быстрый доступ к покупкам из любой точки приложения (рис. 4).

2. Стековая навигация (Stack Navigation): используется в процессах, требующих последовательных действий, таких как регистрация или оформление заказа.

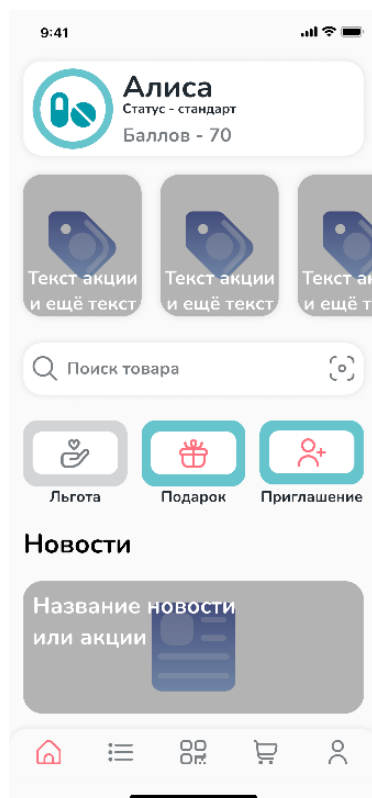

Рисунок 4. Страница главного экрана с системой «табов»

Система входа в приложение реализована как многошаговый сценарий.

1. Первый этап: ввод номера телефона и получение OTP-кода (одноразового пароля) через СМС.

2. Второй этап (для новых пользователей): сбор профильных данных – ФИО, возраст, пол и электронная почта.

3. Программа лояльности: интегрирована система пригласительных кодов («Приведи друга»), которая проверяется на этапе регистрации через API.

Для защиты персональных данных и упрощения повторного входа интегрированы модули биометрии – FaceID и TouchID. Реализация выполнена с помощью стандартных библиотек Ехро, которые гарантируют корректную работу датчиков на обеих платформах. Структура экранов многоэтапной системы регистрации представлена на рис. 5.

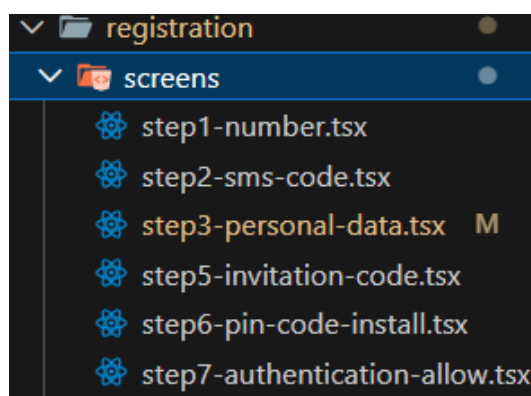

Рисунок 5. Структура экранов системы регистрации

Для обмена данными с backend-частью (C#) используется библиотека Axios. Она позволяет настроить глобальные перехватчики (interceptors) для обработки ошибок авторизации или проблем с интернет-соединением.

Для управления формами (особенно сложной формой регистрации с множеством полей) выбрана библиотека Formik. Она эффективно справляется с:

- отслеживанием значений в полях ввода;
- валидацией данных в реальном времени (например, проверка корректности ввода e-mail);
- синхронизацией состояния кнопок отправки данных.

Поскольку состояние приложения (авторизован ли пользователь, что лежит в корзине) достаточно обширно, была проработана архитектура управления состоянием, учитывающая кэширование данных для обеспечения работы приложения при нестабильном сигнале связи.

3. Применение технологий искусственного интеллекта в процессе разработки

Современная разработка программного обеспечения все чаще интегрирует инструменты искусственного интеллекта (ИИ) для оптимизации рутинных задач и решения сложных архитектурных проблем. В рамках данного проекта использование языковой модели ChatGPT было обосновано необходимостью ускорения цикла разработки и повышения качества кроссплатформенной адаптации приложения.

Одной из наиболее трудоемких задач в мобильном приложении аптечной сети является реализация многоступенчатых форм (регистрация, ввод данных рецепта, оформление заказа). Использование библиотеки Formik требует тщательной настройки схем валидации и управления сложными объектами состояния.

Искусственный интеллект применялся для:

- генерации шаблонов валидации данных на основе регулярных выражений (проверка номера телефона, формата электронной почты);
- проектирования логики обработки ошибок: ИИ помог составить условия, при которых пользователь получает подсказки о некорректно заполненных полях, что значительно улучшило пользовательский опыт (UX).

Несмотря на универсальность React Native, разработчики часто сталкиваются с проблемой «разного поведения» элементов на iOS и Android. В ходе реализации проекта возникли сложности с отображением модальных окон и поведением клавиатуры на устройствах под управлением iOS (перекрытие текстовых полей ввода клавиатурой).

С помощью ChatGPT были найдены и адаптированы решения, специфичные для нативных компонентов операционных систем (рис. 6):

1. Настройка компонента KeyboardAvoidingView с учетом специфических отступов (safe area) на iPhone.
2. Исправление багов визуализации теней и радиусов скругления, которые стандартно обрабатываются по-разному в движках рендеринга Android и iOS.
3. Оптимизация производительности списков товаров через настройку параметров FlatList.

Использование ИИ позволило значительно сократить время на написание визуальной составляющей. Вместо ручного подбора стилей (StyleSheet), нейросеть использовалась для генерации кода компонентов на основе описания из макетов Figma. Применение автоматической генерации позволило сосредоточить внимание автора на более сложных процессах, таких как интеграция с API через Axios и логика работы в контейнерах Docker.

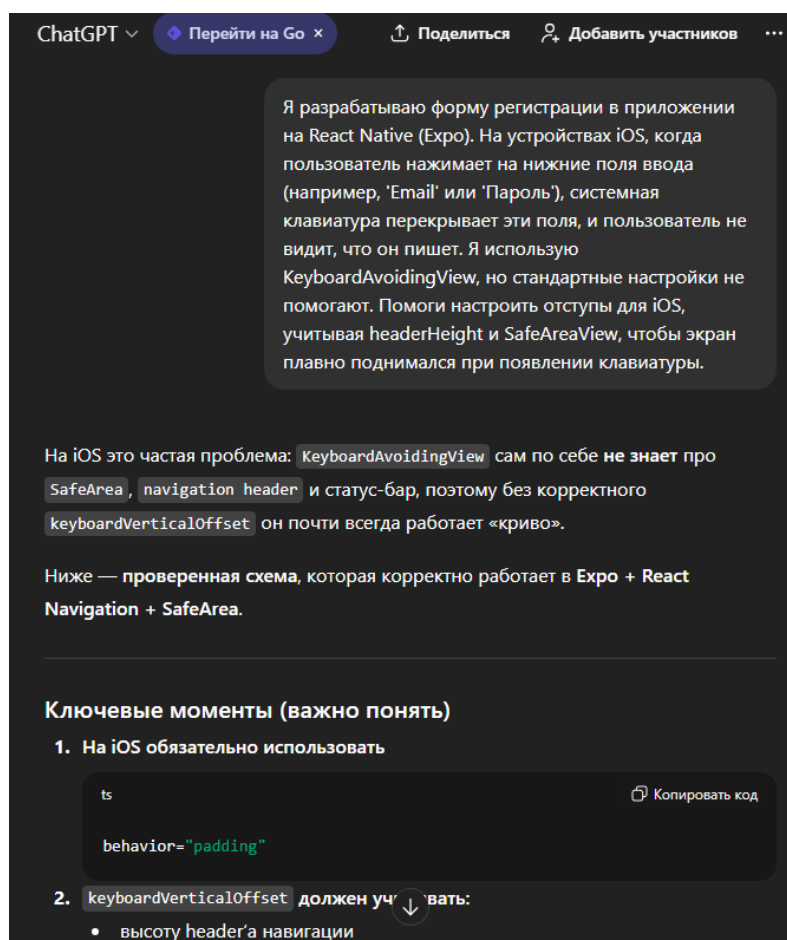

Рисунок 6. Пример решения бага с помощью ИИ (режим чат)

Полученные результаты разработки и практический опыт применения современных инструментов подтверждают целесообразность выбора используемого технологического стека. React Native в сочетании с TypeScript и средой Expo представляет собой эффективное решение для создания современных мобильных сервисов в ритейл-сегменте, в том числе для аптечных сетей, где важны скорость разработки, стабильность работы и масштабируемость приложения.

Опыт реализации проекта показал наличие ряда практических эффектов, влияющих на эффективность разработки и сопровождения приложения:

1. Экономическая эффективность. Использование кроссплатформенного подхода привело к снижению затрат на разработку и поддержку приложения на 40-50 % по сравнению с нативными решениями. Такой результат особенно важен при масштабировании продукта и одновременной публикации приложения на нескольких платформах (AppStore, Google Play и RuStore) при сохранении единой бизнес-логики.

2. Надёжность и безопасность. Применение TypeScript обеспечило высокий уровень контроля над данными, минимизируя вероятность критических ошибок при обработке заказов лекарственных средств. Интеграция биометрических механизмов аутентификации (FaceID и TouchID) подтвердила

возможность создания безопасной среды для работы с персональными данными пользователей в рамках гибридных приложений.

3. Сокращение трудоёмкости разработки. Использование инструментов искусственного интеллекта в процессе отладки и генерации компонентов позволило автоматизировать рутинные операции, такие как валидация форм и устранение кроссплатформенных особенностей верстки, высвобождая ресурсы для решения архитектурных и задач обеспечения безопасности.

4. Архитектурная гибкость. Применение модели Monorepo и контейнеризации с использованием Docker продемонстрировало эффективность синхронизации разработки серверной и клиентской частей приложения, упростило процессы развертывания и обеспечило стабильность работы серверной логики на языке C#.

В качестве перспективы дальнейшего развития проекта можно выделить внедрение систем машинного обучения для персональных рекомендаций товаров на основе истории покупок пользователя, а также глубокую интеграцию с государственными сервисами электронных рецептов. Таким образом, разработанное приложение представляет собой не просто программный продукт, а гибкую платформу, готовую к дальнейшей цифровой трансформации аптечного бизнеса.

Библиографический список

1. Брылёва А.А. Программные средства создания интернет-приложений: учебное пособие. Минск.: РИПО, 2022. 485 с.
2. Кнышов В.А. Преимущества использования Docker-контейнеров для разработки веб-приложений // Моя профессиональная карьера. 2022. Т. 2, № 43. С. 22-27.
3. Мухамедин А.А. Исследование React Native и Flutter, кроссплатформенных фреймворков для мобильных приложений // Вестник университета Шакарима. Серия технические науки. 2024. № 2(14). С. 26-33.
4. Пайгетов А.В. Подходы разработки на фреймворке Expo // Молодой ученый. 2020. № 3(293). С. 22-25.

Ius et Societas (Право и Общество)

Научная статья
УДК 338.45(470)

Антимонопольная политика в России

Кюрегян Г. А.¹

Научный руководитель: Кузьмин А.А.^{1, 2}, канд. экон. наук

¹ Сибирский институт бизнеса и информационных технологий

² Sano_60@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу современной антимонопольной политики России в условиях цифровой трансформации экономики. Рассматриваются системные вызовы, с которыми сталкивается регулятор (ФАС России) на быстро эволюционирующих цифровых рынках, включая регулирование платформ и экосистем, контроль концентрации и выявление новых форм злоупотребления доминирующим положением. На основе анализа законодательной базы, практики ФАС и исследований российских экспертов выявляются ключевые проблемы: устаревание традиционных инструментов, недостаточная прозрачность, слабая правовая культура среди МСП и ограниченность санкционных механизмов. Автор обосновывает необходимость адаптации антимонопольного законодательства (включая «пятый антимонопольный пакет»), усиления цифрового надзора, повышения публичности и развития профилактических мер. Делается вывод, что модернизация антимонопольной политики является критически важным условием для обеспечения справедливой конкуренции, стимулирования инноваций и устойчивого экономического роста.

Ключевые слова: антимонопольная политика, цифровая экономика, Федеральная антимонопольная служба (ФАС), конкуренция, цифровые платформы, антимонопольное регулирование

Antimonopoly policy in Russia

Kyuregyan G. A.¹

Scientific supervisor: Kuzmin A.A.^{1, 2}, Cand. Sc. (Economics)

¹ Siberian Institute of Business and Information Technologies

² Sano_60@mail.ru

Abstract: The article analyzes the current state of Russia's antitrust policy in the context of the digital transformation of the economy. It examines the systemic challenges faced by the regulator (FAS Russia) in rapidly evolving digital markets, including the regulation of platforms and ecosystems, merger control, and the identification of new forms of abuse of dominance. Based on an analysis of the legal framework, FAS practices, and research by Russian experts, key problems are identified: outdated traditional tools, insufficient transparency, weak legal culture among SMEs, and limited sanctioning mechanisms. The author substantiates the need to adapt antitrust legislation (including the "fifth antimonopoly package"), strengthen digital oversight, increase public accountability, and develop preventive measures. It is concluded that modernizing antitrust policy is a critical condition for ensuring fair competition, stimulating innovation, and achieving sustainable economic growth.

Keywords: *antitrust policy, digital economy, Federal Antimonopoly Service (FAS), competition, digital platforms, antitrust regulation*

В эпоху стремительной цифровизации экономики и глобализации рынков антимонопольное регулирование приобретает новое, исключительное значение. Формирование гигантских технологических платформ, стирание традиционных отраслевых границ и появление новых моделей конкурентной борьбы ставят перед государственными органами беспрецедентные вызовы. Россия, являясь активным участником мировых экономических процессов, также сталкивается с необходимостью глубокой трансформации своих подходов к защите конкуренции.

Сложившаяся правовая база, ядром которой является Федеральный закон «О защите конкуренции» 2006 года, обеспечила фундамент для противодействия классическим монополистическим практикам. Однако динамика цифровых рынков, характеризующаяся сетевыми эффектами, использованием больших данных и формированием многопрофильных экосистем, требует существенного пересмотра как нормативных инструментов, так и институциональных возможностей антимонопольных органов.

Целью данной работы является анализ актуального состояния антимонопольной политики в Российской Федерации в контексте цифровых вызовов, выявление ключевых системных проблем и разработка практических рекомендаций по ее совершенствованию. В рамках достижения поставленной цели решаются следующие задачи: исследование законодательной и институциональной основы регулирования; оценка эффективности применяемых ФАС России инструментов в цифровой среде; анализ проблем контроля за концентрацией и практики применения санкций; рассмотрение вопросов правовой культуры и прозрачности, разработка предложений и рекомендаций по преодолению выявленных проблем.

Работа проводилась при использовании системы методов. В частности, к их числу относятся системный анализ, - работа построена на комплексном изучении антимонопольной политики как системы, эмпирический анализ, т.к. присутствуют ссылки на результаты исследований, проведённых при поддержке

ФАС и Минэкономразвития. Наконец, проведен теоретический анализ научной литературы, что отражено в тексте и библиографическом списке.

Теоретической основой исследования послужили работы современных российских экспертов в области конкурентного права и цифровой экономики.

Анализ содержания использованных работ позволил выявить как достоинства, так и слабые стороны проведенных исследований. К числу положительных моментов можно отнести системный подход: многие авторы, в т.ч. Васин С.Г., Шалаевская В.Н. [2,5] комплексно анализируют вызовы цифровой экономики. Наблюдается практическая ориентированность, которая отражается в предложениях по изменению законодательства (например, «пятый антимонопольный пакет»). Проводится сравнительный анализ посредством учёта международного опыта (ЕС, США). Наконец, используется эмпирическая база, созданная на основе опросов предпринимателей, анализа дел ФАС.

К числу недостатков в этих работах можно отнести фрагментарность, т.к. многие исследования носят узкоотраслевой характер, не предлагая целостной стратегии модернизации антимонопольной политики.

Также слабо проработаны сценарии развития цифровых рынков (метавселенные, ИИ-экосистемы), недостаточен учёт поведенческих аспектов: мало внимания уделяется мотивации бизнеса и потребителей в цифровой среде.

Авторским вкладом в развитие темы является идея разработки стратегии «Антимонопольная политика 4.0», основанной на таких ключевых принципах, как цифровой суверенитет через конкуренцию, гибкое регулирование, просвещение и вовлечение, международную координацию.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что дальнейшее развитие антимонопольной политики в России должно быть ориентировано на опережающую адаптацию к реалиям цифровой эпохи, что является непременным условием для обеспечения устойчивого экономического роста, стимулирования инноваций и создания равных условий для всех участников рынка.

В условиях цифровизации экономики, глобальной экономической интеграции и быстрого роста крупных технологических платформ антимонопольная политика в России выходит на новый уровень актуальности. Противодействие монополистическим практикам, защита конкуренции на ключевых рынках – важные аспекты обеспечения устойчивого экономического развития. Вместе с тем традиционные инструменты антимонопольного регулирования требуют пересмотра с учётом цифровых вызовов. Например, В.Н. Шалаевская подчёркивает, что антидемпинговые и конкурентные подходы нуждаются в адаптации под онлайн-платформы и цифровые рынки [5, с.33].

Цель работы — выявить ключевые проблемы современного российского антимонопольного регулирования и предложить пути их решения. В рамках цели формулируются задачи: проанализировать законодательную и институциональную основу, оценить эффективность существующих инструментов, а также разработать рекомендации по усилению цифрового антимонопольного надзора.

Антимонопольная политика в России опирается на Федеральный закон № 135-ФЗ «О защите конкуренции», принятие которого в 2006 году заложило механизм регулирования монопольных практик. Тем не менее развитие цифровой экономики, стремительный рост платформенных моделей бизнеса и появление IT-монополий меняют природу конкуренции и требуют трансформации правовых подходов. Так, анализ современного состояния цифрового рынка, проведённый В.Н. Шалаевской в 2022 году, подчёркивает, что переход от традиционной инфраструктуры к облачным платформам, использующим сетевые эффекты и обработку больших данных, создаёт условия для новых форм злоупотребления доминированием, которые законодательство не всегда успевает предсказать и пресечь [5, с.34].

Федеральная антимонопольная служба (ФАС России), оставаясь основным органом контроля, уже сталкивается с первой серьёзной необходимостью внедрения цифровых инструментов. В 2021-2022 годах ведомство начало применять анализ цифровых платформ, таких как маркетплейсы и агрегаторы, и впервые зафиксировало случаи антиконкурентных практик. К примеру, маркетплейс, устанавливающий дискриминационные комиссии и создающий препятствия входа для поставщиков. Однако, как отмечает В.Н. Шалаевская, существующая система мониторинга остаётся ручной, трудоёмкой и неспособной к автоматическому выявлению картельных схем. В результате ФАС вынуждена реагировать постфактум, когда вред уже нанесён рынку [5, с.34].

Отдельным направлением регулирования остаётся контроль концентрации - традиционно осуществляемый через блокировку крупных сделок. Однако в цифровой сфере сделки по поглощению стартапов до 7 млрд рублей проходят неконтролируемо, что становится источником накопления неформальной доминирующей позиции платформ. Такая практика ослабляет конкуренцию и порождает горизонтальную сегментацию цифрового пространства, где крупные платформы диктуют правила игры [3,4].

В ответ на эти вызовы регулятор начинает искать новые формы антимонопольного контроля, заимствованные из опыта других юрисдикций. В частности, с 2021 года в пятом антимонопольном пакете предложено ввести понятия «сетевых эффектов», «барьеров входа» и «эффекта масштаба», позволяющие автоматически квалифицировать IT-компании как обладающие доминирующей позицией при наличии определённого объёма выручки и числа пользователей. Такой подход делает возможным не только реактивный подход, но и про-активные антимонопольные интервенции [3].

Отдельно стоит отметить необходимость повышения прозрачности работы ФАС. Современные исследования, включая публикацию Ивановой Н.И., подчёркивают важность создания открытых реестров антимонопольных дел, которые способствовали бы общественному контролю и повышали бы ответственность компаний перед обществом [3]. Это способствовало бы принятию более обоснованных решений и выравнивало бы условия для бизнеса.

Необходимо также обратить внимание на практику публичных расследований и санкций, которую активно применяют в ряде стран ЕС и США, тогда как в России подобный формат либо отсутствует, либо используется

избирательно. Например, в 2022 году Еврокомиссия наложила штраф в размере 4,1 млрд евро на корпорацию Google за систематическое злоупотребление положением на рынке мобильных ОС, что вызвало масштабное обсуждение и стало сигналом для всех цифровых гигантов о недопустимости монопольных стратегий. В России же дело «Яндекса» в части приоритетного продвижения собственных сервисов в поисковой выдаче не получило столь же прозрачного резонанса, хотя ФАС выдала предупреждение и зафиксировала признаки нарушения. Это говорит о необходимости усиления института публичности в антимонопольной сфере, особенно в отношении цифровых платформ, обладающих мультисервисным характером и влияющих сразу на несколько рынков: так называемых экосистем. Как отмечают эксперты Центра структурных исследований РАНХиГС в исследовании 2023 года, российские экосистемы создают уникальные барьеры входа - от инфраструктурных (логистика, облачные хранилища) до поведенческих (лояльность пользователя, алгоритмическая персонализация), которые не регулируются текущим антимонопольным законодательством. Это существенно снижает конкуренцию не только на IT-рынках, но и в смежных сферах — финансовых услугах, ритейле, образовании.

Также особого внимания заслуживает проблема низкой правовой культуры в сфере конкуренции среди субъектов малого и среднего предпринимательства. Исследования, проведённые в 2021-2023 гг. в рамках цифрового проекта «Мониторинг состояния конкурентной среды» при поддержке ФАС и Минэкономразвития, показали, что до 70% предпринимателей в регионах не могут чётко сформулировать, какие именно действия крупных компаний они считают нарушением антимонопольного законодательства. Это создаёт парадоксальную ситуацию: даже при наличии дискриминационных условий входа или установления невыгодных ценовых соглашений, бизнес часто не обращается в контролирующие органы, опасаясь последствий или не видя в этом смысла. Тем самым пассивность субъектов рынка подрывает эффективность антимонопольной политики как механизма баланса интересов. Новейших обобщенных данных нами выявлено не было, представлены регулярные отчеты только на уровне субъектов РФ. Однако решение этой проблемы включено в содержание Национального плана ("дорожной карты") развития конкуренции в РФ на 2026 - 2030 гг. [1].

Таким образом, проведённое исследование позволяет сделать ряд важных выводов о состоянии, проблемах и перспективах антимонопольной политики в современной России. Прежде всего, антимонопольное регулирование остаётся важнейшим элементом государственной экономической стратегии, обеспечивающим баланс интересов между бизнесом, государством и обществом. Оно способствует сохранению конкурентной среды, стимулирует инновации, ограничивает злоупотребление рыночной властью и формирует устойчивые институциональные условия для развития малого и среднего бизнеса.

В то же время антимонопольная политика в России сталкивается с рядом системных вызовов. Это и сложность регулирования цифровых рынков, где границы между отраслями размыты и конкуренция принимает нестандартные

формы, и недостаточная прозрачность механизмов государственного участия в экономике, и ограниченность санкционных рычагов ФАС в отношении крупных игроков. В условиях быстрой цифровизации экономики и роста рыночной концентрации становится очевидной необходимость обновления правовой базы, в частности — адаптации антимонопольного законодательства к вызовам XXI века. Законопроект «пятого антимонопольного пакета» — важный шаг в этом направлении, однако его реализация потребует не только нормативных изменений, но и институционального укрепления самих антимонопольных органов.

Особое значение приобретает повышение правовой культуры участников рынка и развитие механизмов общественного контроля. Формирование конкуренции — это не только вопрос регуляции, но и результат сложного взаимодействия всех экономических акторов, осознающих важность равных правил игры. Опыт Евросоюза, США, Китая и ряда стран Азии показывает, что успешная антимонопольная политика невозможна без активного участия гражданского общества, бизнеса и научного сообщества.

На наш взгляд, дальнейшее развитие антимонопольной политики в России должно базироваться на следующих приоритетах: усиление контроля за цифровыми экосистемами; обеспечение независимости антимонопольных органов; развитие профилактических мер, ориентированных на предупреждение нарушений; а также формирование культуры конкуренции, в том числе через образование, просвещение и цифровую прозрачность.

Антимонопольное регулирование — это не только правовой инструмент, но и показатель зрелости экономической системы. В условиях глобальных вызовов и трансформации мировой экономики именно эффективная конкуренция может стать стратегическим преимуществом России на пути к устойчивому и справедливому экономическому росту.

Библиографический список

1. Васин С.Г., Чичканова Е.А. Совершенствование подходов к защите конкуренции на цифровых платформах // Молодой ученый. 2020. № 42 (332). С. 92-94. URL: <https://moluch.ru/archive/332/74168/> (дата обращения: 06.06.2025).

2. Иванова Н.И. Развитие цифровых технологий и новые задачи государственной антимонопольной политики // Полис. Политические исследования. 2022. № 1. С. 53-66. URL: <https://www.imemo.ru/publications/info/razvitie-tsifrovih-tehnologiy-i-novie-zadachi-gosudarstvennoy-antimonopolynoy-politiki> (дата обращения: 09.03.2026).

3. Краковская И.Н., Слушкина Ю.Ю., Корокошко Ю.В. Антимонопольное регулирование цифровизации промышленности // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12, № 4. С. 2395-2408. URL: <https://1economic.ru/lib/116634> (дата обращения: 09.03.2026).

4. Национальный план ("дорожная карта") развития конкуренции в РФ на 2026-2030 гг. // garant.ru: [сайт]. URL:

<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412719909/?ysclid=ml0mmt0ori679336603> (дата обращения: 09.03.2026).

5. Шалаевская В.Н. Антимонопольное право в эпоху цифровой экономики // Умная цифровая экономика. 2022. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antimonopolnoe-pravo-v-epohu-tsifrovoy-ekonomiki> (дата обращения: 06.06.2025).

Научная статья
УДК 372.881.111.1

Английский язык в профессии юриста

Жетписбаева С. Х.^{1,2}, Бондаренко Г.И.^{1,3}

Научный руководитель: Кожевникова И. Ю.¹, канд. пед. наук, доцент.

¹ Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, г. Омск, Россия

² zhetpisbaewa@bk.ru

³ galechkabond291@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается роль английского языка в профессиональной деятельности современного юриста в условиях глобализации права. Обосновывается тезис о том, что владение английским языком является не дополнительным преимуществом, а необходимым инструментом для работы с международными договорами, англоязычными источниками и зарубежной правовой практикой. Особое внимание уделяется специфике юридического английского, его связи с правовой культурой и рискам формального подхода к его изучению. Делается вывод о влиянии английского языка на профессиональное мышление, конкурентоспособность и карьерные перспективы юриста.

Ключевые слова: юрист, право, аспект, английский, специалист

English in the profession of a lawyer

Zhetpisbaeva S. H.^{1,2}, Bondarenko G. I.^{1,3}

Scientific supervisor: Kozhevnikova I. Y.¹, Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor

¹ Siberian Institute of Business and Information Technologies, Omsk, Russia

² galechkabond291@gmail.com

³ zhetpisbaewa@bk.ru

Abstract: The article discusses the role of English in the professional activity of a modern lawyer in the context of globalization of law. The article substantiates the thesis that English proficiency is not an additional advantage, but a necessary tool for working with international treaties, English-language sources, and foreign legal practice. Special attention is paid to the specifics of legal English, its connection with legal

culture, and the risks of a formal approach to its study. The article concludes that English proficiency has a significant impact on a lawyer's professional thinking, competitiveness, and career prospects.

Keywords: *lawyer, law, structure, aspect, English, specificity*

В современном мире профессия юриста всё реже ограничивается рамками одного государства. Даже те специалисты, которые формально работают с национальным правом, всё чаще сталкиваются с иностранными компаниями, международными договорами, англоязычными источниками и глобальной правовой повесткой. Как отмечает И. В. Дубровина, процессы глобализации существенно меняют характер профессиональной коммуникации юриста и требуют от него владения иностранными языками, прежде всего английским. В этих условиях знание английского языка перестаёт быть дополнительным навыком и превращается в базовый инструмент профессиональной деятельности [6, с. 45].

Цель этой статьи — поделиться взглядом студента на то, зачем юристу нужен английский, как устроена эта дисциплина, какие аспекты языка действительно важны и как сделать обучение максимально полезным для будущей карьеры.

Для достижения цели, нами были поставлены следующие *задачи*: показать, как глобализация влияет на требования к молодым юристам.; разобрать структуру дисциплины «Английский язык для юристов» и понять, из чего она состоит; выделить ключевые аспекты изучения языка, на которые стоит обратить внимание; поделиться опытом: какие навыки реально нужны в работе, а что можно смело пропустить; предложить студентам эффективные методы обучения (на основе собственного опыта).

Методы, которые мы использовали в основе статьи — личный опыт, наблюдения за однокурсниками, анализ учебных программ, разговоры с практикующими юристами и, конечно, изучение литературы — от учебников до статей исследователей.

Мы считаем, что английский язык для юриста — это не просто средство общения, а способ мышления и расширения профессионального кругозора. М. Л. Давыдова подчёркивает, что юридический английский существенно отличается от общего языка и представляет собой самостоятельную область профессиональной подготовки. Это различие часто недооценивают студенты, полагая, что знания разговорного английского достаточно для уверенной работы в юридической сфере. [1, с. 12] Однако право — это область, где одно неверно понятое слово может привести к серьёзным последствиям. Юридические тексты требуют предельной точности, а термины нередко не имеют прямых аналогов в других правовых системах, о чём также пишет Y. Maley, анализируя язык права как особый вид профессионального дискурса. Именно поэтому английский язык для юристов — это отдельная дисциплина, связанная не только с языком, но и с правовой культурой англосаксонского мира. По мнению Y. Maley, юридический язык отражает специфику правового мышления и традиций той системы, в

рамках которой он сформировался, что делает его изучение особенно сложным и одновременно важным [3, с. 78].

Особую роль английский язык играет в международном праве и коммерческой практике. Как указывает М. Н. Shaw, большинство международных договоров и соглашений разрабатываются именно на английском языке, который выступает универсальным средством правового взаимодействия. Даже в тех случаях, когда ни одна из сторон не является носителем языка, английский становится нейтральной правовой площадкой. Юрист, не владеющий английским языком, в такой ситуации оказывается в заведомо слабой позиции, поскольку вынужден полагаться на переводы и интерпретации третьих лиц, теряя контроль над содержанием документа [4, с. 92].

Важно понимать, что английский язык даёт юристу доступ к огромному массиву профессиональной информации. Судебная практика зарубежных стран, научные статьи и аналитические отчёты международных организаций чаще всего публикуются именно на английском языке.

Отдельного внимания заслуживает влияние английского языка на карьерные перспективы юриста. В условиях высокой конкуренции на рынке труда знание английского часто становится решающим фактором при приёме на работу. Работодатели рассматривают его не только как практический навык, но и как показатель общей профессиональной культуры и способности к развитию. В этом контексте можно согласиться с позицией С. С. Алексеева, который подчёркивал, что современный юрист должен обладать широким кругозором и быть готовым к постоянному интеллектуальному росту [2, с. 234], что невозможно без развитых коммуникативных навыков на иностранном языке.

Особую сложность представляет перевод юридических текстов, требующий не только языковой компетенции, но и понимания различий правовых систем. Как отмечается в учебнике под редакцией С. Ю. Рубцовой, важно формировать у студентов навыки адекватной передачи правового содержания при переводе как с английского на русский, так и с русского на английский [2, с. 45]. При этом ошибочным является подход, при котором английский язык изучается формально, «для галочки». Заучивание отдельных терминов без понимания их правового контекста не приносит реальной пользы. М. Л. Давыдова справедливо указывает, что гораздо важнее научиться анализировать юридические тексты, понимать их структуру и логику аргументации [1, с. 12]. Английский для юриста — это не набор слов, а инструмент профессионального анализа, который должен изучаться в тесной связи с правовыми дисциплинами.

Нельзя не отметить и психологический аспект. Владение английским языком придаёт юристу уверенность в себе. Возможность напрямую общаться с иностранными коллегами, участвовать в международных конференциях и вести профессиональную переписку без посредников, как отмечает И. В. Дубровина, формирует ощущение принадлежности к глобальному юридическому сообществу. Это особенно важно в условиях, когда право всё в большей степени приобретает транснациональный характер. В. В. Гаврилов отмечает, что в сфере

международного права значительная часть актуальных правовых позиций и доктрин становится известна специалистам через англоязычные источники задолго до появления переводов. В результате юрист, владеющий языком, оказывается на шаг впереди, быстрее осваивая новые правовые концепции и тенденции [5, с. 67]. Если ты хочешь быть в тренде, знать, о чём говорят зарубежные коллеги, без языка никак.

Изучив несколько учебных пособий «Английский для юристов», мы увидели, что структура дисциплины состоит: из чтения и понимания контрактов, судебных решений, законов на английском. Написание писем, меморандумов, проектов документов. Перевода (письменного и устного) юридических текстов без потери смысла. Ведение переговоров и консультирование клиентов на английском. Поиск информации в зарубежных базах (Westlaw, LexisNexis) — это вообще отдельный навык. Понимание разницы между правовыми системами. Как говорится в одном пособии, знание английского позволяет выпускнику работать в международных фирмах, участвовать в обменах и чувствовать себя уверенно в глобальной среде [9].

Здесь хотелось бы поделиться советами, как эффективно учить английский язык. Мы перепробовали много способов и поняли, что работает, а что нет: *Метод кейсов*. Разбирать реальные ситуации на английском — это лучший способ. Там можно усовершенствовать и язык изучить, и право. *Ролевые игры*. Мы на парах имитируем суд или переговоры. Поначалу неловко, но потом втягиваешься, и это реально прокачивает наши навыки в юридическом английском. *Проекты*. Например, мы готовили проект международного контракта. Это было сложно, но, когда, мы поняли структуру документа изнутри, в итоге пришли к очень интересным результатам. *Работа с базами*. Преподаватели заставляют нас ознакомиться с Westlaw. Сначала страшно, потом привыкаешь, а потом понимаешь, какая это кладёшь информации.

Мы пришли к выводу, что: английский для юриста — это не просто предмет в зачётке. Это билет в мир, где ты можешь работать с кем угодно и где угодно. Это доступ к знаниям, деньгам и интересным проектам. Английский надо учить не для галочки, а для дела. Дисциплина «Английский для юристов» — это сложная система, и в ней важно всё: от терминов до культурных нюансов. Самые важные навыки — чтение документов, письмо, перевод и устная коммуникация. Лучший способ учиться - практика: кейсы, игры, проекты, работа с реальными текстами. Подводя итог, можно сказать, что английский язык для юриста сегодня — это не модный тренд и не дополнительное преимущество, а объективная необходимость. Он открывает доступ к профессиональным знаниям, повышает качество юридической работы и расширяет карьерные возможности. На наш взгляд, успешный юрист будущего — это специалист, который одинаково уверенно ориентируется как в нормах национального права, так и в англоязычном правовом пространстве. Именно такое сочетание, по мнению многих исследователей, делает юридическую профессию по-настоящему современной и востребованной.

Библиографический список

1. Английский для юристов: базовый словарь + ресурсы для изучения // Инглекс: [сайт]. URL: <https://englex.ru/english-for-lawyers/> (дата обращения 02.02.2026).
2. Английский язык для юристов. English in Law: учебник для вузов / С.Ю. Рубцова, В.В. Шарова, Т.А. Винникова, О.В. Пржигодзкая; под общ. ред. С.Ю. Рубцовой. М.: Юрайт, 2024. 213 с.
3. Английский для юристов: ключевые навыки для международной практики // Caspian Training Group: [сайт]. URL: <https://www.ctgroup.kz/anglijskij-dlya-yuristov-klyuchevye-navyki-dlya-mezhdunarodnoj-praktiki/> (дата обращения 02.02.2026).
4. Давыдова М.Л. Юридический английский язык: учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2022. 215 с.
5. Дубровина И.В. Глобализация и профессиональная коммуникация юриста // Право и государство: теория и практика. 2021. № 3. С. 42-53.
6. Гаврилов В.В. Международное право в современном мире: теория и практика. М.: Статут, 2020. 312 с.
7. Maley Y. The Language of the Law. London: Longman, 2016. 198 p.
8. Морозова А.Л. Юрист vs ИИ: зачем учить английский, если есть ChatGPT? // Финансовый университет при Правительстве РФ: [сайт]. URL: <https://www.fa.ru/university/structure/university/uso/press-service/press-releases/yurist-vs-ii-zachem-uchit-angliyskiy-esli-est-chatgpt> (дата обращения 02.02.2026).
9. Николаева Н.Н., Куликова М.В. Практический английский язык для юристов = Practical English for Law Students. В 2 ч. Ч. 1: учеб. пособие. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2026. 184 с.
10. Shaw M.N. International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 456 p

Научная статья
УДК 347.73:004.89

Использование искусственного интеллекта в доказывании в гражданском судопроизводстве: перспективы, проблемы и правовые риски

Штурбина А. Д.^{1, 2}

Научный руководитель: Вербина О. Л.¹, канд. ист. наук

¹ Курский государственный университет, г. Курск, Россия

² angelshturbina@list.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу преобразования процесса доказывания в гражданском судопроизводстве под влиянием технологий искусственного интеллекта (ИИ). Рассматриваются основные области применения нейросетей: автоматизированный анализ большого количества электронных доказательств, прогнозная аналитика, оценка относимости и допустимости доказательств, а также проверка их достоверности. Исследуются возникающие споры правового характера, связанные с обеспечением принципов состязательности, равенством сторон, правом на судебную защиту прав и свобод человека, а также с важностью сохранения человеческого фактора при вынесении окончательных судебных решений. Можно сделать вывод, что искусственный интеллект выступает в качестве мощного вспомогательного инструмента, повышающего эффективность и, потенциально, качество правосудия, однако его внедрение в судебную систему нашей страны Российской Федерации (РФ) требует создания и развития нормативной базы, охватывающей как процессуальные, так и этические аспекты.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, доказывание, гражданское судопроизводство, электронные доказательства, нейросети*

The use of artificial intelligence in evidence in civil proceedings: prospects, problems and legal risks

Sturbina A. D.^{1, 2}

Scientific supervisor: Verbina O. L.¹, Cand. Sc. (History)

¹ Kursky State University, Kursk, Russia

² angelshturbina@list.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of the transformation of the evidentiary process in civil proceedings under the influence of artificial intelligence (AI)

technologies. The main areas of application of neural networks are considered: automated analysis of a large number of electronic evidence, predictive analytics, assessment of the relevance and admissibility of evidence, as well as verification of their reliability. The article examines emerging legal disputes related to ensuring the principles of competition, equality of the parties, the right to judicial protection of human rights and freedoms, as well as the importance of preserving the human factor in making final court decisions. It can be concluded that artificial intelligence acts as a powerful auxiliary tool that increases the efficiency and, potentially, the quality of justice, however, its introduction into the judicial system of our country, the Russian Federation (RF), requires the creation and development of a regulatory framework covering both procedural and ethical aspects.

Keywords: *artificial intelligence, evidence, civil proceedings, electronic evidence, neural networks*

Цифровая трансформация правосудия является неотъемлемой частью современной юридической практики. Внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) затрагивает его фундаментальные основы, в том числе центральный институт — судебное доказывание. Возможности ИИ по анализу больших данных, прогнозированию и автоматизированной обработке информации создают потенциал для повышения эффективности, объективности и доступности правосудия. Однако их использование порождает комплекс правовых, этических и технических вызовов, связанных с сохранением принципов состязательности, равноправия сторон, оценки доказательств по внутреннему убеждению судьи и обеспечения прав человека на справедливое судебное разбирательство.

Цель исследования заключается в комплексном анализе потенциальных направлений использования технологий искусственного интеллекта в доказывании по гражданским делам, а также в выработке рекомендаций по совершенствованию процессуального законодательства для безопасной и эффективной интеграции данных технологий.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

- выявить и систематизировать существующие и перспективные технологии ИИ, применимые для различных стадий и аспектов судебного доказывания;
- проанализировать возможные процессуальные формы использования искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве;
- разработать рекомендации для ответственного внедрения ИИ в гражданское судопроизводство.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные методы познания: анализ, индукция, сравнение, обобщение, формально-юридический метод.

В юридической науке распространены различные формулировки понятия «доказывание». Профессор Коваленко А.Г. считает, что доказывание можно рассматривать как правомерную деятельность определённых законом субъектов, причём деятельность строго регламентированную [3, с. 127].

Одним из главных дискуссионных вопросов является вопрос о существовании в судебной практике доказательств, которые имеют значение для рассмотрения и разрешения дела, однако не предусмотренные системой доказательств. Что же будет, если начать использовать применение нейросетей для исправления или генерации доказательств [9, с. 195]? Профессор М.А. Фокина считает, что доказательства можно отнести к числу наиболее актуальных проблем гражданского судопроизводства, поскольку правильное установление фактических обстоятельств дела является необходимым условием правоприменения [5, с. 5].

Система правосудия, как и все другие сферы, претерпевает изменения под воздействием цифровой трансформации. Гражданское судопроизводство, основанное на работе с информацией, всё чаще сталкивается с быстрым ростом объёма и сложностей доказательств, особенно в делах, связанных с корпоративными спорами, защитой прав потребителей, интеллектуальной собственностью [10, с. 228]. В данных условиях традиционные способы доказывания оказываются сложными и не дают желаемого результата. Технологии искусственного интеллекта, предназначенные для обработки больших объёмов данных, предсказания событий, автоматического рассматривания типовых дел, то есть по схожим спорам и анализа судебной практики открывают новые перспективы для улучшения и оптимизации правовой системы. Однако внедрение ИИ в четко структурированный процесс доказывания вызывает ряд сложных теоретических и практических проблем, которые нуждаются в срочном научном анализе и законодательном урегулировании.

В гражданских делах, где доказательственная база включает в себя тысячи электронных документов, переписки по электронной почте, журналы транзакций, сообщения в мессенджерах, системы искусственного интеллекта на основе технологий обработки естественного языка (NLP) могут:

- классифицировать документы по тематике, участникам, датам и степени важности для дела;
- выявлять скрытые связи (например, установление цепочек коммуникации между участниками процесса);
- осуществлять контекстный поиск, выходящий за рамки простых ключевых слов, понимая сущность заданного вопроса.

Также нужно отметить, что нейросети могут использоваться как инструменты верификации. То есть ИИ начнёт проводить анализ данных цифровых файлов для выявления признаков модификации, очень досконально проверять аудио- и видеоматериалов на предмет следов монтажа, даже использовать технологию «Deepfake» (с применением генеративно-состязательных сетей), а также будет сравнивать стилистику и синтаксис в текстах для установления авторства. Основываясь на положениях, что «компьютерный разум» сможет проводить анализ большого количества информации по ранее рассмотренным аналогичным спорам, можно выделить следующие положительные аспекты, которые заключаются в прогнозировании вероятного исхода судебного разбирательства с учётом специфики суда,

категории дела и применяемых норм для вынесения правильного решения; оценке относимости и допустимости тех или иных доказательств, исходя из сложившейся судебной практики; формулировке юридически грамотных запросов о предоставлении дополнительных доказательств.

Также довольно часто суд рассматривает вопросы, связанные с авторскими правами на изображения, созданные нейросетями. Искусственный интеллект обрабатывает большие данные и на их основе выявляет закономерности и генерирует результат по запросу пользователей. Изображения, аудиовизуальные и иные произведения, созданные с помощью искусственного интеллекта, не относятся к охраняемым объектам авторского права, поскольку применительно к ст. 1228 ГК РФ они создаются не творческим трудом автора, а с использованием искусственного интеллекта. Судебная практика так же подтверждает, что при создании произведения автор должен проявлять свои творческие способности оригинальным способом, делая свободный и творческий выбор, отражая свою личность [7, с. 1].

Например, рассмотрим решение суда: ООО обратилось в суд с иском к ответчику о взыскании 300 000 руб. компенсации за нарушение исключительных прав на товарный знак. Истец обнаружил, что ответчик продавал свой товар (матрасы) в маркетплейсе под брендом, принадлежавшем истцу, с использованием визуальных материалов истца. Однако никаких договоренностей между истцом и ответчиком об использовании результатов интеллектуальной деятельности или реализации матрасов не было. Ответчик иск не признал, пытаясь привлечь к рассмотрению дела третье лицо – владельца маркетплейса. Он ссылаясь на то, что карточки товаров на маркетплейсе были заполнены некорректно из-за того, что заполнялись с использованием ИИ. Суд иск удовлетворил, правда, снизив размер компенсации в 2 раза – до 150 000 руб. Было отмечено, что способ заполнения карточки товара выбирался по усмотрению ответчика и с его согласия, риск отсутствия проверки корректности заполнения карточки, а также незаконности использования материалов и контента в ней лежал на ответчике [8, с. 1].

Стоит отметить, что нейросети за счёт своей цифровой структурированности могут выступать неким «ассистентом» как для судьи, так и для сторон гражданского судопроизводства, у которых нет возможности обратиться к юристам. То есть ИИ по запросу судьи сможет сгенерировать и предоставить обобщённые аналитические отчёты, составить хронологию событий и визуализировать комплексные данные. При этом ключевым моментом является то, что окончательное решение о ценности определённых доказательств, основанное на личном убеждении судьи (согласно статье 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации), остаётся исключительно за человеком [2, с. 45].

Например, антимонопольный орган, возражая против удовлетворения заявления о взыскании с него судебных расходов, ссылаясь на то, что заявитель все процессуальные документы по делу подготовил при помощи облачной платформы, разрабатывающей программные решения в сфере «LegalTech» с использованием искусственного интеллекта (машинного обучения и нейронных

сетей). Между тем, как справедливо указал суд, при разрешении вопроса о взыскании расходов на оплату юридических услуг не имеет правового значения, какими подручными средствами пользуется заявитель для подготовки требуемых по делу процессуальных документов. Значение имеет сам факт несения им судебных расходов, а также их разумные пределы. Оценив представленные заявителем в материалы дела документы, учитывая объем и качество предоставленной ему привлеченным исполнителем юридической помощи, документальное подтверждение факта несения расходов, суд взыскал с антимонопольного органа в пользу заявителя компенсацию в размере 30 000 руб. [6, с. 1].

Несмотря на очевидные преимущества, внедрение искусственного интеллекта в доказывание сопряжено с серьёзными рисками, на наш взгляд ставящими под вопрос фундаментальные принципы гражданского процесса [1, с. 4]. Многие сложные модели искусственного интеллекта не являются интерпретируемыми. Если решение о признании доказательств недопустимыми или малозначимыми принимается алгоритмом, сторона должна иметь возможность оспорить логику такого решения. Непрозрачность нейросетей нарушает право стороны на защиту и принцип равного доступа к правосудию. ИИ-системы строятся и на исторических данных, которые могут содержать скрытые предубеждения (например, социально-экономические, политические, расовые и гендерные). Это может привести к систематическим ошибкам в анализе доказательств, воспроизводя существующие в правоприменительной практике стереотипы [4, с. 80].

Стоит отметить, что доступ к передовым инструментам компьютерного характера, которые производят анализ доказательств может быть ограничен в силу их высокой стоимости и конкуренции на рынке. Это создаёт неравные условия для сторон гражданского процесса и процессуальных оппонентов (крупная компания против физического лица). А кто будет нести ответственность за судебную ошибку? Отсутствие чёткого правового ответа на данный вопрос создаёт серьёзную преграду для широкого внедрения технологий в судебную систему, а именно в доказывание в гражданском судопроизводстве.

Таким образом, искусственный интеллект перестаёт быть обычной концепцией и становится реальностью современного гражданского процесса. Его потенциал в области доказывания огромен и направлен на преодоление информационной перегрузки, повышение скорости и системности судебной работы. Однако путь интеграции должен быть продуман до мелочей, а главное не противоречить действующему законодательству РФ и учитывать права человека. Для минимизации рисков необходимо, по нашему мнению,

1. разработать процессуальные стандарты и этические кодексы использования искусственного интеллекта в правосудии;
2. обеспечить алгоритмическую прозрачность и подотчётность в той мере, в которой это возможно без раскрытия коммерческой тайны;
3. гарантировать равный доступ к технологиям, возможно, через создание государственных или судебных ИИ-сервисов для участников процесса;

4. осуществлять профессиональную переподготовку судей и юристов, формируя цифровую грамотность и критическое восприятие новых технологий;

5. закрепить на уровне закона статуса ИИ как вспомогательного технического средства, а его выводов – как справочной информации, не имеющей преюдициальной силы.

Гражданское доказывание в будущем будет строиться на основе партнёрства по принципу «человек+компьютер». То есть искусственный интеллект займется анализом данных, а люди останутся ответственными за принятие юридических решений, руководствуясь законом, этикой и справедливостью.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

3. Гражданский процесс: учебник / под ред. А.Г. Коваленко, А.А. Мохова, П.М. Филиппова. М.: Юрид. фирма "КОНТРАКТ"; ИНФРА-М, 2008. 428 с.

4. Гражданское процессуальное право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под ред. П.В. Крашенинникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2022. 550 с.

5. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / С.Ф. Афанасьев [и др.]; под ред. М.А. Фокиной. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2019. 656 с.

6. Определение Арбитражного суда Смоленской области от 25.02.2025 по делу № А62-7771/2024 // КонсультантПлюс: [сайт] (дата обращения: 09.03.2026).

7. Определение Верховного Суда РФ от 27.04.2021 № 5-КГ21-14-К2, 3-466/2019 // КонсультантПлюс: [сайт] (дата обращения: 09.03.2026).

8. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 15.05.2025 по делу № А40-29219/25-110-236 // КонсультантПлюс: [сайт] (дата обращения: 09.03.2026).

9. Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе: учебно-практ. пособие для вузов. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 416 с.

10. Шерстобоев О.Н., Михеева И.В. Информационные технологии в судебном процессе: возможности искусственного интеллекта в системе доказывания // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2024. № 1. С. 178-195.

Oeconomia et Gubernatio (Экономика и Управление)

Научная статья

УДК 332.122

Квалифицированные кадры в области искусственного интеллекта как фактор роста стоимости компанииБапанов А.С.^{1, 2}Научный руководитель: Симонова Н. Ю.^{1, 3}, канд. экон. наук

¹ Омский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Омск, Россия.

² 220202@list.ru

³ sim_nu_a@mail.ru

Аннотация: Актуальность исследования влияния квалифицированных кадров в области искусственного интеллекта на рост стоимости компаний обусловлена тем, что на сегодняшний день наличие специалистов по ИИ становится одним из ключевых факторов повышения операционной эффективности, роста выручки, рентабельности и рыночной капитализации. Особое внимание уделяется роли генеративного ИИ и ИИ-агентов как усилителей человеческого потенциала и источника конкурентного преимущества.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, стоимость компании, квалифицированные кадры, генеративный ИИ, ИИ-агенты*

Qualified personnel in the field of artificial intelligence as a company value growth factorBapanov A.S.^{1, 2}Scientific supervisor: Simonova N. Y.^{1, 3}, Cand. Sc. (Economics)

¹ Omsk Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Omsk, Russia.

² 220202@list.ru

³ sim_nu_a@mail.ru

Abstract: The relevance of the study of the impact of qualified personnel in the field of artificial intelligence on the growth of the value of companies is due to the fact that today the availability of AI specialists is becoming one of the key factors in in-

creasing operational efficiency, revenue growth, profitability and market capitalization. Special attention is paid to the role of generative AI and AI agents as human potential enhancers and a source of competitive advantage.

Keywords: *artificial intelligence, company value, qualified personnel, generative AI, AI agents*

Введение

В условиях ускоряющейся цифровой трансформации и стремительного развития технологий искусственного интеллекта (ИИ) именно наличие, квалифицированных ИИ-кадров превращается в один из важнейших факторов роста рыночной стоимости компаний.

Цель исследования заключается в анализе и обосновании роли квалифицированных кадров в области искусственного интеллекта как ключевого фактора роста рыночной стоимости компаний в условиях цифровой трансформации.

Для достижения поставленной цели, необходимо решить следующие задачи:

- проанализировать современные источники и отчеты ведущих консалтинговых компаний по влиянию квалифицированных кадров в области искусственного интеллекта на финансовые показатели компаний;
- выявить ключевые механизмы, через которые ИИ-кадры способствуют росту стоимости компаний;
- оценить специфику проблемы дефицита квалифицированных ИИ-кадров и предложить меры по ее преодолению с целью роста стоимости компаний.

Для проведения исследования были использованы следующие методы: анализ современных источников и отчетов крупнейших консалтинговых компаний по вопросу влияния квалифицированных кадров в области искусственного интеллекта на стоимость компаний, синтез, сравнение.

Научная новизна заключается в смещении фокуса анализа с общего воздействия искусственного интеллекта на бизнес на оценку влияния квалифицированных специалистов в данной области как одного из ключевых факторов конкурентного преимущества и роста стоимости компании.

Согласно современным исследованиям ведущих консалтинговых компаний мира, таких как McKinsey, BCG, Deloitte [5], организации, обладающие специалистами в области искусственного интеллекта, демонстрируют в 3-5 раз более высокие темпы роста выручки и существенно лучшую динамику капитализации по сравнению с конкурентами, испытывающими дефицит таких кадров. Это подчеркивает, что компании с сильными квалифицированными кадрами демонстрируют более высокую производительность, в то время как дефицит специалистов замедляет рост и инвестиции.

Основная часть

Тема квалифицированных кадров в области искусственного интеллекта (ИИ) как фактора роста стоимости компаний особенно актуальна на 2026 год, поскольку глобальные инвестиции в ИИ достигли рекордных уровней, а дефицит талантов напрямую влияет на рыночную капитализацию и производительность.

Вопрос влияния компетентных специалистов в области искусственного интеллекта на стоимость компании можно рассмотреть изначально с позиции влияния квалифицированных кадров в целом на развитие компаний и их ключевых показателей.

Так основы теории человеческого капитала, разработанные Теодором Шульцем и Гэри Беккером, рассматривают квалифицированных сотрудников как форму капитала. Инвестиции в образование, обучение и навыки дают более высокую отдачу, чем в материальные активы, повышая производительность труда и экономическую ценность компаний.

Современные исследования развивают эту идею в контексте искусственного интеллекта. Помулев А.А. в работе «Бизнес как объект стоимостной оценки в условиях использования технологии искусственного интеллекта» анализирует ИИ в целом как новый фактор производства, который усиливает эффективность бизнеса и его стоимость. Для оценки и управления взаимосвязью автор предлагает учитывать в стоимостной оценке бизнеса такие факторы, как команды специалистов, качество данных и инновационный потенциал, подчеркивая роль квалифицированных кадров в создании конкурентных преимуществ современных компаний. Хотеева К. в статье «Вложение в будущее. Чего рынок ждет от ИИ в 2025 году.» фокусируется на российском рынке, анализируя данные Cloud X и опросы, показывая дефицит кадров в MLOps, облачной инфраструктуре и кибербезопасности, что тормозит внедрение ИИ и конкурентоспособность, и как итог, стоимость компаний на современном рынке.

Опираясь на классическую теорию и подходы современных авторов, можно определить, что квалифицированные кадры и, в частности, современные специалисты в области ИИ выступают стратегическим активом, напрямую определяющим рост рыночной стоимости компании через усиление производительности, операционной эффективности и капитализации. Рассмотрим подробнее влияние ИИ-кадров как фактора, влияющего на основные показатели компаний и их стоимость.

Современный бизнес проходит этап глубокой цифровой перестройки, где искусственный интеллект выступает универсальной сквозной технологией и занимает центральное место.

Данные Boston Consulting Group по вложениям компаний в цифровые технологии демонстрируют, что организации, которые добились существенных результатов в цифровой трансформации, стабильно опережают остальных по важнейшим финансовым метрикам, таким как темп прироста выручки и уровень прибыли.

Лидеры получают заметно более сильный рост доходов за счет цифровых проектов и достигают значительно более высокой рентабельности по EBIT [3].

В наше время искусственный интеллект поэтапно внедряется во все сферы предпринимательской деятельности, от улучшения рутинных операций до формирования ключевых стратегий компаний. Данная ситуация ставит под сомнение эффективность и надежность классических подходов к расчету рыночной стоимости компаний. Поскольку отсутствует систематизация создаваемых ИИ экономических и социальных эффектов, позволяющая обосновать его роль в структуре факторов стоимости бизнеса [1].

Анализ, проведенный международной аудиторской и консалтинговой корпорацией Deloitte, которая входит в «большую четверку» аудиторских компаний и МКТ MediaStats на иностранных компаниях, показал, что одно упоминание в новостях публичных компаний связи с разработками в части ИИ влияет на стоимость их акций [6].

Аналитика Deloitte также демонстрирует, что компании, вкладывающие средства в искусственный интеллект, стабильно опережают остальных по доходности акций уже через пять, шесть, семь и восемь кварталов после начала инвестиций.

В том же отчете отмечается, что организации финансового сектора достигли трехлетней доходности на 6 процентных пунктов выше среднерыночного уровня, а предприятия технологического, медийного и телекоммуникационного секторов опередили на 12 процентных пунктов.

Генеративный ИИ может помочь организациям осуществить трансформацию бизнеса и создать бизнес-ценность пятью основными способами: снижение затрат, повышение эффективности процессов, создание возможностей для роста, ускорение разработки продуктов/услуг/инноваций, и новые открытия/идеи.

При инвестировании в любые передовые технологии руководителям следует оценивать не только сами инструменты, но и их соответствие общей корпоративной стратегии, и реальной готовности компании к успешному внедрению в структуру компании и дальнейшему масштабированию.

Появление ИИ-агентов кардинально усилило влияние искусственного интеллекта на повседневные профессиональные обязанности сотрудников. При этом такие агенты способны значительно раскрывать человеческий потенциал, что приводит к заметному росту производительности и операционной эффективности как отдельного специалиста, так и всей компании в целом. В итоге это напрямую сказывается на улучшении финансовых результатов и повышении рыночной стоимости бизнеса.

Согласно исследованиям, на данный момент Агенты ИИ повышают ежедневную производительность разработчиков в реальных бизнес-условиях на 10–30 процентов.

В международной аудиторско-консалтинговой сети KPMG специалисты, применяющие GitHub Copilot, в среднем высвобождают около 4,5 часов еженедельно, при этом отмечая заметное улучшение качества создаваемого кода, что следует из проведенного фирмой опроса.

Компании, инвестирующие в ИИ-таланты, достигают в 5 раз большего роста выручки и в 3 раза большего снижения затрат от ИИ.

Дридакис Н. вводит новый термин «капитал искусственного интеллекта», который определяется как «вектор знаний, навыков и возможностей, связанных с технологиями, всю ИИ, которые могут повысить производительность, занятость и доходы людей» [4].

В 2025 году ИИ-агенты составляют 17% от общей ценности ИИ, с прогнозом до 29% к 2028. Высокопроизводительные компании тратят на 26% больше на ИТ (включая ИИ-кадры) и ожидают вдвое больший рост прибыли [3].

В России внедрение технологий искусственного интеллекта существенно замедляется из-за острой нехватки компетентных кадров. По информации компании Cloud X, отечественный рынок сталкивается с серьезным дефицитом профессионалов, особенно тех, кто специализируется на создании ИИ-моделей, MLOps, построении облачной инфраструктуры для ИИ и использовании искусственного интеллекта в задачах кибербезопасности.

В ближайшие годы ожидается введение новых отраслевых норм и правил, которые будут регулировать применение ИИ. Особое внимание уделят работе с большими объемами данных, оценке и минимизации рисков, а также усиленной защите персональных данных, т.к. возможности ИИ позволяют теперь уверенно идентифицировать людей даже по ограниченным наборам информации [2].

Способность монетизировать искусственный интеллект превращается в решающий фактор конкурентоспособности любой компании.

В этой новой парадигме, ценность сотрудников определяется прежде всего тем, насколько они развивают интеллектуальный капитал компании.

По расчетам McKinsey, с 2030 по 2060 год примерно половина всех рабочих операций подвергнется автоматизации. Это примерно на десять лет быстрее, чем предсказывали в предыдущих прогнозах. При этом волна ИИ-технологий обеспечит ежегодный прирост производительности труда на уровне 0,1–0,6 процента вплоть до 2040 года [8].

Высокоэффективные специалисты по ИИ также регулярно используют ИИ в большем количестве бизнес-функций, чем их коллеги. Эти респонденты гораздо чаще, чем другие, сообщают об использовании ИИ в маркетинге и продажах, стратегии и корпоративных финансах, а также в разработке продуктов и услуг, например. Кроме того, высокоэффективные специалисты продвинулись дальше в использовании агентов ИИ, чем другие. В большинстве бизнес-функций высокоэффективные специалисты по ИИ как минимум в три раза чаще, чем их коллеги, сообщают о расширении использования агентов [7].

Результаты исследования также показывают, что использование ИИ высокоэффективными сотрудниками чаще поддерживается их руководителями. Высокоэффективные сотрудники в три раза чаще, чем их коллеги, полностью согласны с тем, что высшее руководство их организаций демонстрирует заинтересованность и приверженность своим инициативам в области ИИ. Эти респонденты также гораздо чаще, чем другие, говорят, что высшее руководство активно участвует в продвижении внедрения ИИ, включая демонстрацию примеров его использования.

Заключение

Квалифицированные кадры в области искусственного интеллекта в современных условиях становятся стратегическим активом и ключевым фактором, напрямую влияющим на рост стоимости компании. Компании, способные привлекать, развивать и эффективно использовать специалистов по ИИ, получают существенное конкурентное преимущество, выражающееся в ускоренном росте выручки, повышении операционной эффективности, лучшей рентабельности и более высокой рыночной капитализации.

Сегодня ИИ-агенты усиливают человеческий капитал, позволяя достигать значительного прироста производительности, однако их потенциал может быть реализован только при наличии квалифицированных специалистов, умеющих грамотно использовать, контролировать и интегрировать эти технологии в бизнес-процессы.

В России проблема дефицита кадров в области искусственного интеллекта остается одним из главных факторов, препятствующим на пути активного внедрения искусственного интеллекта в экономику. Преодоление этого барьера через системное развитие образования, корпоративные программы подготовки станет важнейшим условием конкурентоспособности российских компаний в ближайшее десятилетие.

На основе проведенного исследования можно предложить следующие меры по усилению роли квалифицированных ИИ-кадров в росте стоимости компаний:

- инвестировать в привлечение и развитие талантов через корпоративные программы, например, обучение промт-инжинирингу и работе с ИИ-агентами, что, позволит повысить производительность на 10-30%, что подтверждает мировой опыт;

- внедрять кросс-функциональные команды ИИ-специалистов для интеграции технологий в бизнес-процессы с акцентом на стратегическое соответствие;

- развивать государственные и корпоративные инициативы по образованию в партнерстве с ведущими вузами, чтобы преодолеть дефицит кадров и обеспечить кибербезопасность;

- оценивать ИИ-капитал и эффекты от внедрения ИИ в стоимостной оценке бизнеса, включая метрики производительности и инноваций, для обоснования инвестиций.

Эти предложения позволят компаниям привлекать и развивать кадры в области искусственного интеллекта, превращая кадровый потенциал в долгосрочное конкурентное преимущество.

Исходя из чего, инвестиции в развитие и удержание ИИ-талантов сегодня следует рассматривать как наиболее эффективный способ создания долгосрочной стоимости бизнеса.

Библиографический список

1. Помулев А.А. Бизнес как объект стоимостной оценки в условиях использования технологии искусственного интеллекта // Инновации и инвестиции. 2024. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biznes-kak-obekt->

[stoimostnoy-otsenki-v-usloviyah-ispolzovaniya-tehnologii-iskusstvennogo-intellekta](#)
(дата обращения: 02.02.2026).

2. Хотеева К. Вложение в будущее. Чего рынок ждет от ИИ в 2025 году // Коммерсант: [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7605032?sclid=m8x6mxt9am434324280> (дата обращения: 02.02.2026).

3. Boston Consulting Group. Show Me the Digital Value: [сайт]. URL: <https://www.bcg.com/publications/2022/assessing-digital-value-gap> (дата обращения: 02.02.2026).

4. Drydak N. Artificial intelligence capital and employment prospects // Oxford Economic Papers. 2024. № 4. P. 901–919. URL: https://www.researchgate.net/publication/379249775_Artificial_intelligence_capital_and_employment_prospects (дата обращения: 02.02.2026).

5. The state of AI in 2025: Agents, innovation, and transformation: [сайт]. McKinsey & Company. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/quantumblack/our-insights/the-state-of-ai> (дата обращения: 02.02.2026).

6. Generating value from generative AI: [сайт]. Deloitte. URL: <https://www.deloitte.com/us/en/insights/topics/digital-transformation/companies-investing-in-ai-to-generate-value.html> (дата обращения: 23.12.2025).

7. The state of AI in 2025: Agents, innovation, and transformation: [сайт]. McKinsey & Company. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/quantumblack/our-insights/the-state-of-ai> (дата обращения: 02.02.2026).

8. What is prompt engineering? McKinsey & Company. 2024. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/mckinsey-explainers/what-is-prompt-engineering> (дата обращения: 02.02.2026).

Научная статья
УДК 336.02:312

Размер налоговых вычетов на детей в условиях индексируемого МРОТ: количественная оценка и социально-экономические последствия

Бурханова А. Р.^{1, 2}, Пермякова Д. А.^{1, 3}

Научный руководитель: Иванова Е. В.¹, канд. экон. наук, доцент

¹ Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, г. Омск, Россия.

² alinyshka.3@mail.ru

³ permyakovada@icloud.com

Аннотация: Статья посвящена анализу социальной функции налогового законодательства РФ на примере стандартного вычета на детей. Проблема исследования заключается в снижении реальной ценности вычета для семей из-за отсутствия его регулярной индексации на фоне роста МРОТ и инфляции. Цель работы — количественно оценить динамику соотношения размеров вычетов и МРОТ в 2022–2026 гг. и обосновать необходимость реформирования механизма их корректировки. Для достижения цели были систематизированы статистические данные о размерах МРОТ и вычетов, проведена оценка динамики их реальной стоимости и разработаны рекомендации по совершенствованию законодательства. Методами исследования выступили анализ, синтез, сравнение и графическое представление данных. Научная новизна заключается в разработке количественно-аналитического подхода к оценке эффективности вычетов. В отличие от других работ, в статье представлен сравнительный анализ сумм вычетов и их доли в МРОТ, демонстрирующий нарастающую диспропорцию. Результаты показывают: несмотря на увеличение вычетов на второго и третьего ребенка в 2025 году, неизменный размер вычета на первого ребенка снизил его относительную значимость в доходах, привязанных к МРОТ, практически вдвое. Это свидетельствует об ослаблении социальной составляющей инструмента. В качестве рекомендаций предлагается комплекс законодательных мер: закрепление принципа ежегодной индексации, привязка размера вычета к МРОТ или его существенный периодический пересмотр. Реализация этих мер будет способствовать повышению справедливости налоговой системы и усилению ее демографической направленности.

Ключевые слова: МРОТ, налоговое законодательство, налоговая политика, налоговый вычет на детей, индексация, удельный вес

**The amount of tax deductions for children in terms of indexed minimum wage:
quantitative assessment and socio-economic consequences**

Burkhanova A. R.^{1, 2}, Permyakova D. A.^{1, 3}

Scientific supervisor: Ivanova E. V.¹, Cand. Sc. (Economics), Associate Professor

¹ Siberian Institute of Business and Information Technologies, Omsk, Russia.

² alinyshka.3@mail.ru

³ permyakovada@icloud.com

Abstract: The article is devoted to the analysis of the social function of the tax legislation of the Russian Federation on the example of the standard deduction for children. The problem of the study is to reduce the real value of the deduction for families due to the lack of regular indexation against the background of rising minimum wages and inflation. The purpose of the work is to quantify the dynamics of the ratio of deductions and the minimum wage in 2022-2026 and to justify the need to reform the mechanism of their adjustment. To achieve this goal, statistical data on the minimum wage and deductions were systematized, the dynamics of their real value was assessed, and recommendations for improving legislation were developed. The research methods were analysis, synthesis, comparison and graphical representation of data. The scientific novelty lies in the development of a quantitative and analytical approach to assessing the effectiveness of deductions. Unlike other works, the article presents a comparative analysis of the amounts of deductions and their share in the minimum wage, demonstrating an increasing disparity. The results show that despite the increase in deductions for the second and third child in 2025, the unchanged amount of the deduction for the first child reduced its relative importance in income linked to the minimum wage by almost half. This indicates a weakening of the social component of the instrument. A set of legislative measures is proposed as recommendations: fixing the principle of annual indexation, linking the amount of deduction to the minimum wage or its significant periodic revision. The implementation of these measures will help to increase the fairness of the tax system and strengthen its demographic orientation.

Keywords: *minimum wage, tax legislation, tax policy, child tax deduction, indexation, proportion*

В Российской Федерации налоговая система занимает особое место. Налоговое законодательство страны находится в постоянном движении, претерпевая ежегодные значительные трансформации. Эти изменения касаются всех аспектов налогообложения: от уплаты налогов физическими лицами и компаниями до специальных режимов, льгот и вычетов.

Налоговая политика государства ориентирована на оптимизацию администрирования налога на доходы физических лиц и стимулирование добровольных платежей, что обеспечивает гражданам доступ к социальным гарантиям.

Социальная функция налогового законодательства реализуется через его непрерывное обновление, учитывающее изменчивость экономической ситуации и запросы гражданского общества. Законодательство также предусматривает

меры по улучшению уровня жизни населения путем совершенствования механизмов регулирования налогов и сборов.

В статье И. С. Большухиной и М. В. Кангро «Перспективы совершенствования налога на доходы физических лиц для налогоплательщиков с детьми», предметом исследования выступают отдельные налоговые преференции для семей с детьми по налогу на доходы физических лиц (НДФЛ). В данной работе происходит оценка их социально-экономической эффективности и разработка новых предложений по совершенствованию системы стандартных налоговых вычетов на детей. Многообразие вычетов при исчислении НДФЛ для семей с детьми не отвечает на настоящий момент задачам преодоления сложившихся тенденций демографических процессов и в своем большинстве носит компенсирующий, а не стимулирующий характер. Перспективы совершенствования налогообложения доходов граждан с детьми, отвечающие стратегическим целям государственной демографической политики, должны воплощаться в использовании элементов семейного налогообложения и семейных вычетов [4].

В статье М. Л. Лебедевой «Меры государственной поддержки семей с детьми: правовые аспекты» выделены следующие проблемы: вопросы финансирования социальной сферы в целом, в том числе применительно к выплатам в виде пособий, компенсационных льгот и пр.; обеспечительные меры государственной защиты родителей как социальная гарантия российского государства; вопросы индексации пособия с учетом взросления ребенка. Соответственно, вопросы реализации правовых институтов социального обеспечения требуют дальнейшего внимания, как со стороны теоретических исследований, так и дальнейшей оптимизации нормативного правового регулирования [5].

Оба исследования сходятся в том, что затрагивают тему размера налоговых вычетов на детей, и считают, что их размер должен быть динамичным. Но никто не рассматривает налоговые вычеты на детей в условиях индексируемого МРОТ.

В Российской Федерации налоговый вычет на детей определяется как сумма, на которую уменьшается доход, облагаемый НДФЛ для родителей, опекунов и приемных родителей на обеспечении, которых находится ребенок. Вычет относится к категории стандартных налогов вычетов и регулируются статьей 218 налогового кодекса Российской Федерации.

Согласно норме, установленной пунктом 4 статьи 218 Налогового кодекса Российской Федерации, налоговый вычет полагается на каждого несовершеннолетнего ребенка (до 18 лет). Также этот вычет применим к лицам, получающим образование по очной форме обучения, включая аспирантов, ординаторов, интернов, студентов и курсантов, возраст которых не превышает 24 года.

Минимальный размер оплаты труда (МРОТ) — это законодательно установленный минимум, ниже которого не может быть установлен размер месячной заработной платы работника, полностью отработавшего свою норму рабочего времени и выполнившего трудовые обязанности. МРОТ регулируются

статьей 133 трудового кодекса Российской Федерации.

Согласно Федеральному закону № 82-ФЗ от 19.06.2000 «О минимальном размере оплаты труда», устанавливается величина МРОТ, которая подлежит ежегодной индексации в зависимости от текущей экономической ситуации. Но несмотря на социальную направленность налоговой политики, ключевая проблема заключается в том, что размер налоговых вычетов на детей не индексируется на регулярной основе. Это приводит к существенной диспропорции и систематическому снижению значимости вычета для семей с детьми, чьи доходы растут вместе с МРОТ.

Для проведения количественной оценки рассмотрим суммы налоговых вычетов на детей за последние пять лет и проследим динамику их доли в МРОТ (таблица 1, рисунок 1).

Таблица 1

Расчет удельного веса налоговых вычетов на детей в МРОТ за 2022-2026 гг.

Отчетная дата изменения МРОТ	Величина МРОТ, руб.	Размер вычета на ребенка ¹ , руб.	Уд. вес вычета в МРОТ, %	Размер вычета на ребенка ² , руб.	Уд. вес вычета в МРОТ, %	Размер вычета на ребенка ³ , руб.	Уд. вес вычета в МРОТ, %
01.01.2022	13 890	1 400	10,08	1 400	10,08	3 000	21,60
01.06.2022	15 279	1 400	9,16	1 400	9,16	3 000	19,63
01.01.2023	16 242	1 400	8,62	1 400	8,62	3 000	18,47
01.01.2024	19 242	1 400	7,28	1 400	7,28	3 000	15,59
01.01.2025	22 440	1 400	6,24	2 800	12,48	6 000	26,74
01.01.2026	27 093	1 400	5,17	2 800	10,33	6 000	22,15

В 2025 году размер налоговых вычетов на 2-го и 3-го ребенка увеличился вдвое, в связи с чем их удельный вес в МРОТ значительно вырос. Если сравнить значения, представленные в таблице 1, мы видим, что положительное изменение законодательно установленных сумм вычетов не только остановило негативную тенденцию, но и превзошло результаты базисного периода. Так, в 2026 году по сравнению с 2022 годом удельный вес в МРОТ на 2-го и 3-го ребенка увеличился на 0,25% и 0,55% соответственно. Однако с налоговым вычетом на 1-го ребенка ситуация обстоит иначе.

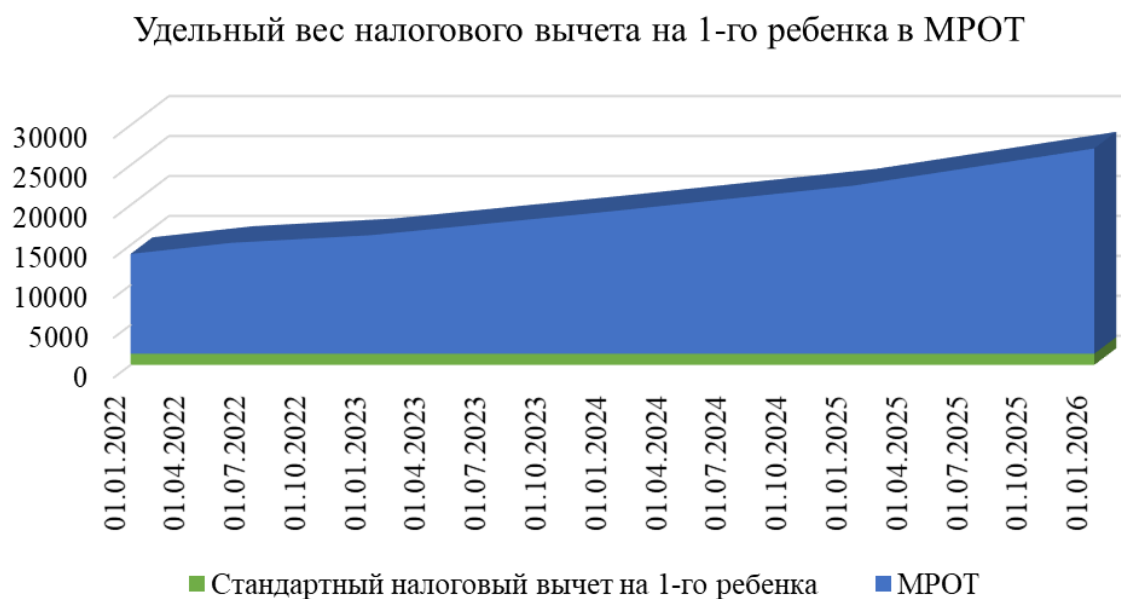

Рис. 1. Соотношение налогового вычета на 1-го ребенка в общей совокупности МРОТ на период с 2022-2026 гг.

При сохранении неизменного размера вычета на 1-го ребенка его относительная значимость для доходов, привязанных к МРОТ, сократится практически вдвое - с 10,08% до 5,17%, то есть на 4,91%. Данная тенденция демонстрирует постепенное сокращение социальной составляющей налогового механизма, так как реальная финансовая нагрузка на семьи с детьми, получающие доходы на уровне МРОТ, не уменьшается пропорционально росту их номинальных доходов.

Фискальная экономия бюджета от неизменности вычета на фоне растущей заработной платы оборачивается снижением покупательной способности семей и увеличением относительного налогового бремени, что противоречит заявленным целям улучшения уровня жизни через налоговое регулирование.

Социально-экономические последствия этой динамики заключаются в ослаблении адресной поддержки наиболее уязвимых категорий родителей, усилении неравенства среди домохозяйств с разным количеством детей и снижении эффективности вычета как инструмента демографической политики, поскольку его мотивирующая ценность для потенциальных родителей систематически обесценивается.

Для противодействия выявленной негативной тенденции и восстановления социальной значимости налогового вычета на детей целесообразно рассмотреть следующие меры.

Во-первых, законодательное закрепление принципа ежегодной индексации размеров стандартных налоговых вычетов на детей в соответствии с индексом роста потребительских цен или индексом роста МРОТ, что позволит автоматически сохранять их покупательную способность и фискальную значимость.

Во-вторых, можно рассмотреть возможность привязки размера вычета к

величине, действующего МРОТ, установив его, например, как процент от МРОТ или фиксированную долю от него.

В-третьих, в качестве компромиссного решения допустимо установление периодического (раз в 2-3 года) существенного пересмотра абсолютных размеров вычетов с учетом накопленной инфляции и роста доходов населения.

Реализация любого из данных механизмов потребует внесения соответствующих поправок в Налоговый кодекс Российской Федерации, но будет способствовать повышению справедливости налоговой системы, усилению ее социальной направленности и повышению эффективности мер демографической поддержки.

Библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) (ред. от 28.11.2025) // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.02.2026).

2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025) // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.02.2026).

3. Федеральный закон от 19.06.2000 № 82-ФЗ (ред. от 28.11.2025) "О минимальном размере оплаты труда" // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.02.2026).

4. Большухина И.С., Кангро М.В. Перспективы совершенствования налога на доходы физических лиц для налогоплательщиков с детьми // Экономика. Налоги. Право. 2025. № 4.

5. Лебедева М.Л. Меры государственной поддержки семей с детьми: правовые аспекты // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 2-3 (101).

Научная статья
УДК 622.276.53:504.3.

Ресурсосберегающие технологии для развития нефтегазовой отрасли

Дубровина М. И.^{1, 2}

Научный руководитель: Кузьмин А. А.¹, канд. экон. наук

¹ Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, г. Омск, Россия.

² goskova62@mail.ru

Аннотация: В статье исследуются ресурсосберегающие технологии в нефтегазовой отрасли Тюменского региона, включающего ХМАО-Югру и ЯНАО, на долю которых приходится более 55% российской нефти и около 90% газа. Актуальность обусловлена истощением сырьевой базы, высокой обводненностью зрелых месторождений (до 90%), необходимостью освоения трудноизвлекаемых запасов и уязвимостью арктических экосистем. Осуществлен анализ предшествующих исследований, выявивший три основных направления (теоретико-методологическое, экономико-экологическое, технологическое) и их ограничения: фрагментарность, недостаточную адаптацию к региональным условиям. Определены нерешенные вопросы: отсутствие интегральных моделей управления ресурсами, проблемы утилизации ПНГ, необходимость экономической оценки с учетом северной логистики. Проведен анализ существующих ресурсосберегающих технологий с точки зрения их использования в конкретных природно-климатических условиях. Выделены их достоинства и недостатки. Предложен авторский подход — применение для решения поставленной проблемы концепции «Ресурсоэффективного полигона», объединяющего управление водными ресурсами, энергохимический каскад и цифровые двойники для зрелых и арктических месторождений, что позволяет снизить себестоимость добычи и экологическую нагрузку.

Ключевые слова: ресурсосберегающие технологии, Тюменский регион, нефтегазовая отрасль, трудноизвлекаемые запасы, ресурсоэффективный полигон

Resource-saving technologies for the development of the oil and gas industry

Dubrovina M. I.^{1, 2}

Scientific supervisor: Kuzmin A. A.¹, cand. sc. (Economics)

¹ Siberian Institute of Business and Information Technologies, Omsk, Russia.

² goskova62@mail.ru

Abstract: The article examines resource-saving technologies in the oil and gas industry of the Tyumen region, which includes Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra and Yamalo-Nenets Autonomous District, which account for more than 55% of Russian oil and about 90% of gas. The urgency is due to the depletion of the raw material base, high waterlogging of mature deposits (up to 90%), the need to develop hard-to-recover reserves and the vulnerability of Arctic ecosystems. The analysis of previous studies has been carried out, revealing three main directions (theoretical, methodological, economic, environmental, technological) and their limitations: fragmentation, insufficient adaptation to regional conditions. Unresolved issues have been identified: the lack of integrated resource management models, the problems of APG utilization, and the need for an economic assessment taking into account northern logistics. The analysis of existing resource-saving technologies from the point of view of their use in specific natural and climatic conditions is carried out. Their advantages and disadvantages are highlighted. The author's approach is proposed — the application of the concept of a "Resource-efficient landfill" to solve the problem, combining water resources management, an energy chemical cascade and digital twins for mature and Arctic fields, which reduces the cost of production and the environmental burden.

Keywords: *resource-saving technologies, Tyumen region, oil and gas industry, hard-to-recover reserves, resource-efficient landfill*

Введение

Актуальность темы для Тюменского региона обусловлена его ключевой ролью в энергетической безопасности страны. На долю ХМАО-Югры и ЯНАО приходится более 55% добычи нефти в России и около 90% добычи природного газа. Однако отрасль сталкивается с системными вызовами:

1. Истощение сырьевой базы. Крупнейшие месторождения (Самотлорское, Приобское, Мамонтовское) вступили в стадию падающей добычи, характеризующуюся высокой обводненностью (до 90%) и необходимостью вовлечения в разработку трудноизвлекаемых запасов (ТРИЗ). Добыча традиционных легких запасов становится экономически менее эффективной.

2. Экологические вызовы Арктики и Севера. Хрупкая экосистема Ямала и приполярных территорий крайне уязвима к техногенным воздействиям. Проблема утилизации попутного нефтяного газа (ПНГ) на месторождениях ХМАО остается острой, несмотря на ужесточение штрафов.

3. Энергоемкость производства. В условиях Крайнего Севера затраты на выработку тепла и электроэнергии для нужд промыслов многократно возрастают. Проблема энергосбережения напрямую влияет на себестоимость тонны добытой нефти.

Таким образом, внедрение ресурсосберегающих технологий в Тюменском регионе является не просто инструментом повышения эффективности, а необходимым условием для рентабельной разработки месторождений в текущих экономических и климатических реалиях.

В то же время внедрение ресурсосберегающих технологий в Западной Сибири сталкивается с необходимостью ликвидации исторически накопленных потерь (например, огромные объемы сожженного ПНГ в факелах) и адаптации инновационных решений к условиям вечной мерзлоты, заболоченности и низких температур. Это является актуальной проблемой для региона.

Исходя из обозначенной проблемы формируется цель исследования — оценить потенциал и специфику внедрения ресурсосберегающих технологий на нефтегазовых месторождениях Тюменского региона для минимизации потребления ресурсов, снижения затрат на добычу ТРИЗ и повышения экологической безопасности северных территорий.

Проблематика внедрения ресурсосберегающих технологий в нефтегазовой отрасли заключается в необходимости ликвидации непроизводительных потерь углеводородного сырья и эффективного использования попутного газа. В условиях возрастающего давления на ресурсы и ужесточения экологических норм, компании должны снизить капитальные и операционные затраты, повысить конкурентоспособность и минимизировать экологический ущерб.

Эти технологии становятся ключевыми для устойчивого развития, способствуя повышению энергоэффективности и рациональному ресурсопотреблению.

Они помогают решать социально-экономические задачи, сохранять окружающую среду и адаптироваться к новым рыночным и регуляторным требованиям.

Методология основана на анализе теоретических источников, данных и практического применения технологий, а также сравнительном анализе их эффективности. Используются методы системного и сравнительного анализа, экспертная оценка для получения целостного представления о текущем состоянии и перспективах развития ресурсосберегающих технологий в отрасли.

Прежде, чем приступать к собственному исследованию, необходимо обратиться к массиву уже существующих на данный момент работ. Анализ источников позволяет выделить три ключевых направления в изучении ресурсосберегающих технологий, каждое из которых имеет свои достоинства и ограничения. Первый аспект исследования можно определить как теоретико-методологический. Деревянов М.Ю. и др. [5] Подборнова Е.С. [12] в своих работах проводят формирование понятийного аппарата, классификация видов ресурсов, разработка критериев оценки. Однако в них можно обнаружить отрыв от отраслевой специфики, также недостаточна адаптация к условиям конкретных месторождений.

Значительное число авторов, в частности, Азиева Р.Х., Таймасханов З.Х. [2], Ильинский А.А. [6], Краснов О.С., Смирнов В.П. [7], Негреева В.В. [11], Шевелева Н.А., Бачаев И.Б. [13], разрабатывают экономико-экологический аспект проблемы. В их исследованиях осуществляется увязка ресурсосбережения с декарбонизацией, анализ энергоемкости как фактора конкурентоспособности. Однако, эти исследования проводятся с применением преимущественно макроэкономического анализа, а проработка технологических решений проведена недостаточно полно.

Наконец, можно выделить группу работ, которые разрабатывают технологический (прикладной) аспект проблемы. Их авторы, такие, как Агаджикова А.Т. [1], Афанасьев В. Я., Большакова О. И., Романцов А. А. [3] Варламов А.И. [4] Манукян М.М., Артемьян К.Б. [8], Михайлец Э.Б. [9], Мичурина О.Ю. [10] в своих исследованиях приводят конкретные технические решения (МГРП, полимерное заводнение), осуществляют анализ эффективности. В то же время в них наблюдается фрагментарность и отсутствие системного подхода к управлению ресурсами. Таким образом, тема является междисциплинарной и затрагивает экологические, экономические, технологические и социальные аспекты, что подчеркивает её высокую значимость для современной нефтегазовой отрасли.

В целом, на основании проведенного анализа работ, касающихся этой проблематики, можно выделить ряд нерешенных вопросов и исследовательских пробелов. Отсутствуют интегральные модели управления ресурсами, объединяющих энергоэффективность, водопользование, утилизацию ПНГ и повышение нефтеотдачи в единую систему. Недостаточна адаптация мировых технологических решений к условиям Тюменского региона: вечная мерзлота, заболоченность, удаленность инфраструктуры, высокая обводненность скважин (до 90% на зрелых месторождениях). Остается нерешенной проблема комплексной утилизации ПНГ в условиях отсутствия газотранспортной инфраструктуры для малых и средних месторождений ЯНАО. Также еще предстоит дать экономическую оценку эффективности ресурсосберегающих технологий с учетом северного завоза оборудования и сезонности логистики. Наконец, пробелом является отсутствие методик оценки синергетического эффекта от одновременного внедрения различных ресурсосберегающих решений.

Современная промышленность требует высоких стандартов как в плане производительности, так и экологической ответственности. Переход на ресурсосберегающие технологии — это не просто тренд, а насущная необходимость, продиктованная стремлением к устойчивому развитию и минимизации экологического ущерба.

Ресурсосбережение – это процесс управления ресурсами, направленный на реализацию концепции устойчивого развития компании за счет снижения потерь и затрат во всех основных и обеспечивающих процессах по созданию ценности продукта/услуг при бережливом отношении к природным ресурсам [8, с. 105].

Отличительной особенностью данной трактовки понятие «ресурсосбережения» является рассмотрение его сущности с позиции обеспечения устойчивого развития экономики хозяйствующего субъекта, что позволяет определить различные сценарии повышения эффективности использования ресурсов, включая природные, направленные на повышение эффективности бизнеса.

Управление ресурсосбережением, следовательно, будет направлено на повышение эффективности функционирования производственной системы путем рационального использования всех видов ресурсов, способствующие минимизации издержек, ликвидации потерь, повышения качества продукции.

Необходимо подчеркнуть, что использование ресурсосберегающих технологий для развития нефтегазовой отрасли означает для предприятий уменьшение затрат на энергоносители, сокращение вредных выбросов в атмосферу и повышение экологической безопасности производства.

Как мы видим далее, на рисунке 1 представлены некоторые достоинства ресурсосберегающих технологий для развития нефтегазовой отрасли.

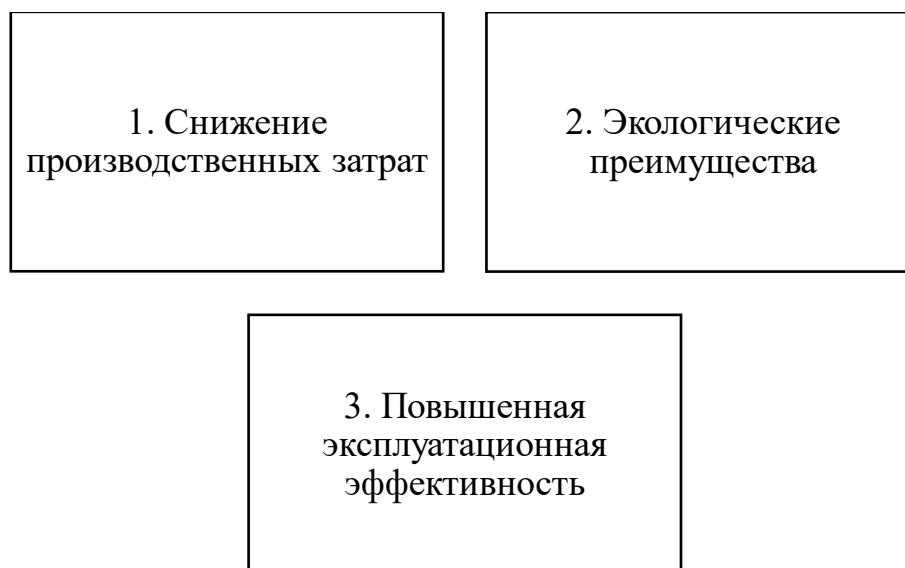

Рис.1. Достоинства ресурсосберегающих технологий для развития нефтегазовой отрасли [10, с. 95]

1. Снижение производственных затрат. Технологии позволяют минимизировать использование ресурсов при разведке, добыче и транспортировке нефти и газа.

2. Экологические преимущества. Снижение выбросов уменьшает воздействие на окружающую среду и затраты на соблюдение требований, связанных с улавливанием и хранением углерода.

3. Повышенная эксплуатационная эффективность. Технологии оптимизируют процессы, улучшают автоматизацию и облегчают мониторинг в реальном времени, что минимизирует риски, связанные с отказом оборудования или человеческой ошибкой.

Кроме того, внедрение ресурсосберегающих инноваций на предприятиях нефтегазовой отрасли в перспективе сокращает расходы государственного бюджета и рост тарифов, способствует повышению национальной и региональной конкурентоспособности.

Далее представим на рисунке 2 некоторые недостатки ресурсосберегающих технологий для развития нефтегазовой отрасли.

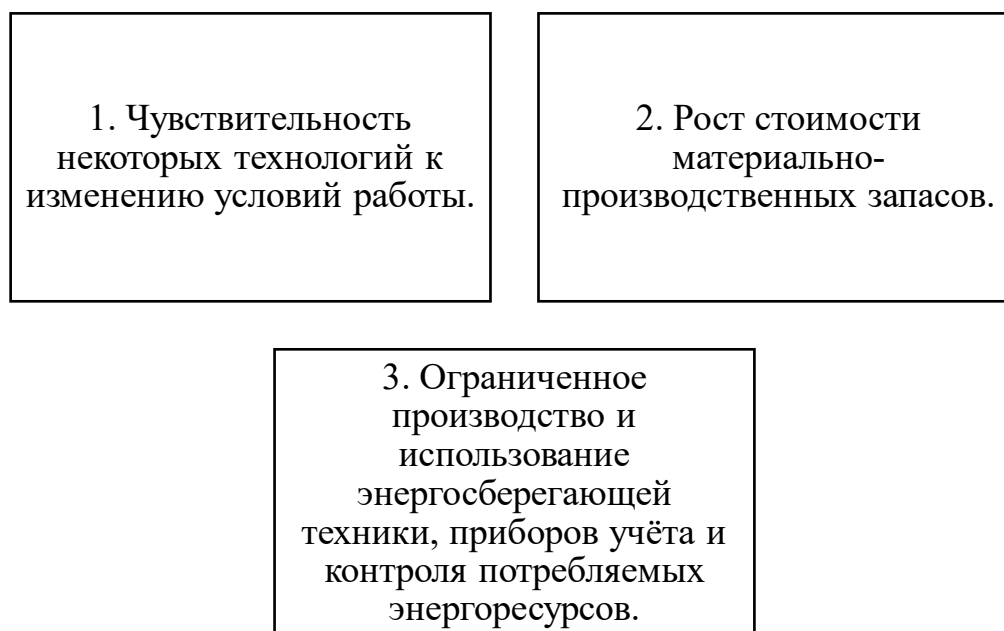

Рис. 2. Недостатки ресурсосберегающих технологий для развития нефтегазовой отрасли [11, с. 101]

Рассмотрение недостатков ресурсосберегающих технологий для развития нефтегазовой отрасли помогает оценить их производственно-экономическую эффективность и учесть возможные неблагоприятные последствия.

1. Чувствительность некоторых технологий к изменению условий работы. Например, эжекторное компримирование чувствительно к составу и расходу газов, что может приводить к нестабильной работе при отклонении от расчётного режима.

2. Рост стоимости материально-производственных запасов. Это приводит к увеличению себестоимости добытой продукции и снижению доли прибыли.

3. Ограниченное производство и использование энергосберегающей техники, приборов учёта и контроля потребляемых энергоресурсов. Это может быть связано с недостаточной платёжеспособностью, неразвитостью инфраструктуры рынка энергосберегающей техники, недостатком оборотных средств у предприятий, сложностью получения кредитов и инвестиций.

В современном мире вопросы рационального использования природных ресурсов приобретают особую актуальность. Нефтегазовая отрасль является одним из ключевых секторов экономики, однако её развитие часто сопровождается негативным воздействием на окружающую среду. В связи с этим возникает необходимость внедрения ресурсосберегающих технологий, которые позволят повысить эффективность производства, уменьшить вредное воздействие на природу и обеспечить устойчивое развитие отрасли.

Вернемся к основной теме и рассмотрим перспективные технологии, которые могут быть использованы в нефтегазовой отрасли для снижения потребления ресурсов и улучшения экологической ситуации применительно к условиям Тюменского региона.

Специфика ресурсосбережения в нефтегазовой отрасли Тюменского региона заключается в том, что управление ресурсами (энергия, вода, реагенты) напрямую влияет на возможность продления жизни «старых» месторождений и экономику новых проектов на Ямале. Как любые другие технологии, ресурсосберегающие имеют свои достоинства и недостатки.

К числу достоинств внедрения ресурсосберегающих технологий в условиях Тюменского Севера можно отнести следующие:

1. Снижение операционных затрат (ОРЕХ) на зрелых месторождениях. Для месторождений ХМАО с высокой обводненностью характерны колоссальные затраты на электроэнергию для закачки воды и перекачки пластовой жидкости. Применение частотно-регулируемых приводов на насосах и оптимизация системы ППД (поддержания пластового давления) позволяют снизить потребление электроэнергии на 15-25%, что напрямую уменьшает себестоимость нефти.

2. Экологические преимущества для Арктической зоны. На месторождениях полуострова Ямал (например, Бованенково, Харасавэй) применение технологий с минимальным воздействием на грунты (кустовое бурение с большим отходом ствола) позволяет сохранить целостность вечной мерзлоты. Кроме того, перевод газотурбинных электростанций (ГТЭС), работающих на попутном или природном газе, на более эффективные парогазовые циклы (ПГУ) снижает выбросы CO₂ и тепловое загрязнение атмосферы.

3. Экономическая эффективность добычи ТРИЗ. Внедрение технологий многостадийного гидроразрыва пласта (МГРП) на баженовской свите и ачимовских отложениях в Югре позволяет вовлечь в разработку запасы, которые ранее считались нерентабельными. Это есть прямое ресурсосбережение на макроуровне — более полное извлечение углеводородов из недр без ввода в бурение новых площадей.

Однако использование высокотехнологичных решений в условиях Тюменского региона имеет и обратную сторону:

1. Чувствительность к условиям Крайнего Севера. Многие датчики автоматизированных систем управления технологическими процессами (АСУ ТП) и «умное» оборудование могут давать сбои при экстремально низких температурах (ниже -45°C) или высокой влажности, характерных для ЯНАО. Требуется их дорогостоящая адаптация («северное» исполнение).

2. Рост капитальных затрат (CAPEX). Строительство установок по утилизации ПНГ (компрессорные станции, газопроводы до перерабатывающих заводов) требует огромных первоначальных инвестиций. Для малых и средних месторождений на севере Тюменской области это часто экономически неподъемно без государственных субсидий.

3. Логистические ограничения. Завоз тяжелого энергосберегающего оборудования (газотурбины, блок-модули) на месторождения Ямала возможен только по зимникам или Северному морскому пути, что жестко привязывает сроки внедрения технологий к сезонным окнам.

Рассмотрим технологии, имеющие максимальный потенциал для снижения потребления ресурсов именно в Западной Сибири.

Прежде всего, сюда относится полномасштабная утилизация попутного нефтяного газа (ПНГ) в ХМАО. На сегодняшний день крупные компании ("Сургутнефтегаз", "Роснефть") строят на месторождениях Югры собственные газотурбинные электростанции. Это позволяет решить задачи, связанные с прекращением сжигания ПНГ в факелах, что снижает платежи за вредные выбросы, и обеспечением дешевой электроэнергией процессов добычи (мехдобыча), замещая дорогую электроэнергию из общей сети. В качестве примера можно привести Приобское месторождение, где работают ГТЭС, использующие ПНГ в качестве топлива, что покрывает значительную часть энергопотребления промысла.

Эффективный характер имеет использование цифровизации и «умных скважин» для месторождений Ямала. Внедрение интеллектуальных систем мониторинга разработки (Intelligent Field) на газовых месторождениях ЯНАО позволяет дистанционно управлять задвижками и режимами работы скважин. Это минимизирует выезды оперативного персонала на кусты (снижение затрат на транспорт и риск для людей) и оптимизирует отбор газа, предотвращая преждевременное обводнение пластов.

Также важным и необходимым является применение теплоизоляции и композитных материалов в условиях вечной мерзлоты. Использование композитных материалов (стеклопластика) для трубопроводов на месторождениях Ямала решает критическую проблему коррозии и снижает теплотери при транспортировке высоковязкой нефти. В отличие от металла, композиты не требуют дорогостоящей электрохимической защиты и имеют больший срок службы в агрессивных северных условиях.

Наконец, нужно активно обращаться к энергоэффективным технологиям поддержания пластового давления (ППД). Для месторождений Тюменского региона с большим фондом скважин замена насосного оборудования на высокоэффективные электроцентробежные насосы (УЭЦН) с улучшенными характеристиками позволяет снизить удельный расход электроэнергии на подъем 1 тонны жидкости, что критично для высокообводненных скважин Самотлора.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что внедрение ресурсосберегающих технологий в нефтегазовой отрасли Тюменского региона — это стратегический вектор развития, позволяющий решать комплекс экономических, экологических и социальных задач.

Специфика региона требует не просто копирования мировых практик, а их адаптации к условиям низких температур, заболоченности и удаленности промыслов. К наиболее перспективным направлениям для ХМАО и ЯНАО можно отнести: повышение глубины переработки и утилизации ПНГ, внедрение энергоэффективного оборудования для механизированной добычи, цифровизацию процессов для сокращения затрат на логистику и промысловый контроль, а также широкое применение коррозионностойких материалов.

Реализация этих мер позволит не только снизить себестоимость добычи и нагрузку на экологию, но и обеспечить конкурентоспособность тюменской нефти в условиях энергоперехода.

В качестве практического решения проблемы нами предлагается использование уже разработанной концепции "Ресурсоэффективного полигона" для зрелых месторождений Тюменского региона. Названный подход исходит из ключевой особенности Тюменского региона — сочетания зрелых месторождений с высокой обводненностью (ХМАО) и новых арктических месторождений с высоковязкой нефтью и чувствительной экологией (ЯНАО). Традиционные решения, эффективные для одного типа месторождений, часто неприменимы для другого.

Этот подход, по нашему мнению, позволяет:

- Снизить себестоимость добычи на зрелых месторождениях ХМАО за счет оптимизации водопользования и энергозатрат
- Обеспечить экологически безопасное освоение месторождений Ямала с сохранением вечной мерзлоты
- Создать тиражируемую модель "ресурсоэффективного месторождения" для других нефтегазоносных регионов Арктики и Сибири
- Интегрировать лучшие мировые практики (автономные внутрискважинные системы, гибридная энергетика, цифровые двойники) с учетом российской специфики

Библиографический список

1. Агаджыкова А.Т. [и др.] Новые технологии нефтегазовой отрасли как фактор инновационного развития энергетического сектора // Наука и мировоззрение. 2025. Т. 1, № 64. С. 44–49. URL: <https://naukamirowozreniya.ru/public/202512/application/1765050568723090085/no-vye-tehnologii-neftegazovoj-otrasli-kak-faktor-innovacionnogo-razvitiya-energeticheskogo-sektora.pdf> (дата обращения: 20.02.2026).
2. Азиева Р.Х., Таймасханов З.Х. Влияние энергетической эффективности на деятельность предприятия // Вестник АГТУ. Серия: Экономика. 2023. № 1. С. 44–50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-energeticheskoy-effektivnosti-na-deyatelnost-predpriyatiya> (дата обращения: 20.02.2026).
3. Афанасьев В.Я., Большакова О.И., Романцов А.А. Модернизация топливно-энергетического комплекса России в направлении экономики замкнутого цикла // Вестник ГУУ. 2023. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-toplivno-energeticheskogo-kompleksa-rossii-v-napravlenii-ekonomiki-zamknutogo-tsikla> (дата обращения: 20.02.2026).
4. Варламов А.И. [и др.] Состояние и перспективы развития цифровых технологий в нефтегазовой геологии и недропользовании России // Геология нефти и газа. 2021. № 3. С. 5–20.
5. Деревянов М.Ю. Системный анализ сложноструктурированного комплекса переработки нефтесодержащих отходов // Вестник Самарского

государственного технического университета. Серия: Технические науки. 2024. Т. 32, № 1 (81). С. 32–55.

6. Ильинский А.А. [и др.] Декарбонизация нефтегазового комплекса: приоритеты и организационные модели развития // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2022. Т. 25, № 1 (75). С. 33. URL: https://www.researchgate.net/profile/Natalia-Kirsanova-2/publication/359795268_Assessment_of_accountability_in_state_regulation_of_Arctic_zone_of_the_Russian_Federation_in_current_institutional_environment/links/645bcb63fbaf5b27a4ba0959/Assessment-of-accountability-in-state-regulation-of-Arctic-zone-of-the-Russian-Federation-in-current-institutional-environment.pdf#page=34 (дата обращения: 20.02.2026).

7. Краснов О.С., Смирнов В.П. Проблемы утилизации ПНГ на месторождениях ХМАО-Югры // Нефтяное хозяйство. 2023. № 8. С. 102–107.

8. Манукян М.М., Артемян К.Б. Использование ресурсосберегающих технологий в условиях энергоперехода и устойчивого развития предприятий нефтегазового комплекса Самарского региона. 2023. Т. 14, № 3. С. 104–109.

9. Михайлец Э.Б. Комплекс ресурсосберегающих мероприятий как фактор внедрения циркулярной экономики на ПАО «Казаньоргсинтез» // ББК 65-21с51 Э94. 2024. С. 125. URL: https://ieml.ru/innovation/forum2025/history/materials/history_sbornik2023.pdf#page=125 (дата обращения: 20.02.2026).

10. Мичурина О.Ю. [и др.] Изменение топливного режима как способ ресурсосбережения на предприятии нефтегазовой отрасли // Инженерно-строительный вестник Прикаспия. 2021. № 3 (37). С. 93–98.

11. Негреева В.В. [и др.] Экономико-экологические аспекты ресурсосбережения // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2021. № 1. С. 94–102.

12. Подборнова Е.С. Развитие теоретических и методических вопросов ресурсосбережения и ресурсоэффективности в промышленности России // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2023. Т. 14, № 1. С. 119–127.

13. Шевелева Н.А., Бачаев И.Б. Систематизация практических аспектов повышения энергоэффективности нефтегазовых компаний // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2024. № 10 (238). С. 15–25. EDN IYPPQX.

Научная статья
УДК 65.053(347.7)

Уязвимые места фирмы. Контроль за деятельностью корпораций

Знаев А. С.^{1,2}

Научный руководитель: Кузьмин А.А.¹, канд. экон. наук

¹ Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, г. Омск, Россия.

² znaevalexadr@outlok.com

Аннотация Статья исследует ключевые «слабые места» крупнейших публичных компаний и анализирует механизмы контроля, направленные на минимизацию рисков. Анализ проводится с позиций современных теорий управления. На основе сравнительного анализа кейсов Enron, Volkswagen и Nokia, относящихся к эталонам определенных видов риска, выявлены взаимосвязи между управленческими, операционными и репутационными рисками, что является элементом новизны в исследовании. С помощью SWOT-анализа продемонстрированы стратегические ошибки, приведшие к кризисам. Применении SWOT-анализа к историческим данным для вывода формулировок стратегических уроков также является элементом новизны в работе. Особое внимание уделено не просто описанию систем контроля (корпоративное управление, compliance, риск-менеджмент), а доказательству их эффективности через призму разобранных примеров. Делается вывод о необходимости комплексного подхода, а также предлагаются рекомендации для различных групп экономических агентов.

Ключевые слова: уязвимости корпораций, риск-менеджмент, корпоративное управление, контроль, устойчивость бизнеса, сравнительный анализ

The company's vulnerabilities. Control over the activities of corporations

Znaev A. S.^{1,2}

Scientific supervisor: Kuzmin A.A.¹, Cand. Sc. (Economics)

¹ Siberian Institute of Business and Information Technologies, Omsk, Russia.

² znaevalexadr@outlok.com

Abstract: The article explores the key "weaknesses" of the largest public companies and analyzes the control mechanisms aimed at minimizing risks. The analysis

is carried out from the perspective of modern management theories. Based on a comparative analysis of the cases of Enron, Volkswagen and Nokia related to the standards of certain types of risk, the interrelationships between managerial, operational and reputational risks have been identified, which is an element of novelty in the study. The SWOT analysis demonstrates the strategic mistakes that led to the crises. The application of SWOT analysis to historical data to derive formulations of strategic lessons is also an element of novelty in the work. Special attention is paid not just to the description of control systems (corporate governance, compliance, risk management), but to the proof of their effectiveness through the prism of analyzed examples. It is concluded that an integrated approach is necessary, and recommendations are offered for various groups of economic agents.

Keywords: *corporate vulnerabilities, risk management, corporate governance, control, business resilience, comparative analysis*

В современных условиях глобализации и усиления конкуренции корпорации сталкиваются с множеством рисков. Однако в 2024-2025 гг. проблема приобретает новое, критическое измерение. В условиях геополитической нестабильности, усиления санкционного давления и перестройки цепочек поставок (о чем свидетельствуют прогнозы МВФ [2,7]), уязвимости корпораций приобретают критический характер, угрожая не только отдельным фирмам, но и экономической безопасности государств. Финансовые кризисы, скандалы, связанные с нарушением законодательства, утечки данных — всё это делает компании уязвимыми перед внутренними и внешними угрозами.

Цель данной статьи — исследовать ключевые уязвимые места крупнейших публичных компаний (на примере США и Европы) и проанализировать, как именно механизмы контроля позволяют минимизировать риски. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: систематизировать теоретические основы уязвимостей; выявить взаимосвязь между различными типами угроз на практических кейсах; изучить эффективность методов контроля через призму предотвращения описанных кризисов.

Объектом исследования выступают крупнейшие публичные компании США и Европы как сложные экономические системы, наиболее подверженные влиянию глобальных макроэкономических и регуляторных изменений. Предмет исследования — их уязвимые места и способы контроля над ними. Методологическую основу работы составляют сравнительный анализ (case-study), а также SWOT-анализ для оценки стратегических ошибок компаний.

Данная проблема находит отражение в научных публикациях и получает разностороннюю оценку. Конкретно, авторы обращаются к вопросам управления оптимизацией бизнес-процессов, конкурентоспособности, оптимизации ресурсов [5,6,8]. Также рассматриваются вопросы оптимизации стратегического управления и оптимального функционирования фирмы в целом [9,10].

В современной экономике даже самые успешные корпорации сталкиваются с множеством уязвимостей. Под уязвимыми местами фирмы понимаются слабые стороны в ее структуре или деятельности, делающие

компанию подверженной различным рискам. Их можно классифицировать на финансовые, операционные, управленческие, репутационные и внешние. Однако ключевой вывод современных исследований PwC и McKinsey заключается в том, что более 60% корпоративных кризисов вызваны внутренними факторами, при этом уязвимости редко существуют изолированно — они тесно взаимосвязаны [11].

На практике погоня за сиюминутной прибылью или некомпетентность руководства запускают цепную реакцию. Рассмотрим эту взаимосвязь на примере трех знаковых кейсов.

1. Управленческие риски как катализатор кризиса: Enron (2001) и WeWork (2019-2023)

Управленческие риски часто оказываются наиболее разрушительными. Согласно исследованию Harvard Business Review (2022), около 62% корпоративных кризисов вызваны ошибками топ-менеджмента [1]. Сравнение кейсов Enron и WeWork показывает разную природу этих ошибок, но схожий разрушительный результат.

Классическим примером мошенничества является компания Enron. Неэффективный контроль со стороны совета директоров и махинации руководства с использованием SPE (Special Purpose Entities) привели к банкротству компании с активами в 65 миллиардов долларов. Управленческий риск (жадность и обман) напрямую трансформировался в операционный (создание сложных внебалансовых схем).

WeWork может быть представлена как пример некомпетентности и конфликта интересов. Рыночная стоимость компании упала с 47 миллиардов долларов в 2019 году до менее чем 5 миллиардов в 2023 году [12]. Это стало следствием недальновидной стратегии основателя и отсутствия контроля за его решениями.

2. Технологические и репутационные риски: Volkswagen (2015)

Скандал с Volkswagen «Dieselgate» — яркая иллюстрация того, как управленческое решение экономить на разработке запускает цепочку катастрофических последствий. Жесткая цель по захвату американского рынка и погоня за прибылью привели к технологическому мошенничеству (операционный риск — манипуляция данными о выбросах). Это, в свою очередь, вызвало колоссальные репутационные потери и финансовые штрафы на сумму более 30 миллиардов долларов. Один негативный случай в эпоху социальных сетей нанес непоправимый ущерб имиджу компании.

3. Внешние угрозы и стратегическая слепота: SWOT-анализ кризиса Nokia

Внешние факторы, такие как технологические сдвиги, требуют своевременной адаптации. История компании Kodak — уже хрестоматийный пример, но крах Nokia не менее показателен. Доминируя на рынке мобильных телефонов, компания проигнорировала угрозу со стороны смартфонов. Проведем SWOT-анализ Nokia накануне кризиса 2007 года, когда был осуществлен выход первого iPhone (таблица 1).

Таблица 1.

SWOT-анализ Nokia накануне кризиса (2007 г.)

	Положительное влияние	Отрицательное влияние
Внутренняя среда	S (Сильные стороны): — Сильный бренд, доверие потребителей. — Развитая дистрибьюторская сеть. — Экономия на масштабе производства.	W (Слабые стороны): — Консервативная корпоративная культура. — Фокус на «железе», а не на ПО и экосистеме. — Инертность менеджмента.
Внешняя среда	O (Возможности): — Рынок смартфонов и мобильного интернета. — Рост спроса на приложения и сервисы.	T (Угрозы): — Появление новых игроков (Apple, затем Google). — Изменение потребительских предпочтений в пользу сенсорных экранов.

На основании проведенного SWOT-анализа можно сделать вывод, что Nokia обладала мощными ресурсами (S), но ее менеджмент не смог адекватно оценить угрозы (T) и использовать возможности (O), сконцентрировавшись на сильных сторонах прошлого. История последующих лет подтвердила, что почти каждый пункт из разделов «Слабые стороны» и «Угрозы» стал для компании фатальным, причем они были тесно взаимосвязаны. Ключевым фактором стало то, что менеджмент Nokia не просто проявил инертность, а активно сопротивлялся изменениям, что в сочетании с мощнейшими рыночными угрозами привело к катастрофе. Игнорирование внешних сигналов привело к катастрофическому падению доли рынка с 48% до 3% всего за пять лет [3].

Проведем сравнительный анализ антикризисного управления на примере компаний Volkswagen и Toyota. Сравнение реакции на кризисы Volkswagen и Toyota позволяет выявить факторы успешного управления рисками. В 2009-2010 гг. Toyota столкнулась с масштабным отзывом автомобилей из-за проблем с педалью газа. В отличие от Volkswagen, который пытался отрицать манипуляции, Toyota пошла на беспрецедентные меры прозрачности: публичные извинения руководства, создание глобального независимого комитета по безопасности и полная кооперация с регуляторами. Хотя краткосрочные убытки были огромны, Toyota быстрее восстановила доверие. Volkswagen же, пытаясь скрыть проблему, усугубил репутационный и финансовый ущерб. Этот сравнительный анализ доказывает, что эффективность антикризисного управления напрямую зависит от качества корпоративного управления и готовности к транспарентности.

В связи с рассматриваемой проблемой важно ответить на вопрос - как предотвратить кризис, используя механизмы контроля? Контроль за деятельностью корпораций становится критически важным. Однако простое описание инструментов (совет директоров, аудит, государство) недостаточно. Необходимо показать, как именно эти инструменты могли бы предотвратить описанные выше кейсы.

В качестве такого инструмента можно рассмотреть роль независимых директоров. Если бы в совете директоров Enron было больше независимых

членов с реальными полномочиями и доступом к информации (как того требует современная практика корпоративного управления, внедренная после принятия закона Сарбейнса-Оксли), схема со SPE могла бы быть вскрыта на раннем этапе. Именно отсутствие независимого взгляда позволило менеджменту бесконтрольно выводить долги за баланс.

Другим инструментом выступает система комплаенс и корпоративная этика. Техническое мошенничество в Volkswagen стало возможным из-за «культуры страха» и беспрекословного подчинения. Эффективная compliance-система должна включать не только формальные процедуры, но и «горячие линии» для анонимного сообщения о проблемах, а также реальную защиту информаторов (whistleblowers). Если бы инженеры Volkswagen имели возможность и стимул сообщить о манипуляциях без страха увольнения, скандала можно было бы избежать.

Риск-менеджмент и сценарное моделирование также можно считать эффективным инструментом по предотвращению возникновения уязвимостей в деятельности фирмы. Совет директоров Nokia, как орган стратегического управления, обязан был проводить сценарный анализ. Вопрос «Что мы будем делать, если рынок пойдет в сторону сенсорных экранов и экосистем?» должен был быть задан в 2005-2006 годах. Система риск-менеджмента, нацеленная не только на текущие операционные риски, но и на стратегические вызовы, позволила бы увидеть «слабые сигналы» надвигающейся угрозы.

Внешний контроль, включая государственное регулирование и давление СМИ, также играет ключевую роль. Штрафы для Apple и Google со стороны ЕС (до 4% глобального оборота) являются мощным сдерживающим фактором [4]. Однако, как показывает кейс Volkswagen, карательные меры постфактум менее эффективны, чем превентивные внутренние механизмы.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы и ранжировать ключевые уязвимости по степени опасности:

1. Управленческие риски представляют собой наибольшую опасность. Ошибки топ-менеджмента и слабость совета директоров являются первопричиной большинства кризисов (кейсы Enron, WeWork, Volkswagen).
2. Операционные и технологические риски являются следствием управленческих ошибок, но наносят основной удар по финансам и репутации.
3. Репутационные риски в эпоху цифровых медиа выступают мультипликатором ущерба, превращая локальную проблему в глобальный кризис доверия.

Что касается эффективности механизмов контроля, то внутренние системы (корпоративное управление, этика, риск-менеджмент) играют превентивную роль и являются более действенными, чем внешние карательные меры. Однако они работают только в комплексе и при реальной, а не формальной независимости ключевых институтов.

Результаты проведенного исследования могут иметь практическую значимость для конкретных групп экономических агентов.

В сфере менеджмента предложенный в статье анализ взаимосвязей рисков и сравнительный анализ кейсов позволяют сформировать «матрицу

уязвимостей» компании. Менеджеры могут использовать ее для экспресс-диагностики «слабых мест», задаваясь вопросами: «Нет ли у нас культуры страха, как в Volkswagen?», «Не игнорируем ли мы стратегические угрозы, как Nokia?», «Достаточно ли независим наш совет директоров?».

Для инвесторов выводы статьи актуализируют необходимость анализа не только финансовых показателей, но и качества корпоративного управления (ESG-фактор G). Случаи Enron и WeWork наглядно демонстрируют, что блестящие финансовые отчеты могут скрывать катастрофические управленческие риски. Инвестиции в компании с прозрачной структурой управления и сильной этикой — залог долгосрочной устойчивости.

Для регуляторных структур работа подчеркивает важность не только карательных, но и превентивных мер. Стимулирование внедрения эффективных систем внутреннего контроля (например, через налоговые льготы или требования к листингу), защита информаторов и повышение стандартов независимости директоров могут быть более действенными, чем многомиллиардные штрафы.

Таким образом, для современных корпораций жизненно важно не просто зарабатывать прибыль, но и выстраивать сбалансированную систему управления рисками, учитывающую интересы бизнеса, общества и регуляторов.

Библиографический список

1. Архив журнала Harvard Business Review Россия // big-i.ru: [сайт]. URL: <https://big-i.ru/archive/> (дата обращения: 14.11.2025).
2. В 2025 г. мировая экономика сохранит устойчивый рост, но риски останутся высокими // imemo.ru: [сайт]. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/global-economy-to-maintain-robust-growth-in-2025-but-risks-remain-high> (дата обращения: 14.11.2025).
3. Ив Л.Доз. Стратегические решения, приведшие к провалу Nokia // knowledge.insead.edu: [сайт]. URL: <https://knowledge.insead.edu/strategy/strategic-decisions-caused-nokias-failure> (дата обращения: 14.11.2025).
4. Как изменятся техногиганты из-за европейского Закона о цифровых рынках // rbc.ru: [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/06/03/2024/65e5d6339a7947118f180d74?ysclid=mltbkg93f6660968102 (дата обращения: 14.11.2025).
5. Куприянов А.Н., Лазутина В.А. Формирование современных принципов управления на основе оптимизации бизнес-процессов развития экономики // Менеджмент в современном бизнесе: искусство управления. 2023. С. 175-182.
6. Лазаренко Н.В., Пышняк Д.С., Хасанова Л.Р. Оптимизация механизма управления конкурентоспособностью фирмы. Донецк, 2025. С. 49.
7. Мировая экономика вступает в новую эпоху // imf.org: [сайт]. URL: <https://www.imf.org/ru/Blogs/Articles/2025/04/22/the-global-economy-enters-a-new-era> (дата обращения: 14.11.2025).
8. Репкина О.Б., Тимохин Д.В. Оптимизация ресурсов организаций (подразделений). М.: ДиректМедиа, 2021. 140 с.
9. Фомичев А.Н. Оптимизация стратегического управления деятельностью организации // Экономические системы. 2022. Т. 15, № 1. С. 129-135.

10. Черкунова Н.Г. Моделирование оптимального функционирования фирмы // Инновации и инвестиции. 2021. № 4. С. 153-155.

11. Resilience in a crisis: an interview with professor Edward I. Altman // mckinsey.com: [сайт]. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/risk-and-resilience/our-insights/resilience-in-a-crisis-an-interview-with-professor-edward-i-altman> (дата обращения: 14.11.2025).

12. Wework's rise to \$47 billion and fall to bankruptcy: a timeline // forbes.com: [сайт]. URL: <https://www.forbes.com/sites/britneynguyen/2023/11/07/weworks-rise-to-47-billion-and-fall-to-bankruptcy-a-timeline/> (дата обращения: 14.11.2025).

Научная статья
УДК 330.192:517.38

Применение дифференциальных уравнений в менеджменте

Луценко Н. В.^{1, 2}

Научный руководитель: Бабичева И. В.¹, канд. пед. наук

¹ Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, г. Омск, Россия.

² teinskiy0900@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается применение аппарата дифференциальных уравнений для моделирования и анализа социально-экономических процессов. Актуальность исследования обусловлена фундаментальной ролью дифференциальных уравнений для описания динамики управленческих процессов, исследования взаимосвязи переменных во времени. Цель работы — продемонстрировать широкие возможности использования данного математического инструментария на конкретных задачах из менеджмента, а также показать его образовательную ценность для формирования компетенций будущих специалистов. В качестве методологической основы выступает теория обыкновенных дифференциальных уравнений. Автор последовательно рассматривает классы моделей возрастающей сложности. Рассмотрены задачи восстановления функции потребления по заданной предельной склонности к потреблению. Анализ различных аналитических зависимостей показал качественно различные динамики потребительских расходов по мере роста дохода. Далее рассмотрены классические модели экономической динамики (модель Эванса рыночного равновесия и модель роста Солоу). Для выбранных функций спроса и предложения с помощью использования аппарата дифференциального исчисления находится зависимость равновесной цены от времени. Особое внимание уделяется корректной параметризации моделей и экономической интерпретации полученных решений. Для каждой модели представлена постановка задачи, построение соответствующего дифференциального уравнения, его аналитическое решение (где это возможно) и численный анализ с интерпретацией результатов. Проведённые расчёты наглядно иллюстрируют поведение систем во времени, переходные процессы и стремление к равновесным состояниям. Делается вывод о том, что дифференциальные уравнения предоставляют эффективный и гибкий аппарат для исследования устойчивости экономических систем, прогнозирования их поведения и оценки влияния различных параметров. Показано, что даже относительно простые модели способны качественно описывать сложные рыночные явления. Работа имеет выраженную практическую ценность для образовательного процесса

студентов экономических и математических специальностей, способствуя углублённому пониманию взаимосвязи математической теории и экономической практики. Результаты исследования подтверждают необходимость интеграции математических методов в профессиональную подготовку экономистов.

Ключевые слова: дифференциальные уравнения; менеджмент; динамика рынка; модель роста; модель рыночного равновесия

Application of differential equations in management

Lutsenko N. V.^{1, 2}

Scientific supervisor: Babicheva I. V.¹, Cand. Sc. (Pedagogy)

¹ Siberian Institute of Business and Information Technologies, Omsk, Russia.

² teinskiy0900@gmail.com

Abstract: The article discusses the application of the apparatus of differential equations for modeling and analyzing socio-economic processes. The relevance of the research is due to the fundamental role of differential equations for describing the dynamics of management processes, studying the relationship of variables over time. The purpose of the work is to demonstrate the wide possibilities of using this mathematical toolkit on specific management tasks, as well as to show its educational value for the formation of competencies of future specialists. The theory of ordinary differential equations serves as a methodological basis. The author consistently considers classes of models of increasing complexity. The tasks of restoring the consumption function according to a given marginal propensity to consume are considered. The analysis of various analytical dependencies showed qualitatively different dynamics of consumer spending as income increases. Next, classical models of economic dynamics (the Evans model of market equilibrium and the Solow growth model) are considered. For the selected supply and demand functions, the dependence of the equilibrium price on time is determined using the apparatus of differential calculus. Special attention is paid to the correct parameterization of models and the economic interpretation of the solutions obtained. For each model, a problem statement is presented, the construction of the corresponding differential equation, its analytical solution (where possible) and numerical analysis with interpretation of the results. The calculations clearly illustrate the behavior of systems over time, transients, and the tendency to equilibrium states. It is concluded that differential equations provide an effective and flexible apparatus for studying the stability of economic systems, predicting their behavior and assessing the impact of various parameters. It is shown that even relatively simple models are able to qualitatively describe complex market phenomena. The work has a pronounced practical value for the educational process of students of economic and mathematical specialties, contributing to an in-depth understanding of the relationship between mathematical theory and economic practice. The results of the study confirm the need to integrate mathematical methods into the professional training of economists.

Keywords: *differential equations, management, market dynamics, growth model, market equilibrium model*

Введение

Актуальность рассматриваемой проблемы связана с фундаментальным значением дифференциальных уравнений в современной научной практике. Данный математический инструмент используется в различных сферах знания, в том числе для описания и анализа социально-экономических моделей в экономической теории. Следовательно, освоение данного раздела математики представляет собой необходимость для студентов-экономистов, которым требуется умение использовать его аппарат в практической деятельности. В то же время, для математиков эти модели ценны благодаря широким возможностям приложения фундаментальных теоретических знаний.

Практическая значимость дифференциальных уравнений в менеджменте проявляется в их активном применении для анализа экономической динамики. Данные модели позволяют исследовать не только зависимость переменных от времени, но и изучать эволюцию взаимосвязей между экономическими показателями.

Экономическая теория опирается на количественные законы, выраженные в соотношениях между параметрами экономических систем. Эти закономерности формализуются через математические модели, позволяющие анализировать реальные экономические процессы. Изучение таких моделей, часто описываемых дифференциальными уравнениями, составляет основу математической экономики, рассматривающей экономику как сложную динамическую систему. Для освоения математического моделирования в экономике, помимо знаний в экономической сфере, необходимо также овладение математическими методами. Среди них важнейшую роль играет аппарат дифференциальных уравнений.

Основная часть

Экономическая модель обычно представляет собой сложную нелинейную зависимость между экономическими величинами, явную форму которой зачастую трудно установить непосредственно. Однако при наличии устойчивых закономерностей малые изменения величин можно приближённо заменить дифференциалами. Это позволяет заменить сложную нелинейную связь более простой линейной зависимостью между самими величинами и их производными. Полученные соотношения формируют дифференциальные уравнения, с помощью которых становится возможным математически моделировать экономическую систему или процесс [4].

Примеры экономических моделей, основанных на дифференциальных уравнениях, можно классифицировать по сложности используемого математического аппарата — от простых к сложным.

Рассмотрим класс моделей, которые описываются дифференциальными уравнениями с разделяющимися переменными. К данной категории относятся, в частности, задачи оценки эффективности рекламы, анализа демографических

изменений, исследования зависимости спроса и предложения от цен на товары, изучения эластичности спроса, моделирования истощения природных ресурсов или динамики роста населения, а также расчёта роста банковских вкладов и другие аналогичные процессы.

В макроэкономическом анализе ключевое значение имеет функция потребления $C(y)$, отражающая зависимость совокупных потребительских расходов от величины национального дохода y [3,5,6]. Её производная $\frac{dC}{dy}$ называется предельной склонностью к потреблению и показывает, какая часть каждого дополнительного рубля дохода будет направлена на потребление. На практике часто возникает задача восстановления самой функции $C(y)$, если известен аналитический вид ее производной и некоторое начальное условие, например, уровень автономного потребления (потребление при нулевом доходе).

Использование уравнений с разделяющимися переменными предоставляет аналитический инструмент для формализации и последующего изучения указанных экономических явлений.

Рассмотрим наиболее простую модель дифференциального уравнения с разделяющимися переменными:

$$\frac{dC}{dy} = f(y). \quad C(0) = c_0$$

Решение находится почленным интегрированием:

$$C(y) = \int f(y) dy + A$$

где постоянная A определяется из начального условия.

Применим данный математический аппарат для восстановления функции потребления по заданной предельной склонности к потреблению [3].
Постановка задачи: найти конкретный вид функции потребления $C(y)$, если автономное потребление составляет 6 млрд руб., то есть $C(0)=6$, а предельная склонность к потреблению задана следующими выражениями:

А) $\frac{dC}{dy} = 0.5 + \frac{0.2}{\sqrt{y}}$

Б) $\frac{dC}{dy} = \frac{1}{\sqrt{3y+4}} + 0.4$

В) $\frac{dC}{dy} = 0.6 - e^{-3y}$

Математически задача сводится к решению дифференциального уравнения первого порядка $\frac{dC}{dy} = f(y)$ с начальным условием $C(0)=6$ для трёх различных функций $f(y)$.

А) Для $f(y) = 0.5 + 0.2y^{-1/2}$

$$C(y) = \int (0.5 + 0.2y^{-1/2}) dy = 0.5y + 0.4\sqrt{y} + A$$

Из условия $C(0)=6$ находим $A=6$. Таким образом,

$$C_a(y) = 6 + 0.5y + 0.4\sqrt{y}.$$

б) Для $f(y)=(3y+4)^{-1/2}+0.4$

$$C(y) = \int ((3y+4)^{-1/2} + 0.4) dy = \frac{2}{3}\sqrt{3y+4} + 0.4y + B$$

Из условия $C(0)=6: \frac{2}{3}\sqrt{4} + B = 6 \Rightarrow B = 6 - \frac{4}{3} = \frac{14}{3}$. Следовательно,

$$C_b(y) = \frac{14}{3} + 0.4y + \frac{2}{3}\sqrt{3y+4}.$$

в) Для $f(y)=0.6-e^{-3y}$

$$C(y) = \int (0.6 - e^{-3y}) dy = 0.6y + \frac{1}{3}e^{-3y} + D$$

Из условия $C(0) = 6: \frac{1}{3} + D = 6 \Rightarrow D = \frac{17}{3}$. Окончательно,

$$C_c(y) = \frac{17}{3} + 0.6y + \frac{1}{3}e^{-3y}$$

Проведем численный анализ и дадим экономическую интерпретацию полученным результатам. Рассчитаем объём потребления для нескольких уровней дохода (в млрд руб.):

Для случая а) $C_a(y) = 6 + 0.5y + 0.4\sqrt{y}$;

$$y = 1: C_a(1) = 6 + 0.5 + 0.4 = 6.9;$$

$$y = 4: C_a(4) = 6 + 2.0 + 0.8 = 8.8;$$

$$y = 9: C_a(9) = 6 + 4.5 + 1.2 = 11.7.$$

Рост потребления демонстрирует убывающую отдачу от роста дохода (из-за слагаемого $\sqrt{y}$), что может соответствовать постепенному насыщению потребительских нужд.

Для случая б) $C_b(y) = \frac{14}{3} + 0.4y + \frac{2}{3}\sqrt{3y+4} \approx 4.67 + 0.4y + 0.67\sqrt{3y+4}$

4

$$y = 1: C_b(1) = 4.67 + 0.4 + 0.67\sqrt{7} = 4.67 + 0.4 + 1.77 = 6.84;$$

$$y = 4: C_b(4) = 4.67 + 1.6 + 0.67\sqrt{16} = 4.67 + 1.6 + 2.68 = 8.95;$$

$$y = 9: C_b(9) = 4.67 + 3.6 + 0.67\sqrt{31} = 4.67 + 3.6 + 3.72 = 11.99.$$

Модель характеризуется относительно более высоким влиянием нелинейной компоненты на низких уровнях дохода

Для случая в) $C_c(y) = \frac{17}{3} + 0.6y + \frac{1}{3}e^{-3y} \approx 5.67 + 0.6y + 0.33e^{-3y}$

$$y = 1: C_c(1) = 5.67 + 0.6 + 0.33e^{-3} = 5.67 + 0.6 + 0.02 = 6.29;$$

$$y = 4: C_c(4) = 5.67 + 2.4 + 0.33e^{-12} = 5.67 + 2.4 + 0.00 = 8.07;$$

$$y = 9: C_c(9) = 5.67 + 5.4 + 0.33e^{-27} = 5.67 + 5.4 + 0.00 = 11.07.$$

Экспоненциальное слагаемое быстро становится пренебрежимо малым, и функция ведёт себя практически как линейная $C(y) \approx 5.67 + 0.6y$, отражая постоянную предельную склонность к потреблению, равную 0.6, начиная со средних уровней дохода.

Представленный пример наглядно демонстрирует, как решение простейшего дифференциального уравнения (нахождение первообразной)

позволяет восстановить целевую макроэкономическую функцию — в данном случае функцию потребления. Различный аналитический вид функции предельной склонности к потреблению приводит к качественно различным динамикам потребительских расходов по мере роста дохода, что иллюстрирует широкие возможности дифференциального исчисления для моделирования разнообразных экономических гипотез о поведении потребителей.

Среди основных прикладных экономических задач, описываемых дифференциальными уравнениями первого порядка, можно выделить:

1). *Модель экономического роста Солоу*, исследующая развитие экономики в целом без детализации структурных компонентов. Данная модель отражает ключевые макроэкономические аспекты производственных процессов. Её ядром является фундаментальное дифференциальное уравнение накопления капитала:

$$\frac{dK(t)}{dt} = s \cdot F(K(t), L(t)) - \delta K(t)$$

где $K(t)$ — запас капитала в момент времени t , $L(t)$ — объём трудовых ресурсов (растущий, как правило, с постоянным экзогенным темпом n), s — норма сбережений ($0 < s < 1$), F — неоклассическая производственная функция, а δ — норма амортизации капитала ($\delta > 0$).

Для анализа устойчивого состояния и траекторий роста удобно перейти от абсолютных величин к показателям в расчёте на одного работника. Введём переменную капиталовооружённость труда $k(t) = K(t)/L(t)$. Используя предположение о постоянной отдаче от масштаба производственной функции и экспоненциальном росте труда $L(t)$, исходное уравнение преобразуется в ключевое нелинейное дифференциальное уравнение первого порядка для $k(t)$:

$$k'(t) = sf(k(t)) - (n + \delta)k(t),$$

Где $k' = dk/dt$, а $f(k)$ — производственная функция в интенсивной форме. Именно анализ этого автономного дифференциального уравнения — нахождение его стационарных точек ($k' = 0$), исследование их устойчивости и поведения решений — позволяет получить центральные выводы модели Солоу: определить устойчивый уровень капиталовооружённости, проанализировать влияние параметров s , n и δ на долгосрочный экономический рост и описать траекторию переходной динамики к состоянию равновесия.

2). *Модель Эванса анализа рыночного равновесия*, изучающая динамику спроса, предложения и цены товара на рынке. В этой модели время рассматривается как непрерывная величина. Пусть $d(t)$ — спрос, $s(t)$ — предложение, $p(t)$ — цена продукта в момент времени t . Предполагается, что спрос и предложение являются линейными функциями цены:

$d(p) = a - bp$ ($a, b > 0$) — спрос снижается с ростом цены;

$s(p) = \alpha + \beta p$ ($\alpha, \beta > 0$) — предложение увеличивается с ростом цены.

Естественным условием является $a > \alpha$, означающее, что при нулевой цене спрос превышает предложение. Динамика цены в этой модели описывается дифференциальным уравнением (ДУ), которое выводится из гипотезы о том, что скорость изменения цены пропорциональна избыточному спросу:

$$\frac{dp(t)}{dt} = \lambda[d(p) - s(p)] = \lambda[(a - bp) - (\alpha + \beta p)] = \lambda(A - Bp)$$

где $\lambda > 0$ — коэффициент скорости корректировки. Решение этого уравнения показывает, как цена $p(t)$ со временем сходится к равновесному уровню $p^* = A/B$.

Проведем анализ динамики спроса для конкретных функций спроса и предложения.

Постановка задачи. Пусть функции спроса и предложения на некоторый товар имеют вид [2]:

$$\begin{aligned} x &= 19 + p + 4 \frac{dp}{dt} \\ x &= 28 - 2p + 3 \frac{dp}{dt} \end{aligned}$$

Найдем зависимость равновесной цены от времени t , если в начальный момент времени цена $p=20$.

Условие равновесия – совпадение спроса и предложения. Имеем:

$$\begin{aligned} 19 + p + 4 \frac{dp}{dt} &= 28 - 2p + 3 \frac{dp}{dt} \\ \frac{dp}{dt} &= 9 - 3p \end{aligned}$$

Далее следует разделить переменные и провести почленное интегрирование:

$$\begin{aligned} \frac{dp}{9 - 3p} &= dt \\ -\frac{1}{3} \ln|9 - 3p| &= t + C \\ 9 - 3p &= e^{-3t-3C} \\ p &= \frac{9 - e^{-3t-3C}}{3} \end{aligned}$$

Подставляя начальное условие $p(0)=20$, находим C :

$$20 = \frac{9 - e^{-3C}}{3}$$

$$e^{-3C} = -51$$

$$p = \frac{9 + 51e^{-3t}}{3} = 3 + 17e^{-3t}$$

Решение задачи представлено на рисунке 1.

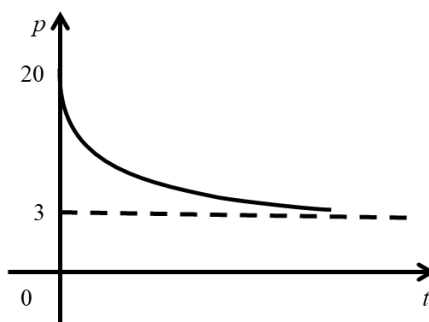

Рис. 1. Решение задачи

Так как $\lim_{t \rightarrow \infty} p = 3$, имеет место устойчивость. Если $\lim_{t \rightarrow \infty} p = \infty$, то равновесная цена растет и имеет место инфляция.

Заключение

В ходе проведенного исследования была достигнута поставленная цель — продемонстрирована широта возможностей и практическая значимость аппарата дифференциальных уравнений для моделирования и анализа динамических социально-экономических систем.

Теоретический анализ и рассмотренные примеры подтверждают, что дифференциальные уравнения являются универсальным и мощным языком описания экономической динамики. В работе была продемонстрирована эволюция сложности моделей — от простейших уравнений, восстанавливающих функцию потребления через её предельную склонность, до классических макроэкономических конструкций, таких как модель роста Солоу, модель Эдванса рыночного равновесия.

Ключевые результаты работы можно сформулировать следующим образом.

Показано, что даже простейшие дифференциальные уравнения (с разделяющимися переменными) позволяют решать актуальные прикладные задачи: моделировать процесс корректировки рыночной цены, восстанавливать макроэкономические зависимости (функцию потребления) по их локальным характеристикам (предельной склонности).

Проанализированы классические модели (Эванса, Солоу), составляющие фундамент математической экономики. Продемонстрировано, как их ядром

являются дифференциальные уравнения, анализ которых позволяет исследовать условия равновесия, устойчивость и долгосрочные траектории развития экономических систем.

На конкретных численных примерах проиллюстрирована работа моделей, что обеспечивает наглядность и способствует глубокой экономической интерпретации полученных математических результатов.

Практическая ценность исследования заключается в предоставлении структурированного методического инструментария, который может быть непосредственно использован в образовательном процессе студентов экономических и управленческих специальностей для формирования компетенций в области математического моделирования.

Перспективой дальнейших исследований в данном направлении может стать углублённый анализ нелинейных динамических систем в экономике, изучение моделей с запаздыванием (дифференциально-разностные уравнения) и стохастических дифференциальных уравнений для учета фактора неопределенности, что соответствует современным трендам развития экономико-математического инструментария.

Таким образом, работа убедительно подтверждает тезис о неразрывной связи и взаимном обогащении математической теории и экономической практики, а также подчеркивает необходимость интеграции *advanced mathematical methods* в подготовку современных специалистов в области менеджмента и экономики.

Библиографический список

1. Акмырадов Я.Ч., Аллаберенов С.А., Мередов О.А. Понятие дифференциальных уравнений и их развитие // Молодой ученый. 2023. № 8 (455). С. 1-2. URL: <https://moluch.ru/archive/455/100205>.
2. Ермаков В.И. Сборник задач по высшей математике для экономистов: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2004. 575 с.
3. Ильина Е.А., Сараев Л.А. Дифференциальные уравнения и их применение в экономике: учеб. пособие. Самара: Издательство Самарского университета, 2024. 168 с.
4. Кукленкова А.А. Применение дифференциальных уравнений в моделировании экономических процессов // Научное обозрение. Педагогические науки. 2019. № 4-3. С. 60-63. URL: <https://science-pedagogy.ru/ru/article/view?id=2120> (дата обращения: 23.01.2026).
5. Сахедова А., Ходжаева Т. Дифференциальные уравнения первого порядка и виды дифференциальных уравнений с разделяющимися переменными // Символ науки. 2023. № 10-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/differentsialnye-uravneniya-pervogo-poryadka-i-vidy-differentsialnyh-uravneniy-s-razdelyayuschimisya-peremennymi> (дата обращения: 23.01.2026).
6. Черняева Т.Н., Хованский Б.Н., Михайлов Е.Е. Приложения дифференциальных уравнений в экономике // Столыпинский вестник. 2023. № 1.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prilozheniya-differentsialnyh-uravneniy-v-ekonomike> (дата обращения: 23.01.2026).

Научная статья

УДК 316.774.33:658.89(519.5)

Феномен К-рор как инструмент «мягкой силы»: методика конвертации культурного капитала в экономическую прибыль бренда

Прокопченко А. А.^{1, 2}

Научный руководитель: Ильченко С. М.¹, канд. экон. наук

¹ Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, г. Омск, Россия

² angelina.prokop.555@gmail.com

Аннотация: В статье исследуется феномен южнокорейской поп-культуры (К-рор) как инструмента «мягкой силы» и механизма стратегического маркетинга. Основная проблема работы связана с кризисом традиционных рекламных форматов и необходимостью поиска новых способов конвертации нематериального культурного капитала фандомов в экономическую прибыль брендов. Целью исследования является дешифровка южнокорейского культурного кода и разработка методики его адаптации для глобальных компаний. Научная новизна работы, в сравнении с существующими исследованиями «корейской волны», заключается в адаптации теории культурного капитала П. Бурдьё к цифровой среде и созданию авторской пятиэтапной «воронки вовлечения» (осведомленность, идентификация, соучастие, конверсия, адвокация). На примере «эффекта Ви» (участника BTS Ким Тэхёна) в статье анализируются парасоциальные связи, позволяющие трансформировать эмоциональную лояльность в мгновенные продажи предметов роскоши и интерьера. Результаты доказывают, что предложенный алгоритм позволяет международным и российским компаниям эффективно преодолевать коммуникативные барьеры, снижать маркетинговые издержки и формировать устойчивое сообщество адвокатов бренда. Методика способствует переходу от агрессивных продаж к мягкой интеграции продукта в экосистему ценностей современного потребителя.

Ключевые слова: мягкая сила, К-рор, культурный капитал, воронка вовлечения, фандом, межкультурная коммуникация

The K-pop Phenomenon as a Soft Power Tool: A Methodology for Converting Cultural Capital into Economic Brand Profit

Prokopchenko A. A.^{1, 2}

Scientific supervisor: Ilchenko S. M.¹, Cand. Sc. (Economics)

¹ Siberian Institute of Business and Information Technologies, Omsk, Russia

² angelina.prokop.555@gmail.com

Abstract: The article examines the phenomenon of South Korean pop culture (K-pop) as a tool for soft power and strategic marketing. The primary problem addressed is the crisis of traditional advertising formats and the search for new ways to convert the intangible cultural capital of fandoms into economic brand profit. The study aims to decode the South Korean cultural code and develop a methodology for its adaptation for global companies. The scientific novelty, compared to existing Hallyu research, lies in adapting Pierre Bourdieu's theory of cultural capital to the digital environment and creating an original five-stage engagement funnel (Awareness, Identification, Participation, Consumption, Advocacy). Using the "V-effect" (BTS member Kim Taehyung) as a case study, the article analyzes parasocial bonds that transform emotional loyalty into sales of luxury goods and interior items. The results prove that the proposed algorithm enables international and Russian companies to overcome communication barriers, reduce marketing costs, and build a sustainable community of brand advocates. The methodology facilitates a transition from aggressive sales to soft product integration into the value ecosystem of the modern consumer.

Keywords: *soft power, K-pop, cultural capital, engagement funnel, fandom, intercultural communication*

Введение

В условиях глобализации «мягкая сила» (Soft Power) становится ключевым фактором национального маркетинга. Южнокорейская волна (Халлю), и, в частности, индустрия К-поп, демонстрирует беспрецедентный успех в формировании глобальных лояльных сообществ.

В условиях стремительной глобализации концепция «мягкой силы» (Soft Power), предложенная Джозефом Наем, перестала быть чисто политическим термином и окончательно перешла в плоскость стратегического национального маркетинга. Южная Корея представляет собой уникальный, почти лабораторный пример того, как государство может буквально за три десятилетия трансформировать свой международный имидж из страны, ассоциирующейся с промышленным производством, в глобальный культурный мегаполис. Изучая историю «Южнокорейской волны» (Халлю), очевиден вывод, что её успех не был случайным стечением обстоятельств, а стал результатом выверенной синергии государственных инициатив и частного креативного сектора. Особое внимание в последнее время уделяется индустрии К-поп, которая сегодня выступает в роли «острия копья» этой культурной экспансии, формируя вокруг себя глобальные и беспрецедентно лояльные сообщества. Вот уже несколько десятков лет, мы наблюдаем рождение новой формы социальной идентичности, где музыкальное предпочтение становится фундаментом для глубокой привязанности к стране-производителю контента. [2, с. 178-179; 4, с. 56]

Актуальность выбранной мною темы продиктована необходимостью понимания того, как нематериальные культурные ценности трансформируются в реальные экономические показатели брендов, не связанных напрямую с

музыкой (косметика, электроника, одежда), так как традиционные методы маркетинга постепенно утрачивают свою эффективность в условиях информационной перегрузки потребителя.

Современные бренды остро нуждаются в новых механизмах воздействия, и феномен К-рор предлагает нам готовую модель управления вниманием миллионов. Понимание того, как нематериальные культурные ценности, такие как эстетика айдолов или философия саморазвития, транслируемая в их текстах, конвертируются в реальные продажи, является критически важным для современной науки. Это касается не только музыкального рынка, но и секторов экономики, на первый взгляд далёких от искусства: от высокотехнологичной электроники и автомобилестроения до индустрии красоты и гастрономии. Мы имеем дело с масштабным процессом перераспределения потребительского доверия, где культурный код становится более весомым аргументом, чем технические характеристики продукта. Исходя из этого, данное исследование ставит своей задачей дешифровку этого кода и его адаптацию для нужд глобального бизнеса. [3, с. 17-18]

Переходя к вопросу научной новизны исследования, отмечу, что в отличие от классического рекламного воздействия, которое зачастую носит разовый и поверхностный характер, взаимодействие К-рор индустрии с аудиторией строится на более глубоком фундаменте. Ключ к пониманию этого успеха лежит в теории «культурного капитала» Пьера Бурдьё, адаптированного к реалиям цифрового маркетинга XXI века. Новизна данной работы заключается в рассмотрении взаимодействия бренда и фандома как процесса накопления и последующего обмена культурных компетенций на материальные блага. Главным и неотъемлемым элементом являются фанаты данной индустрии, они не просто потребляют контент, они инвестируют свои эмоции, время и социальный статус в успех своих кумиров, создавая тем самым мощный резервуар лояльности. [1, с. 225]

Хотелось бы также выделить тему специфики парасоциальных отношений, которые развиваются между поклонниками и южнокорейскими артистами (айдолами). Эти отношения, характеризующиеся иллюзией личной близости и взаимной ответственности, являются главным «двигателем» продаж. В рамках исследования была разработана авторская модель «воронки вовлечения», которая, в отличие от стандартных маркетинговых схем, учитывает иррациональную и эмоциональную составляющую фанатского поведения. Именно учёт этого «человеческого фактора» позволяет понять, почему товары, не имеющие прямого отношения к музыке, мгновенно становятся дефицитными, как только они появляются в руках популярного артиста. Данный подход позволяет систематизировать хаотичные, на первый взгляд, всплески фанатской активности в структурированную маркетинговую стратегию.

В качестве ярчайшего эмпирического подтверждения тезисов рассмотрим уникальный феномен, известный в маркетинговой среде как «эффект Мидаса» или «эффект Ви» (V-effect), связанный с участником группы BTS Ким Тэхёном. Этот кейс является эталонным примером того, как парасоциальная связь трансформирует эстетическое восхищение в молниеносную потребительскую

экспансию. Обратим внимание на то, что влияние этого артиста выходит далеко за рамки традиционного мерчендайзинга: фанаты (ARMY) демонстрируют готовность инвестировать не просто в сувениры, а в полноценный образ жизни кумира, скупая всё — от люксовых украшений до крупногабаритной мебели — за считанные минуты после публикации контента. [5]

Особенно примечательным кажется случай, связанный с выпуском концепт-фотографий к альбому «BE», где каждый участник курировал дизайн собственной комнаты. По моему мнению, именно здесь мы увидели апогей «воронки вовлечения». Ким Тэхён представил интерьер, наполненный глубокими смыслами и личным вкусом, и данный случай поразил многих тем, как быстро фанатское сообщество дешифровало бренды использованных предметов. Делая особый акцент на том факте, что после выхода этих снимков за считанные часы были распроданы не только мелкие аксессуары, но и дорогостоящие дизайнерские диваны и предметы интерьера, стоимость которых исчислялась тысячами долларов. Это доказывает, что для фаната приобретение такого же дивана, на котором сидел кумир, является актом физического сокращения дистанции и формой «сакральной» коммуникации с артистом.

Далее упомянем не менее впечатляющий пример из ювелирного сектора. Когда Ким Тэхён стал глобальным амбассадором бренда Cartier, было невозможно не заметить, как мгновенно обрушились сайты ритейлеров. Ожерелье из коллекции *Panthère de Cartier* стоимостью около 26 000 долларов было раскуплено в крупнейших онлайн магазинах практически в момент публикации официального кадра. Данный случай разрушает миф о том, что аудитория К-поп состоит лишь из подростков с ограниченным бюджетом. Напротив, мы наблюдаем здесь зрелый, платёжеспособный фанатом, для которого покупка роскошного украшения — это способ поддержать успех артиста и подтвердить свою принадлежность к его «вселенной».

Этот «инстинкт скупать всё» — от значков до диванов — является высшей формой конвертации культурного капитала. Подчёркивая, что в данном процессе бренд фактически перестаёт тратить усилия на убеждение покупателя. По моему убеждению, артист масштаба V выступает в роли «абсолютного фильтра доверия»: если вещь одобрена им или просто находится в его пространстве, она автоматически становится эталоном качества и объектом желания. Это подтверждает гипотезу данной статьи о том, что современный маркетинг в Южной Корее успешно освоил управление иррациональными пластами человеческой психики, превращая мимолётный кадр из видеоклипа в мощнейший триггер глобальных экономических сдвигов. В заключение нельзя не отметить, что для мировой экономики ARMY стали новой силой, способной в одночасье изменить капитализацию любого бренда, и игнорировать этот инструмент «мягкой силы» сегодня просто невозможно.

Введение в научный оборот методик, основанных на «мягкой силе» Халлю, позволяет более точно описывать процессы культурной гибридации в современном мире. Делая акцент именно на том, что исследование даёт ответы на вопросы о том, как бренды могут успешно преодолевать национальные и лингвистические барьеры, используя универсальный язык поп-культуры. С

теоретической точки зрения, предложена новая парадигма маркетинга отношений, где центральное место занимает не продукт, а сопричастность к определённой культурной группе. Это открывает широкие возможности для дальнейших исследований в области социологии потребления и культурологии. [2, с. 179; 4, с. 57]

Подчёркивая, что разработанный мной алгоритм конвертации культурного капитала может быть успешно применён международными компаниями для оптимизации их маркетинговых бюджетов. Использование готовых культурных паттернов К-рор позволяет брендам значительно снизить издержки на «завоевание» доверия новой аудитории, входя в её доверие через знакомые и любимые образы. Данная методика будет особенно полезна российским компаниям, стремящимся укрепить свои позиции на азиатских рынках или привлечь внимание молодёжного сегмента внутри страны. Внедрение модели «воронки вовлечения» позволит бизнесу перейти от агрессивных продаж к мягкому встраиванию в экосистему ценностей потребителя. Это, в свою очередь, обеспечит долгосрочную финансовую устойчивость и сформирует армию преданных адвокатов бренда.

В заключительной части исследования детально представим методологию и результаты работы, оформленные в виде пятиэтапной модели (см. рис. 1).

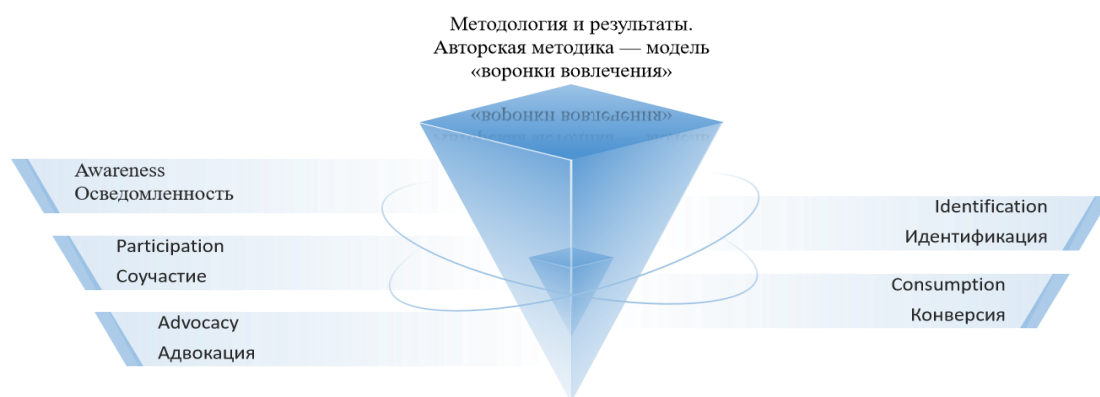

Рисунок 1. Воронка вовлечения

Первым и фундаментальным шагом является этап «Осведомлённости» (Awareness), где ключевую роль играет использование визуальных кодов К-рор: специфической цветовой палитры, шрифтов и эстетики «цветочных юношей». На этом уровне бренд начинает восприниматься фанатами как «свой», что критически важно для дальнейшего продвижения.

Второй этап «Идентификации» (Identification), в процессе которого происходит перенос эмоциональной привязанности к артисту на рекламируемый им объект. Здесь срабатывает психологический механизм «эффекта ореола», когда доверие к кумиру автоматически распространяется на всё, с чем он соприкасается.

Третий этап — «Соучастие» (Participation), создание интерактивной среды для фанатского сообщества. Бренды должны не просто предлагать товар, а

вовлекать аудиторию в квесты, голосования и челленджи, создавая иллюзию совместного творчества.

Четвёртый этап — «Конверсия» (Consumption), где, покупка продукта становится для фаната способом демонстрации своей принадлежности к «избранному» кругу. На этом уровне цена товара часто отходит на второй план, уступая место символической значимости владения вещью.

Пятый этап — «Адвокация» (Advocacy) — когда лояльный потребитель добровольно и безвозмездно становится промоутером бренда. Именно этот этап обеспечивает максимальную экономическую эффективность, превращая маркетинговую кампанию в саморазвивающийся социальный процесс. В итоге, предложенная методика доказывает, что правильное управление культурным капиталом способно приносить дивиденды, значительно превышающие прямые вложения в рекламу.

Заключение

Проведённое исследование подтверждает, что современная южнокорейская индустрия К-поп стала эффективным инструментом реализации «мягкой силы» и стратегического маркетинга в глобальном масштабе. Феномен Халлю демонстрирует успешный переход от традиционных рекламных моделей к стратегии управления культурным капиталом на основе теории П. Бурдьё. Важнейшим фактором коммерческого успеха в данной среде выступает трансформация парасоциальных связей в глубокую и устойчивую потребительскую лояльность.

Предложенная авторская модель «воронки вовлечения» позволяет систематизировать процесс интеграции коммерческих брендов в фанатскую среду через пять последовательных стадий. Первичный этап формирования визуальной осведомлённости обеспечивает установление доверительного контакта с аудиторией через общие эстетические коды. Последующая идентификация потребителя с образом артиста гарантирует эффективный перенос эмоциональной привязанности на рекламируемый материальный объект. Активное соучастие сообщества в интерактивных практиках превращает процесс приобретения товара в акт подтверждения групповой идентичности и сопричастности. Реализация стадии конверсии доказывает доминирование символической ценности владения вещью над её прямой прагматической стоимостью. Финальный этап адвокации бренда минимизирует маркетинговые издержки за счёт масштабного добровольного продвижения продукции участниками фандома.

Разработанная методика обладает высокой практической ценностью для оптимизации рекламных стратегий международных и российских компаний на азиатских рынках. Внедрение данных алгоритмов способствует достижению финансовой устойчивости бизнеса в условиях глобальной экономической турбулентности и информационной перегрузки. В конечном счёте, управление культурным капиталом через парадигму сопричастности открывает новые горизонты для развития прикладной культурологии и социологии потребления.

Библиографический список

1. Каширских О.Н. Понимая российский PR: символический дефицит и потребление в концепции Пьера Бурдьё // Социальная теория и PR. 2024. С. 224.
2. Кубентаева А. Д. Концепция «мягкой силы» в международном праве // Вестник науки. 2024. №2 (71). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-myagkoj-sily-v-mezhdunarodnom-prave> (дата обращения: 9.03.2026).
3. К пониманию феномена «корейской волны» в отечественном медиадискурсе // Меди@льманах. 2023. №5 (118). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-ponimaniyu-fenomena-koreyskoj-volny-v-otechestvennom-mediadiskurse> (дата обращения: 9.03.2026).
4. Титкова Н.Е. К-ПОП КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2020. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-pop-kak-fenomen-sovremennoy-massovoy-kultury> (дата обращения: 09.03.2026).
5. V Effect in Action // yesasia.ru: [сайт]. URL: <https://www.yesasia.ru/article/1215768> (дата обращения: 09.03.2026).

Научная статья
УДК 336.71:519.816.7

Многомерный динамический анализ налоговых систем: инновационный подход к оценке эффективности

Тарасов А. А.^{1, 2}

Научный руководитель: Марков С. Н.¹, канд. экон. наук

¹ Сибирский институт бизнеса и информационных технологий г. Омск, Россия.

² aleksey1994rrt@gmail.com

Аннотация. В статье авторы представляют многомерный динамический анализ (концепция 4D-анализа) как новаторский подход к оценке налоговых систем, преодолевающий ограничения традиционных методов, таких как фрагментарность, статичность и низкая адаптивность.

Ключевые слова: *налоговая система, экономическая эффективность, 4D-анализ*

Multidimensional dynamic analysis of tax systems: an innovative approach to performance evaluation

Tarasov A. A.^{1, 2}

Scientific supervisor: Markov S. N.¹, Cand. Sc. (Economic)

¹ Siberian Institute of Business and Information Technologies, Omsk, Russia

² aleksey1994rrt@gmail.com

Abstract. In the article, the authors present multidimensional dynamic analysis (the concept of 4D analysis) as a pioneering approach to evaluating tax systems, overcoming the limitations of traditional methods, such as fragmentation, static nature, and low adaptability.

Keywords: *tax system, economic efficiency, 4D analysis*

Налоговые системы играют ключевую роль в обеспечении экономической стабильности, социальной справедливости и устойчивого развития. Однако традиционные методы их оценки, сосредоточенные на фискальной достаточности, экономической эффективности или социальной справедливости, часто игнорируют взаимосвязи между этими аспектами, их динамику во времени, международный контекст и вклад в глобальные цели. В условиях 2025 года, когда мир сталкивается с цифровизацией, климатическими изменениями и

ростом неравенства, необходим новый подход, способный адаптироваться к этим вызовам [3].

Целью исследования является обоснование необходимости внедрения концепции 4D-анализа как инновационного инструмента для оценки налоговых систем. 4D-анализ включает четыре измерения: интеграцию традиционных видов эффективности с учетом их взаимодействия, временной аспект для анализа краткосрочных и долгосрочных эффектов, международный контекст для глобального позиционирования и устойчивое развитие для оценки экологического и социального вклада.

Исследование фокусируется на российской налоговой системе 2025 года, учитывая реформы, такие как прогрессивная шкала НДФЛ и цифровизация налогового администрирования [4].

Традиционные методы оценки налоговых систем имеют давнюю историю и могут быть классифицированы по трем основным направлениям. Первое направление — это фискальный подход, представители которого (А. Смит, современные эксперты МВФ) фокусируются на достаточности поступлений для покрытия государственных расходов. Его достоинством является простота измерения (например, доля налогов в ВВП), однако недостатком является игнорирование влияния налогов на экономическую активность.

Второе направление — это экономический подход, развиваемый в работах А. Лаффера и экспертов ОЭСР. Он оценивает эффективность через минимизацию избыточного налогового бремени и искажений в поведении экономических агентов. Достоинство подхода заключается в учете влияния налогов на экономический рост, но его критика справедливо указывает на статичность моделей, которые плохо предсказывают долгосрочные последствия реформ [2].

Третье направление — это социальный подход, исследующий прогрессивность налогов и их роль в перераспределении доходов (Р. Масгрейв, Дж. Стиглиц). Достоинство заключается в фокусе на справедливости, однако недостатком часто является фрагментарность, анализ редко учитывает косвенные налоги, такие как НДС, которые могут нивелировать прогрессивность прямых налогов [3].

Таким образом, существующие подходы страдают от следующих системных недостатков:

- Фрагментарность, где оценка отдельных аспектов игнорирует их взаимосвязь (например, повышение фискальной эффективности за счет высоких ставок может разрушить экономическую базу).
- Статичность, где большинство методов не учитывают динамику изменений и долгосрочные эффекты реформ.
- Ограниченность критериев, где традиционные показатели не отражают такие новые проблемы, как административная простота, экологический вклад или цифровизация.
- Низкая адаптивность, где методы не приспособлены к современным глобальным проблемам.

Традиционные методы оценки налоговых систем не способны адекватно реагировать на современные проблемы, такие как рост цифровизации, требующий упрощения налогового администрирования. Климатические изменения, подчеркивающие роль экологических налогов. Социальное неравенство, требующее прогрессивных налоговых систем. Глобализация, делающая международные сравнения критически важными [1].

Международные исследования, такие как отчет ОЭСР «Налоговые реформы 2024», подчеркивают важность цифровизации и экологических налогов. Работы российских и зарубежных исследователей демонстрируют влияние реформ налогового администрирования на доходы [2].

Концепция 4D-анализа предлагает решение, объединяя традиционные аспекты эффективности, временную динамику, международный контекст и устойчивое развитие, чтобы обеспечить целостную и адаптивную оценку.

Концепция 4D-анализа основана на четырех измерениях, каждое из которых решает специфические ограничения традиционных методов (см. рис. 1).

Рисунок 1. Концепция 4D-анализа

Интеграция традиционных видов эффективности: учитывает фискальную достаточность (доходы бюджета), экономическую эффективность (минимизация искажений) и социальную справедливость (распределение нагрузки). Анализирует их взаимосвязь, например, как высокие ставки НДС могут повысить справедливость, но снизить экономическую эффективность. Предотвращает фрагментарность, предлагая целостную картину.

Временной аспект оценивает краткосрочные (например, рост доходов от повышения ставок) и долгосрочные эффекты (например, влияние налогов на инвестиции). Учитывает динамику реформ, таких как постепенное внедрение прогрессивной шкалы. Преодолевает статичность традиционных методов.

Международный контекст проводит сравнение национальной системы с другими странами, такими как Германия или Китай, для выявления лучших практик. Определяет глобальную конкурентоспособность налоговой системы. Решает проблему ограниченности критериев, включая глобальные стандарты.

Устойчивое развитие оценивает вклад налогов в достижение целей устойчивого развития. Анализирует экологические налоги и социальные льготы. Адаптирует систему к современным проблемам.

Для создания концепции 4D-анализа использован комбинированный подход, включающий качественные и количественные методы, обеспечивающие гибкость и объективность. Ключевым этапом является выбор индикаторов. В отличие от абстрактных описаний, предлагается следующая система показателей, которая позволяет провести конкретную оценку.

Таблица 1

Система индикаторов для 4D-анализа налоговой системы (на примере РФ)

Измерение	Аспект оценки	Предлагаемые индикаторы	Источники данных
Интеграция	Фискальная достаточность	Налоговые поступления (% ВВП), доля налогов в консолидированном бюджете.	ФНС России, Росстат, Минфин
	Экономическая эффективность	Налоговая нагрузка по отраслям, доля косвенных налогов в доходах населения, динамика поступлений от малого бизнеса (как индикатор административной нагрузки)	ФНС России
	Социальная справедливость	Соотношение налоговой нагрузки 1-го и 10-го децильных групп (с учетом НДФЛ и косвенных налогов), доля социальных налоговых вычетов	Росстат, ФНС
Временной	Краткосрочные эффекты (1-2 года)	Эластичность налоговых поступлений по ВВП, изменение поступлений сразу после реформ.	Казначейство России, ФНС

	Долгосрочные эффекты (5-10 лет)	Влияние налоговой нагрузки на инвестиции в основной капитал, темпы роста числа налогоплательщиков	Росстат
Международный	Сравнительный анализ	Налоговая нагрузка на труд и капитал в сравнении со странами ОЭСР и БРИКС, индекс налоговой конкурентоспособности	Данные ОЭСР, Всемирного банка
Устойчивое развитие	Экологический вклад	Доля экологических налогов в общих доходах (%), динамика поступлений от углеродоемких производств.	ФНС, Росприроднадзор
	Социальный вклад	Влияние налоговой системы на коэффициент Джини (разница до и после уплаты налогов и получения трансфертов).	Росстат

Сбор данных осуществляется через ФНС России, а именно статистика поступлений. Росстат для получения данных о доходах населения. ОЭСР и Всемирный банк для международного сравнения.

Анализ взаимосвязей, где качественный анализ — это оценка, как повышение НДФЛ влияет на справедливость и экономическую активность. Сравнительный анализ для сопоставления России с Германией и Китаем. Сценарный анализ для прогноза кратко- и долгосрочных эффектов реформ.

Предложенная система индикаторов позволяет перейти от декларативных заявлений к конкретным выводам. Например, аспект устойчивого развития теперь операционализирован через конкретные показатели. Анализ доли экологических налогов позволяет оценить, вносит ли налоговая система вклад в достижение экологических целей или же фискальные стимулы, наоборот, способствуют сохранению «грязных» производств. Анализ изменения коэффициента Джини под влиянием налогов и трансфертов дает четкое понимание реальной прогрессивности системы, а не только декларируемой шкалы НДФЛ.

Взаимосвязь показателей, заложенная в концепции, позволяет выявлять конфликты целей. Так, высокие показатели фискальной достаточности могут вступать в противоречие с долгосрочным экономическим ростом, если они

достигнуты за счет чрезмерной нагрузки на капитал, что делает страну менее привлекательной в международном сравнении.

Таким образом, концепция 4D-анализа — это не просто абстрактная модель, а рабочий инструмент. Процесс ее применения включает определение индикаторов, сбор данных из российских и международных источников, анализ взаимосвязей и формулировку рекомендаций. Разработка концепции 4D-анализа требует участия экспертов, но предложенная система индикаторов делает ее прозрачной и пригодной для практического применения.

Многомерный динамический анализ (концепция 4D-анализа) представляет собой прорыв в оценке налоговых систем, преодолевая ограничения традиционных методов. Его способность интегрировать аспекты эффективности, учитывать временную динамику, проводить международные сравнения и поддерживать устойчивое развитие делает его незаменимым инструментом в современных условиях.

Библиографический список

1. Бардахчян Д.В. Совершенствование механизмов взаимодействия налоговых органов с налогоплательщиками в условиях цифровизации государственных услуг // Вестник евразийской науки. 2025. №2S. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-mehanizmov-vzaimodeystviya-nalogovyh-organov-s-nalogoplatelshchikami-v-usloviyah-tsifrovizatsii-gosudarstvennyh> (дата обращения: 12.12.2025).
2. Гринкевич А.М. Теоретические подходы к формированию эффективно-справедливой налоговой системы // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. 2012. №4 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-formirovaniyu-effektivno-spravedlivoy-nalogovoy-sistemy> (дата обращения: 12.12.2025).
3. Ксенда В. М. Цифровизация налогового администрирования: современная модель и перспективы развития // Вестник ВолГУ. Экономика. 2021. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-nalogovogo-administrirovaniya-sovremennaya-model-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 12.12.2025).
4. Ольховикова С. В. Эффективность налогового администрирования в контексте реформирования ФНС // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы VIII Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 18-19 апреля 2022 г.) : в двух томах. Издательство Уральского университета: Екатеринбург, 2022. Том 2. С. 88-91.

Научная статья

УДК 331.101.262:004.89

Влияние искусственного интеллекта и цифровых платформ на рынок труда и управление персоналом.

Фадеев З. Р.^{1, 2}

Научный руководитель: Коваль О. И.¹, канд. экон. наук

¹ Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, г. Омск, Россия.

² Zaharfadeev2005@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается влияние технологий искусственного интеллекта и цифровых платформ на современный рынок труда и управление персоналом. Анализируется трансформация процессов подбора, оценки и обучения сотрудников под воздействием автоматизации, рекрутинговых алгоритмов и HR-аналитики. Меняется профессиональная структура занятости, отдельные специальности исчезают, новые появляются. В основном это затрагивает профессии, связанные с обработкой данных и цифровыми технологиями. Особое внимание уделяется роли цифровых платформ в формировании гибких моделей занятости и повышении значимости дистанционного и платформенного труда. На основе выявленных тенденций определяются ключевые возможности и риски внедрения искусственного интеллекта в сферу управления персоналом, а также прогнозируется дальнейшее развитие кадровых процессов в условиях цифровизации.

Ключевые слова: *искусственный интеллект; рынок труда; управление персоналом; автоматизация; HR-аналитика; цифровые компетенции*

The impact of artificial intelligence and digital platforms on the labor market and human resources management.

Fadeev Z. R.^{1, 2}

Scientific supervisor: Koval O. I.¹, Cand. Sc. (Economic)

¹ Siberian Institute of Business and Information Technologies, Omsk, Russia.

² Zaharfadeev2005@yandex.ru

Abstract: The article examines the impact of artificial intelligence technologies and digital platforms on the modern labor market and personnel management. It analyzes the transformation of recruitment, evaluation, and training processes under the influence of automation, recruitment algorithms, and HR analytics. The professional structure of employment is changing, with certain professions disappearing and new ones emerging. This primarily affects professions related to data processing and digital technologies. The article focuses on the role of digital platforms in shaping flexible employment models and increasing the importance of remote and platform-based work. Based on the identified trends, the key opportunities and risks of introducing artificial intelligence into the HR sphere are determined, and the further development of HR processes in the context of digitalization is predicted.

Keywords: *artificial intelligence; labor market; human resources management; automation; HR analytics; digital competencies*

Введение

Современный рынок труда меняется под воздействием технологий искусственного интеллекта и цифровых платформ. Внедрение алгоритмов машинного обучения, роботов, автоматизированных систем подбора персонала и цифровых платформ изменяет характер занятости, методы управления персоналом и требования к компетенциям. Организации используют рекрутинговые боты, сервисы прогнозной аналитики, дистанционные обучающие платформы и цифровые инструменты оценки эффективности сотрудников, что оптимизирует кадровые процессы, но создаёт новые трудности для сотрудников и работодателей [8].

Отечественные и зарубежные исследователи отмечают, что автоматизация рутинных задач сокращает спрос на ряд традиционных профессий одновременно увеличивая потребность в специалистах с цифровыми компетенциями, умеющих работать с данными, управлять технологиями автоматизации и сопровождать организационные изменения [4; 1, с. 5]. Это требует пересмотра методики управления человеческими ресурсами и создания новых стратегий управления персоналом. Целью данной статьи является изучение влияния искусственного интеллекта и цифровых платформ на рынок труда, а также выявление рисков и возможностей внедрения цифровых технологий в управление персоналом.

Объектом исследования выступает современный рынок труда в условиях цифровой трансформации. Предметом исследования является влияние технологий искусственного интеллекта и цифровых платформ на процессы управления персоналом и структуру занятости.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач:

- проанализировать трансформацию процессов подбора, адаптации и оценки персонала под влиянием искусственного интеллекта (далее ИИ);
- определить влияние цифровых платформ на формирование новых форм занятости и изменение трудовых отношений;
- выявить изменения в профессиональной структуре занятости в условиях автоматизации;

- определить ключевые компетенции, востребованные в цифровой экономике.

Методологическую основу составляют исследование научных публикаций, обобщение, систематизация теоретических и эмпирических данных и сравнительный анализ практик российских компаний.

Научная значимость исследования заключается в уточнении направлений трансформации кадрового менеджмента под воздействием ИИ, практическая - в возможности использования полученных выводов при разработке кадровой политики и программ развития персонала в условиях цифровой экономики.

Исследование направлено на выявление ключевых тенденций, преимуществ и рисков внедрения ИИ в сфере управления персоналом, а также на формирование прогноза дальнейшего развития кадровой политики организаций в условиях цифровой экономики, его результаты можно использовать для улучшения кадровых механизмов внутри компании, разработки программ профессионального роста сотрудников и адаптации компаний к изменениям на рынке труда.

Актуальность темы: Рынок труда изменяется под влиянием искусственного интеллекта и цифровых технологий. Автоматизация рутинных задач, использование рекрутинговых ботов, HR-аналитики и онлайн-обучения трансформирует подбор и развитие персонала, а рост платформенной и дистанционной занятости повышает требования к цифровым навыкам работников.

ИИ влияет на структуру профессий. Эти изменения создают возможности для более эффективного управления персоналом и усиливают стратегическую роль HR-специалиста. Изучение воздействия ИИ и цифровых платформ на рынок труда остаётся важным для разработки современных кадровых политик, позволяющих компаниям адаптироваться к требованиям цифровой экономики.

Основная часть

В последние годы внедрение технологий искусственного интеллекта в сферу управления персоналом уверенно перешло от отдельных пилотных инициатив к устойчивой управленческой практике. По оценкам аналитиков рынка, большинство организаций интегрируют цифровые решения в управлении персоналом в ответ на растущую конкуренцию за кадры, дефицит квалифицированных специалистов и необходимость ускорения внутренних процессов. Средние и крупные компании уже используют алгоритмы ИИ как минимум на одном этапе работы с персоналом — чаще всего при поиске кандидатов и организации их обучения. Это свидетельствует о переходе кадрового менеджмента к модели, в которой цифровые инструменты становятся не вспомогательным ресурсом, а частью базовой инфраструктуры управления персоналом [10, с. 179-181].

Сегодня кадровый менеджмент стал одним из самых «оцифрованных» в организациях. Цифровые инструменты теперь используют не только для администрирования, но и для взаимодействия с кандидатами, оценки обучения и прогнозирования текучести персонала.

Современные методы управления персоналом всё активнее используют алгоритмы и цифровые сервисы, которые меняют каждую стадию жизненного цикла сотрудника. При этом важно отметить, что речь идёт не о полной замене HR-специалистов технологиями, а о перераспределении функций между человеком и автоматизированными системами [2, с. 17]. В этом контексте можно выделить ключевые инструменты искусственного интеллекта и цифровых платформ, получившие практическое применение в управлении персоналом (таблица 1)

Таблица 1

Ключевые инструменты и их функции

Инструмент	Функция	Где используются	Источник
Системы отслеживания кандидатов (ATS)	Автоматизируют сбор и первичную фильтрацию резюме, сокращая время «ручного» отбора и снижая нагрузку на рекрутеров.	Подбор персонала, этапы первичного отбора, работа с откликами.	[4; 8; 1; 9; 10]
Чат-боты и рекрутинговые боты	Осуществляют первичную коммуникацию с кандидатами, отвечают на типовые вопросы, собирают базовую информацию и назначают интервью.	Первичная коммуникация, этапы найма с высокой нагрузкой, массовый подбор.	[4; 8]
HR-аналитика и предиктивные модели	Прогноз текучести, определение потребностей в кадрах, оценка эффективности обучения и адаптации.	Управление талантами, мониторинг KPI сотрудников, прогноз HR-рисков.	[4; 7; 8; 1]
Платформы онлайн-обучения (LMS)	Доступ к обучающим материалам, Персонализация развития, учет	Обучение, повышение квалификации, апскейлинг и	[4; 8; 1]

	прогресса в проведении курсов.	рискейлинг сотрудников.	
Алгоритмы оценки компетенций	Проведение тестов. Моделирование рабочих ситуаций,	Цифровые ассессмент-центры.	[4; 7; 1]

Практическая реализация цифровых решений в HR-сфере не только ускоряет подбор и повышает качество первичного отбора, но и трансформирует традиционные процессы управления персоналом. По мнению авторов Gupta, P., Lakhera, G. и Sharma, M, цифровая трансформация через интеграцию искусственного интеллекта усиливает эффективность кадрового менеджмента и влияет на показатели производительности сотрудников, что требует стратегического подхода, включающего планирование, этические аспекты и заботу о благополучии персонала в процессе внедрения ИИ-инструментов [7, с. 6].

Цифровизация управления персоналом сопровождается изменением роли HR-специалистов: автоматизация рутинных операций (например, первичный скрининг резюме или обработка данных) снижает нагрузку операционных процессов, а высвобождающиеся ресурсы могут быть направлены на развитие стратегически важных направлений кадровой политики, таких как: обучение, рост внутренней мотивации сотрудника, с целью повешения производительности и эффективности труда. При этом трансформация труда в условиях цифровизации формирует как вызовы, так и принципы адаптации для предприятий, которые должны учитывать изменения в структуре компетенций, необходимость повышения цифровой грамотности работников, этические и организационные аспекты внедрения ИИ.

Изменение инструментов управления персоналом, связанное с внедрением искусственного интеллекта и цифровых платформ, неизбежно отражается на профессиональной структуре кадровых подразделений. По мере передачи рутинных и формализованных операций автоматизированным системам происходит перераспределение функций между человеком и технологиями, что ведёт к трансформации традиционных ролей в сфере управления персоналом.

Наиболее заметные изменения в условиях цифровизации затрагивают административный сегмент управления персоналом. Согласно прогнозам World Economic Forum, автоматизация в первую очередь трансформирует позиции, связанные с обработкой данных, документооборотом и выполнением стандартных процедур. В кадровой сфере это выражается в передаче цифровым системам задач по учёту персонала, формированию типовой отчётности и первичному сопровождению процессов. В результате специалистам становится важно не столько выполнять операции вручную, сколько понимать принципы работы интегрированных программных решений, контролировать корректность алгоритмов и обеспечивать качество данных. Одновременно усиливается

стратегическая составляющая роли руководителей, возглавляющих подразделения по управлению персоналом. Их деятельность всё чаще связана с анализом количественных показателей, интерпретацией данных и участием в принятии управленческих решений. По сути, происходит смещение акцента от операционного администрирования к сопровождению организационных изменений, разработке и внедрения эффективных методов управления персоналом. Аналогичная трансформация наблюдается и в работе рекрутеров: при автоматизации первичного мониторинга возрастает значимость экспертной оценки компетенций, проведения углублённых интервью и формирования бренда работодателя. В целом, как подчёркивается в исследовании 2025 года, технологические изменения не означают одномоментного сокращения рабочих мест. Скорее речь идёт о перераспределении задач и росте спроса на специалистов, обладающих аналитическими и цифровыми компетенциями. Это свидетельствует о структурной перестройке рынка труда, а не о его упрощении [12, с. 239-241].

Развитие искусственного интеллекта и цифровых платформ формирует два взаимосвязанных процесса: снижение спроса на отдельные рутинные профессии и одновременный рост потребности в новых ролях, связанных с анализом данных, автоматизацией и управлением цифровыми системами управления персоналом. В условиях такого изменения структуры занятости становится актуальным визуализировать различия между устаревающими и появляющимися должностями, поэтому целесообразно представить их в сравнительной таблице (таблица 2).

Таблица 2

Трансформация профессий под влиянием ИИ и цифровых платформ

Группа профессий	Характер изменений	Примеры профессий	Источники
Исчезающие или существенно трансформируемые.	Снижение спроса в следствии автоматизации рутинных и Формализованных операций.	Оператор ввода данных, ряд позиций бэк-офиса, позиционные рекрутеры, ориентированные на ручную сортировку резюме	[8; 12; 5]
Новые и усиливающиеся.	Рост спроса в условиях цифровизации HR-процессов и экономики данных.	HR-аналитик; специалист по данным (Data HR); инженер по автоматизации HR-процессов;	[1; 12]

		специалист по этике ИИ в HR; наставник по цифровым навыкам	
--	--	--	--

Рост новых профессиональных направлений закономерно сопровождается пересмотром требований к квалификации работников. Как отмечается в исследованиях, посвящённых цифровизации управления персоналом, возрастает значение цифровой грамотности, аналитического мышления и навыков работы с данными, включая владение инструментами их обработки (SQL, продвинутый Excel). При этом всё большую роль играет способность сотрудника к адаптации и постоянному обновлению знаний в условиях ускоряющихся технологических изменений [1, с. 4-5].

Распространение цифровых платформ становится одним из ключевых факторов трансформации занятости. Согласно аналитическим материалам и международным исследованиям, расширяется практика краткосрочных проектов, дистанционной занятости и различных форм самостоятельной профессиональной деятельности, что постепенно изменяет традиционную модель стабильных трудовых отношений. Для многих организаций платформенные решения выступают инструментом оперативного привлечения высоко квалифицированных кадров без долгосрочных обязательств. Фриланс-маркетплейсы, агрегаторы услуг и различные цифровые платформы, используемые в сфере управления персоналом, способствуют росту числа краткосрочных контрактов и удалённых проектов. Вместе с тем подобная гибкость сопровождается определёнными рисками: усиливается нестабильность кадровой базы, усложняется поддержание корпоративной культуры и обостряются вопросы социальной защищённости работников [7, с. 3-5].

Практические последствия изменений в управлении персоналом проявляются в необходимости разработки гибридных моделей мотивации и управления распределёнными командами. Кроме того, возрастает значимость интеграции внешних исполнителей в процессы оценки результатов, контроля качества и формирования бренда работодателя, что отражает более широкий тренд на трансформацию структуры занятости и навыков, востребованных на рынке труда [5, с. 6-7; 6, с. 54].

Активное внедрение искусственного интеллекта в HR обусловлено стремлением организаций повысить оперативность и качество кадровых решений. Цифровые инструменты позволяют обрабатывать гораздо больше данных, чем традиционные ручные методы, что особенно важно в условиях высокой конкуренции за квалифицированных специалистов. Как отмечают исследователи, внедрение ИИ в HR обеспечивает ряд ключевых преимуществ: ускорение и масштабируемость рутинных процессов, повышение объективности первичного отбора при правильной настройке алгоритмов, возможности прогнозирования рисков, например, потенциального оттока персонала и

адаптацию обучения сотрудников под конкретные пробелы в компетенциях [4, с. 4-6].

Вместе с тем использование ИИ сопровождается ограничениями и потенциальными рисками. Согласно российским исследованиям, некорректно настроенные алгоритмы могут усиливать существующие социальные и профессиональные предубеждения, создавая угрозу дискриминации отдельных категорий работников. Дополнительным барьером является недостаток цифровых навыков у части персонала, что замедляет внедрение технологий и затрудняет взаимодействие с платформенными инструментами. Кроме того, остаются актуальными вопросы информационной безопасности, конфиденциальности персональных данных и зависимости организаций от внешних поставщиков цифровых решений. В таких условиях HR-службы должны выстраивать поэтапный, системный подход к интеграции ИИ, сочетая технологические возможности с сохранением роли человека в управлении персоналом [2, с. 14-17].

Наиболее целесообразным представляется следующий алгоритм действий:

1. Проведение аудита HR-процессов с целью выделения рутинных и стратегических задач.

2. Определение приоритетных метрик эффективности (оперативность закрытия вакансии, работа каналов привлечения, расходы на найм одного сотрудника, доля вакансий, закрытых с использованием ИИ).

3. Пилотирование цифровых инструментов в отдельных подразделениях с последующей оценкой их влияния на ключевые показатели. Разработка программ переобучения и повышения квалификации, сочетающих онлайн-обучение и наставничество.

4. Формирование этических и правовых политик использования алгоритмов, включая контроль прозрачности и предотвращения рисков, связанных с использованием ИИ.

5. Создание стандартов интеграции платформенных работников в HR-процессы.

6. Реализация программ управления изменениями и открытой коммуникации с персоналом.

Подобные стратегии внедрения ИИ, включая аудит процессов, пилотные проекты и развитие цифровых компетенций, подробно рассматриваются в работе авторов Úbeda-García, M., Marco-Lajara, B., Zaragoza-Sáez, P. C. методических и аналитических работах [8, с. 2-8].

Можно констатировать, что искусственный интеллект и цифровые платформы не являются угрозой рынку труда. Напротив, при грамотном внедрении они создают возможности для повышения качества управления персоналом и общей организационной эффективности. Автоматизация освобождает HR-специалистов от рутинных операций и позволяет сосредоточиться на стратегических задачах: развитии человеческого капитала, формировании корпоративной культуры и проектировании карьерных траекторий.

Таким образом, обобщая закономерности и условия на основе исследований российских и зарубежных авторов, при которых ИИ дает позитивный эффект либо создает риски, можно выделить следующее:

1. Позитивный эффект внедрения ИИ и цифровых платформ возможен при условии одновременных инвестиций в обучение сотрудников и продуманной политики управления изменениями; в противном случае цифровизация может усиливать социальную напряжённость и снижать устойчивость бизнеса [1, с. 5].

2. По данным World Economic Forum, к 2027 году около 23 % рабочих мест претерпят трансформацию: будет создано 69 млн новых рабочих мест и сокращено 83 млн, что отражает перераспределение функций, а не массовую безработицу. Профессии, связанные с аналитическим мышлением, управлением и коммуникацией, остаются наиболее устойчивыми к автоматизации [12, с. 112-115].

3. Оценки показывают, что автоматизации подлежат 25–40 % задач в офисных и административных ролях без полного исчезновения рабочих мест, что усиливает спрос на специалистов, способных работать с цифровыми системами, анализировать данные и сопровождать организационные изменения [5, с. 17].

4. Прогнозы McKinsey указывают, что к 2030 году до 70 % компаний будут использовать ИИ в ключевых HR-процессах, что усиливает стратегическую роль HR как функции управления человеческим капиталом [6, с. 99].

5. В краткосрочной и среднесрочной перспективе ожидается углубление платформенной занятости, рост гибридных форм работы и повышение значимости цифровых и аналитических компетенций [5, с. 43].

Практика российских компаний подтверждает обозначенные тенденции. Крупные организации, такие как Сбер, Яндекс и X5 Group, внедряют инструменты искусственного интеллекта в процессы подбора, оценки и планирования персонала, что позволяет автоматизировать рутинные операции, повышать точность управленческих решений и усиливать аналитическую составляющую HR-функции. Кейсы, используемые в данных компаниях, демонстрируют трансформацию HR-практик под влиянием ИИ и цифровых платформ (таблица 3).

Таблица 3

Примеры внедрения ИИ и цифровых платформ в HR - практиках российских компаний.

Компании	Направление, внедрение ИИ	Эффект для HR-функции
Сбер	Скрининг резюме, HR-аналитика, прогноз текучести	Снижение рутинной нагрузки, повышение точности подбора
Яндекс	Алгоритмы распределения задач, управление	Оптимизация занятости, развитие гибких форм труда

	платформенной занятостью	
X5 GROUP	Прогнозирование потребности в персонале, автоматизация кадровых процессов	Повышение эффективности планирования
VK	Цифровые инструменты оценки и развития персонала	Усиление аналитической роли HR

Наряду с этим, развитие платформенной занятости в экосистемах Яндекс и VK демонстрирует изменение традиционных форм трудовых отношений, формируя новые модели взаимодействия с персоналом [3, с. 268-273; 1, с. 4; 10, с. 172-176].

Заключение:

Таким образом, изучение существующих исследований показывает, что внедрение технологий искусственного интеллекта и цифровых платформ оказывает заметное влияние на современный рынок труда и практики в управлении персоналом. Положительный эффект цифровизации проявляется наиболее явно, когда автоматизация сопровождается развитием компетенций сотрудников и выстроенной стратегией управления организационными изменениями. В таких условиях компании могут перераспределять ресурсы с рутинных задач на обучение, развитие навыков и стратегическое планирование, что повышает адаптивность организации к изменениям рынка труда и снижает риски дисбалансов в кадровой структуре. Без комплексного подхода технологические нововведения часто приводят к перегрузке персонала, разрыву между требуемыми и существующими компетенциями и усложняют процессы адаптации сотрудников.

Проведённое аналитическое обобщение и интерпретация выводов существующих исследований российских и зарубежных авторов, позволило выделить управленческие условия, при которых использование искусственного интеллекта и цифровых платформ в сфере управления персоналом способствует повышению организационной эффективности и минимизации социально-трудовых рисков и сформулировать вывод о том, что в условиях цифровой экономики фиксируется рост спроса на цифровые и аналитические навыки и усиление стратегической роли HR-функции в системе управления организацией, а автоматизация способствует сокращению рутинных операций, повышению качества управленческих решений и трансформации требований к профессиональным компетенциям работников.

Библиографический список

1. Бугасова Е.В., Шичкин И.А. Современные тенденции цифровизации процессов управления персоналом // Journal of Monetary Economics and

Management. 2024. № 8. С. 238–245. DOI: 10.26118/2782-4586.2024. URL: <https://www.jomeam.ru/ru/nauka/article/93252/view> (дата обращения: 13.01.2026).

2. Гагаринская Г.П., Абдулова Т.Г., Хоровинникова Е.Г. Трансформация труда и управление человеческим капиталом в условиях цифровизации: вызовы, принципы и тенденции // Управление персоналом и интеллектуальные ресурсы в России. 2025. Т. 14, № 4. С. 13–18. URL: <https://zh-szf.ru/ru/nauka/article/105224/view> (дата обращения: 13.01.2026).

3. Gupta P., Lakhera G., Sharma M. Examining the impact of artificial intelligence on employee performance in the digital era: An analysis and future research direction // The Journal of High Technology Management Research. 2024. Vol. 35, № 2. Article 100520. DOI: 10.1016/j.hitech.2024.100520 (дата обращения: 13.01.2026).

4. International Labour Organization. Generative AI and Jobs: A Global Analysis of Potential Effects on Job Quantity and Quality. Geneva: ILO, 2023. 84 p. DOI: 10.54394/FHEM8239.

5. McKinsey Global Institute. The Future of Work after COVID-19. New York: McKinsey & Company, 2021. 120 p. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/featured%20insights/future%20of%20organizations/the%20future%20of%20work%20after%20covid%2019/the-future-of-work-after-covid-19-report-vf.pdf> (дата обращения: 18.02.2026).

6. Полякова М.В. Влияние цифровой трансформации на рынок труда в Российской Федерации // Прогрессивная экономика. 2025. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovoy-transformatsii-na-rynok-truda-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 13.01.2026).

7. Úbeda-García M., Marco-Lajara B., Zaragoza-Sáez P.C., Poveda-Pareja E. Artificial intelligence, knowledge and human resource management: A systematic literature review of theoretical tensions and strategic implications // Journal of Innovation & Knowledge. 2025. Vol. 10, № 6. Article 100809. DOI: 10.1016/j.jik.2025.100809.

8. Fenwick A., Molnar G., Frangos P. Revisiting the role of HR in the age of AI: bringing humans and machines closer together in the workplace // Frontiers in Artificial Intelligence. 2024. Vol. 6. Article 1272823. DOI: 10.3389/frai.2023.1272823.

9. Черняков М.К., Чернякова И.А. Цифровая трансформация HR-сферы: анализ технологий, эффективности и перспектив развития // Международный научно-исследовательский журнал. 2025. № 9 (159). DOI: 10.60797/IRJ.2025.159.27.

10. Черняков М.К., Чернякова И.А. Цифровизация управления персоналом: современные тенденции и вызовы для российских предприятий // Сибирский журнал экономических и бизнес-исследований. 2025. Т. 14, № 2. С. 166–186. DOI: 10.12731/2070-7568-2025-14-2-297.

11. World Economic Forum. The Future of Jobs Report 2023. Geneva: World Economic Forum, 2023. 297 p. URL: <https://www.weforum.org/publications/the-future-of-jobs-report-2023> (дата обращения: 18.02.2026).

12. World Economic Forum. The Future of Jobs Report 2025. Geneva: World Economic Forum, 2025. 300 p. URL: <https://www.weforum.org/publications/the-future-of-jobs-report-2025> (дата обращения: 18.02.2026).

Научная статья
УДК 330.192:517.5

Применение интегрального исчисления в экономическом анализе: оптимизация производства и расчёт потребительского выигрыша

Филимонова А. А.^{1, 2}

Научный руководитель: Бабичева И. В.¹, канд. пед. наук

¹ Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, г. Омск, Россия

² lina_filimonovaa@vk.com

Аннотация: В статье исследуется применение интегрального исчисления в контексте экономического анализа, фокусируясь на задачах оптимизации производства и оценки благосостояния участников рынка. Интегральное исчисление, как мощный инструмент математического анализа, предоставляет широкие возможности для решения экономических задач, связанных с анализом издержек производства, определением потребительского излишка и выигрыша поставщиков. На конкретном примере, взятом из экономической практики, демонстрируется использование интегрального исчисления для определения функций издержек производства на основе информации о предельных издержках, а также для расчёта выигрыша потребителей и поставщиков при заданных функциях спроса и предложения. В работе проводится подробный анализ методов определения рыночного равновесия и использования интегрального исчисления для количественной оценки преимуществ, получаемых потребителями и производителями в условиях установившегося равновесия. Особое внимание уделяется интерпретации полученных результатов и их практической значимости для принятия обоснованных управленческих решений в сфере производства и маркетинга. Подчёркивается актуальность применения математического аппарата для более глубокого понимания экономических процессов и для повышения эффективности планирования и управления экономическими системами. Результаты исследования могут быть использованы для разработки стратегий оптимизации производства и для анализа влияния различных факторов на благосостояние потребителей и производителей.

Ключевые слова: *интегральное исчисление; математическое моделирование; экономический анализ; оптимизация производства*

Application of Integral Calculus in Economic Analysis: Production Optimization and Consumer Benefit Calculation

Filimonova A. A.^{1, 2}

Scientific supervisor: Babicheva I. V.¹, Cand. Sc. (Pedagogy)

¹ Siberian Institute of Business and Information Technologies, Omsk, Russia

² lina_filimonovaa@vk.com

Abstract: This article explores the application of integral calculus in the context of economic analysis, focusing on production optimization and market participant welfare assessment. As a powerful tool in mathematical analysis, integral calculus offers extensive opportunities for solving economic problems related to the analysis of production costs, determining consumer surplus, and supplier surplus. A specific example from economic practice demonstrates the use of integral calculus to determine production cost functions based on marginal cost information, as well as to calculate consumer and supplier surpluses under given supply and demand functions. The paper provides a detailed analysis of methods for determining market equilibrium and the use of integral calculus to quantify the benefits received by consumers and producers under conditions of established equilibrium. Particular attention is given to the interpretation of the obtained results and their practical significance for making informed management decisions in production and marketing. The relevance of applying mathematical apparatus for a deeper understanding of economic processes and for improving the efficiency of planning and management of economic systems is emphasized. The results of the study can be used to develop production optimization strategies and to analyze the impact of various factors on the welfare of consumers and producers.

Keywords: *integral calculus; mathematical modeling; economic analysis; production optimization*

Введение

Актуальность применения математических методов в экономике неуклонно возрастает. В условиях современной рыночной экономики предприятия стремятся к оптимизации производственных процессов, повышению эффективности использования ресурсов и увеличению прибыли. Интегральное исчисление, как мощный инструмент математического анализа, находит широкое применение в решении экономических задач, связанных с анализом издержек производства, определением потребительского выигрыша, моделированием кривой обучения и многими другими аспектами. Данная статья посвящена исследованию возможностей интегрального исчисления в экономическом анализе на примере конкретных задач, демонстрирующих практическую значимость данного математического аппарата.

Многие исследователи [1,2,4,5,6,7] подчёркивали важность математического аппарата для понимания и моделирования экономических явлений. Применение интегрального исчисления позволяет переходить от анализа предельных величин (таких как предельные издержки или предельная полезность) к определению общих или суммарных значений, что является критически важным для принятия обоснованных управленческих решений.

Целью данной работы является демонстрация возможностей интегрального исчисления для решения экономических задач оптимизации производства и расчёта потребительского выигрыша. В рамках исследования будут рассмотрены теоретические основы применения интегрального исчисления в экономическом анализе, а также приведён конкретный пример решения экономической задачи с использованием интегрального исчисления, на основе которого будут сделаны выводы о практической значимости данного математического аппарата. Вклад данной работы заключается в систематизации методов применения интегрального исчисления к задачам экономического анализа, а также в демонстрации практической значимости этих методов для решения задач оптимизации и повышения эффективности работы экономических субъектов.

Основная часть

Интегральное исчисление предоставляет мощный инструмент для анализа непрерывных процессов и вычисления площадей под кривыми. В экономике это позволяет решать широкий спектр задач, связанных с определением общих издержек производства, вычислением потребительского излишка, анализом распределения доходов и многими другими аспектами.

Интегрирование – операция, обратная дифференцированию. В экономике используется для нахождения функции по её производной. Например, зная функцию предельных издержек (MC – Marginal Cost), можно определить функцию общих издержек производства (TC – Total Cost).

Функция издержек производства (TC) является одной из ключевых концепций в экономике. Она отражает зависимость общих издержек предприятия от объёма выпускаемой продукции. Предельные издержки (MC) представляют собой изменение общих издержек при увеличении объёма производства на единицу. Используя интегральное исчисление, можно восстановить функцию общих издержек производства, зная функцию предельных издержек:

$$TC(x) = \int MC(x) dx + C, \text{ где } x - \text{объём производства.}$$

где C – постоянная интегрирования, которая представляет собой фиксированные издержки предприятия.

Определенный интеграл позволяет вычислять площадь под кривой на заданном интервале (см. рисунок 1).

$$S = \int_a^b f(x) dx = F(b) - F(a)$$

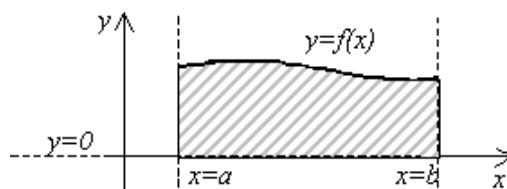

Рисунок 1. Площадь криволинейной трапеции

Площадь плоской области может быть найдена как разность площадей криволинейных трапеций (см. рисунок 2)

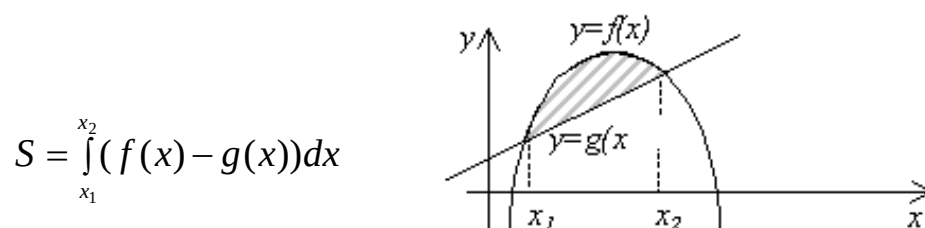

Рисунок 2. Площадь плоской области

В экономике это позволяет определить потребительский излишек (CS – Consumer Surplus), суммарный доход (TR – Total Revenue) и другие важные показатели.

Потребительский выигрыш (или излишек потребителя) (CS) является мерой благосостояния потребителей. Потребительский выигрыш можно вычислить с помощью определённого интеграла как площадь между кривой спроса D и линией равновесной цены (p_e) (см. рисунок 3).

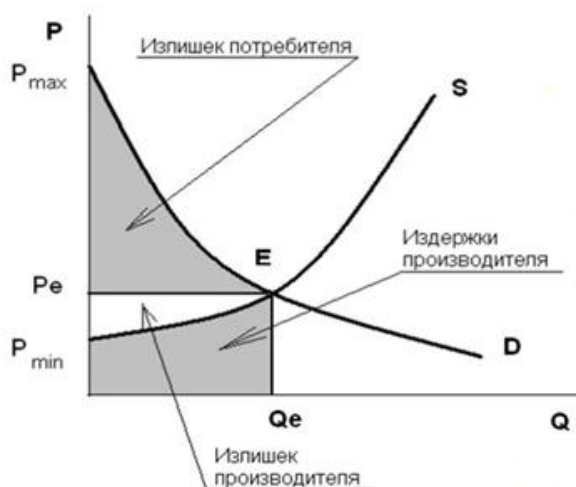

Рисунок 3. Кривая спроса и предложения

$$CS = \int_0^{Q_e} (D(q) - p_e) dq \quad \text{или} \quad CS = \int_{P_e}^{P_{max}} (D(p)) dp$$

где P_{max} – цена, при которой спрос равен нулю.

Аналогично, излишки производителя (PS) будут

представлять собой интеграл вида: $PS = \int_0^{Q_e} (p_e - S(q)) dq$

Для демонстрации практического применения интегрального исчисления в экономическом анализе рассмотрим следующую задачу [3, с. 290].

Постановка задачи:

Известны функции спроса и предложения:

$$p = 116 - q^2 \text{ (функция спроса)}$$

$$p = (5/3)q + 20 \text{ (функция предложения)}$$

Требуется найти выигрыш потребителей и выигрыш поставщиков, если было установлено рыночное равновесие.

Решение задачи:

1) Определение точки рыночного равновесия:

приравниваем функции спроса и предложения:

$$116 - q^2 = (5/3)q + 20$$

2) Приводим к квадратному уравнению:

$$3q^2 + 5q - 288 = 0$$

Решаем квадратное уравнение: $D = 5^2 - 4 \cdot 3 \cdot (-288) = 3481$

$$x_{1,2} = \frac{-5 \pm \sqrt{3481}}{2 \cdot 3}$$

Получаем два корня: $q_1 = 9$; $q_2 = -32/3$ (не имеет экономического смысла).

Следовательно, равновесный объем производства: $q_e = 9$ единиц.

Подставляем q_e в любую из функций (например, предложения) для нахождения равновесной цены: $p_e = (5/3) \cdot 9 + 20 = 35$

Точка рыночного равновесия: $E(9; 35)$.

Расчёт выигрыша потребителей (CS):

Выигрыш потребителей определяется как площадь между кривой спроса и линией равновесной цены:

$$CS = \int_0^{q_e} (D(q) - p_e) dq = \int_0^9 ((116 - q^2) - 35) dq = (81q - \frac{q^3}{3}) \Big|_0^9 = 486$$

Итак, выигрыш потребителя составляет 486 денежных единиц.

Расчет выигрыша поставщиков (PS):

Выигрыш поставщиков определяется как площадь между линией равновесной цены и кривой предложения:

$$PS = \int_0^{q_e} (p_e - D(q)) dq = \int_0^9 (35 - (5/3q + 20)) dq = (15q - 5/6q^2) \Big|_0^9 = 67,5$$

Итак, выигрыш поставщика составляет 67,5 денежных единиц.

Результаты решения задачи показывают, что применение интегрального исчисления позволяет точно определить величину потребительского и производственного выигрыша, что может быть использовано для анализа эффективности функционирования рынка и для разработки мер по стимулированию экономического роста.

Следует отметить, что данная модель является упрощённой и не учитывает множество факторов, влияющих на спрос и предложение. Однако, она позволяет продемонстрировать базовые принципы применения интегрального исчисления в экономическом анализе. Сравнение полученных результатов с другими исследованиями в данной области показывает, что применение интегрального исчисления для расчёта потребительского и производственного выигрыша является общепринятой методикой, широко используемой в экономической теории и практике. По результатам решения задачи, можно

сделать вывод о том, что применение интегрального исчисления позволяет точно определить величину потребительского и производственного выигрыша, что может быть использовано для анализа эффективности функционирования рынка и для разработки мер по стимулированию экономического роста.

Заключение

В данной статье было продемонстрировано применение интегрального исчисления для решения экономических задач, связанных с анализом издержек производства и расчётом потребительского выигрыша. На конкретном примере было показано, как можно использовать интегральное исчисление для определения функций издержек производства по предельным издержкам и для расчёта выигрыша потребителей и поставщиков при заданных функциях спроса и предложения. Проведённое исследование подтверждает актуальность применения математических методов для оптимизации экономических процессов и принятия обоснованных управленческих решений. Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку более сложных моделей, учитывающих дополнительные факторы, влияющие на спрос и предложение, и на применение других математических методов для анализа экономических процессов. В частности, перспективным направлением является применение интегрального исчисления для анализа динамических моделей экономики, учитывающих изменение экономических показателей во времени.

Библиографический список

1. Аннамаммедов С., Курбанов М. Основы математического анализа: пределы, производные и интегралы // Наука и мировоззрение. 2025. Т. 1, № 38. С. 147-151.
2. Горлач В.А., Крутова А.В. Применение интеграла в экономике // Форум молодых ученых. 2019. № 4 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-integrala-v-ekonomike> (дата обращения: 23.01.2026).
3. Ермаков В.И. Сборник задач по высшей математике для экономистов: учеб. пособие / под ред. В.И. Ермакова. М.: ИНФРА-М, 2004. 575 с. (Высшее образование).
4. Зарвинова М.С., Хаджиназарова А.С., Родина Е.В. Роль определенного интеграла в экономике // Современные наукоемкие технологии. 2014. № 5-2. С. 156-158. URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=34038> (дата обращения: 23.01.2026).
5. Ляликова Е.Р. Приложения определенного интеграла к решению задач экономики // Молодой ученый. 2015. № 19 (99). С. 11-17. URL: <https://moluch.ru/archive/99/22155>.
6. Мясоедов А.И. Применение математических методов в экономике: специфика, проблемы, перспективы // BENEFICIUM. 2020. № 3 (36). С. 35-47. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2020.3(36).35-47.
7. Стаценко Ю.А. Применение определённых интегралов в экономике // Современные инновационные технологии и проблемы устойчивого развития в условиях цифровой экономики: сб. ст. XVIII Междунар. науч.-практ. конф.

(Минск, 14–15 июня 2024 г.). Минск: Минский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2024. С. 82.

Cultura et Animus (Культура и Дух)

Научная статья

УДК 316.77:81'42(470+73)

Языковая реализация политической корректности в российском и американском газетном дискурсе

Воронкова Д. Н.^{1, 2}

Научный руководитель: Абраменко Е. В.¹, канд. филол. наук

¹ Ростовский Государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия.

² veneraGolu@yandex.ru

Аннотация: В статье сопоставляются языковые средства реализации политической корректности в американском и российском газетном дискурсе. Актуальность исследования обусловлена влиянием инклюзивных языковых практик в условиях глобализации. Новизна работы заключается в синхронном анализе 300 статей The Washington Post и «Российской газеты» за 2024 год. Цель — выявить специфику языкового воплощения политкорректности в газетном дискурсе двух стран. Установлено, что в американском дискурсе эти практики носят системный характер, закреплены в редакционных стандартах и реализуются на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях (эвфемизмы, гендерно-нейтральные формы). В российском дискурсе они выражены фрагментарно, преимущественно лексически, и часто противоречат традиционным языковым нормам. Политкорректность — контекстуально обусловленный феномен, отражающий социокультурную специфику страны. Результаты могут использоваться в курсах по социолингвистике и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: политическая корректность, газетный дискурс, сопоставительный анализ, инклюзивный язык, эвфемизация

Linguistic implementation of political correctness in Russian and American newspaper discourse

Voronkova D. N.^{1, 2}

Scientific supervisor: Abramenko E. V.¹, Cand. Sc. (philology)

¹ Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia.

² veneraGolu@yandex.ru

Abstract: The article compares linguistic means of political correctness in American and Russian newspaper discourse. The relevance stems from the influence of inclusive language practices amid globalization. The novelty lies in a synchronous analysis of 300 articles from “The Washington Post” and «Российская газета» (2024). The aim is to identify specific features of politically correct language implementation in the two countries' newspaper discourse. It is established that in American discourse these practices are systematic, embedded in style guides, and manifest at lexical, morphological, and syntactic levels (euphemisms, gender-neutral forms). In Russian discourse, they are fragmentary, mainly lexical, and often contradict traditional language norms. Political correctness is a context-dependent phenomenon reflecting a country's sociocultural specifics. The results can be used in sociolinguistics and intercultural communication courses.

Keywords: *political correctness, newspaper discourse, comparative analysis, inclusive language, euphemization*

Введение

Политическая корректность, возникшая в США как инструмент продвижения либеральных ценностей, представляет собой социокультурный феномен, активно трансформирующий языковую практику. Её суть — формирование инклюзивного дискурса путём элиминации дискриминационной лексики и внедрения нейтральных языковых конструкций. Для российской лингвокультуры этот феномен является заимствованным, проникающим в коммуникативное пространство под влиянием глобализации, доминирования англоязычных медиа и постсоветских процессов американизации. Изучение его лингвистических проявлений приобретает особую актуальность в условиях межкультурного взаимодействия и трансформации медиадискурса.

Объект исследования — политическая корректность как социокультурный и лингвистический феномен; предмет — языковые средства её реализации в американском английском и русском языках. Эмпирическую базу составили 300 газетных статей из “The Washington Post” и «Российской газеты» (2024 г.).

Цель работы — выявить специфику языковой реализации политической корректности в американском и российском газетном дискурсе.

Научная новизна исследования заключается в комплексном сопоставительном анализе языковых стратегий реализации политической корректности в американском и российском газетном дискурсе, что позволяет выявить культурно-специфические особенности инклюзивного языка.

Теоретической базой послужили труды отечественных (Гальперин, Леонтович, Тер-Минасова и др.) и зарубежных (Холдер, Хьюз) исследователей в области социолингвистики и культурологии.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов в преподавании социолингвистики, межкультурной коммуникации, стилистики и журналистики.

1. История возникновения и развития понятия «политическая корректность» в США и России

Для корректного понимания современной трактовки феномена необходимо обратиться к его историческим истокам и социокультурным предпосылкам. Словоупотребление *politically correct* отмечается уже в XVII веке, однако в иной функциональной роли. Так, в монографии Джеффри Хьюза приводится пример из практики Верховного суда США 1793 года: «“The United States,” instead of “The people of The United States,” is the toast given. This is not politically correct» [5, 20]. В данном контексте выражение использовалось в буквальном, а не идеологическом смысле и означало «соответствующий доминирующей политической позиции» [16].

В своём современном значении феномен политической корректности сформировался во второй половине XX века в Соединённых Штатах Америки. Его становление было обусловлено рядом социальных движений: борьбой за гражданские права афроамериканцев, второй волной феминизма, а также распространением идей мультикультурализма и инклюзивности.

Движение за гражданские права 1950–1960-х годов выступило катализатором трансформации не только правовой, но и языковой системы. Критика «расизма английского языка» (*racism of the English language*) привела к требованию дерасификации (*deracialization*) — исключения или смягчения расовых маркеров в речи [8, 14, 21].

Вторая волна феминизма (1960–1980-е гг.) сыграла ключевую роль в формировании языковой политики, направленной на устранение гендерной дискриминации. Андроцентричность английского языка, отражающая патриархальные ценности и закрепляющая гендерное неравенство, стала объектом критики [15]. В результате сформировался запрос на гендерно-нейтральный язык, не воспроизводящий сексистские стереотипы. По данным диссертационного исследования А.В. Остроуха, термин «политическая корректность» впервые был введён в обращение одной из основательниц феминистского движения — Карен ДеКроу [10].

В англоязычных словарях политическая корректность, как правило, трактуется через два ключевых аспекта — поведенческий и языковой. Так, в *The Oxford Advanced Learner's Dictionary* она определяется как принцип, направленный на избегание выражений или моделей поведения, способных оскорбить определённые социальные группы [22]. При этом подчёркивается связь данного принципа с гипотезой лингвистической относительности Сепира–Уорфа: язык влияет на восприятие реальности, а следовательно, его трансформация может изменить социальные установки.

Аналогичное определение содержится в *Longman Dictionary of Contemporary English*: политическая корректность — это «тщательно подобранные язык, поведение и установки, направленные на то, чтобы никого не обидеть» [16]. В *Dictionary of Euphemisms* Р. Холдера политическая корректность трактуется как соответствие поведения и речи «догматическим установкам», при этом особый акцент делается на использовании эвфемизмов для обозначения, табуированных тем [19].

В СССР феномен политической корректности в западном понимании отсутствовал, однако существовали близкие по функции идеологические установки. Интернационализм и идея «дружбы народов», сформировавшаяся к середине 1930-х годов, предполагали равенство и уважение представителей всех национальностей, осуждение национализма и шовинизма [6]. Аналогичным образом, язык советской эпохи стремился к нейтрализации социальных различий: например, вместо «доярка» использовалось «оператор машинного доения», а «тракторист» заменялся на «механизатор» [3, 5].

Одними из первых к анализу политической корректности уже в 2000-х годах обратились С.Г. Тер-Минасова и А.В. Остроух. Тер-Минасова характеризует её как «стремление найти языковые средства, заменяющие выражения, ущемляющие достоинство человека по признакам расы, пола, возраста, состояния здоровья или социального статуса». При этом она критикует термин «политическая корректность» как неточный и предлагает альтернативу — «языковой такт» [11].

А.В. Остроух определяет политическую корректность как «умение говорить и писать о щекотливых темах, сохраняя смысл и не обижая адресата», рассматривая её как своеобразный речевой код, отражающий систему ценностей говорящего [10].

Анализ различных дефиниций позволяет выделить три общие характеристики феномена:

- 1) ориентация на недопущение оскорблений и дискриминации;
- 2) акцент на языковом и поведенческом аспектах коммуникации;
- 3) многоаспектность, охватывающая социальные, культурные и политические измерения.

2. Языковой аспект политической корректности в американском английском и русском языках

Целью языковой политической корректности является создание коммуникативного пространства, свободного от дискриминации, стигматизации и оскорблений. Достижение этой цели осуществляется через переосмысление устоявшихся языковых норм и внедрение нейтральных, инклюзивных форм.

В американском английском политическая корректность проявляется на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях.

На морфологическом уровне основные изменения касаются замены аффиксов с гендерной или социальной маркированностью. Наиболее яркий пример — замена морфемы *-man* на *-person*:

- *spokesman* — *spokesperson*;
- *congressman* — *congressperson*;
- *fireman* — *firefighter*.

Также наблюдается опущение гендерной морфемы (*chairman* — *chair*) или полная замена лексемы (*policeman* — *police officer*) [7]. Аналогичные тенденции затрагивают женские суффиксы (*-ess*, *-ette*):

- *actress* — *actor*;
- *authoress* — *author*;

– *stewardess* — *flight attendant* [7].

В радикальных феминистских подходах предлагались искусственные формы (*womyn, wimmin*), хотя они не получили широкого распространения [21]. Дополнительно используются аффиксы, подчёркивающие потенциал и достоинство (*-able, dis-, under-, eco-*) [19].

На лексическом уровне политкорректность реализуется преимущественно через эвфемизацию. По определению П.Я. Гальперина, эвфемизм — это «слово или фраза, заменяющие неприятное или табуированное выражение на более приемлемое» [2]. Однако, как отмечает Е.В. Шляхтина, эвфемизм шире политической корректности: последняя фокусируется именно на защите уязвимых социальных групп [18].

В.В. Панин предлагает следующую классификацию политкорректных эвфемизмов:

- расовые / этнические: *Negro* — *African American, Oriental* — *Asian*;
- социальные: *janitor* — *sanitation engineer*;
- возрастные: *old* — *senior, mature*;
- медицинские: *disabled* — *physically challenged*;
- антропометрические: *short* — *vertically challenged* [13].

На синтаксическом уровне реализуется гендерная нейтрализация:

- замена местоимения *he* на *they* или *one*;
- использование конструкций с множественным числом;
- перестройка предложения для избежания гендерной маркированности [18, 13].

Также наблюдается тенденция к использованию пассивного залога для деликатного обозначения действий без указания субъекта.

В русском языке проявления политической корректности менее системны и носят преимущественно лексический характер. Они обусловлены культурной традицией «языкового такта» и ориентированы на избегание прямолинейных формулировок в деликатных темах.

В сфере этнической идентичности наблюдается стремление к нейтрализации потенциально стигматизирующих этнонимов:

- «цыган» — «представитель ромской общины»;
- «чеченец» — «лицо кавказской национальности» [19].

В профессиональной сфере распространена практика повышения престижа названий профессий:

- «уборщица» — «специалист по клинингу»;
- «дворник» — «специалист по благоустройству территории» [13].

В контексте инвалидности доминирует подход «человек прежде всего» (*people-first language*):

- «инвалид» — «человек с инвалидностью»;
- «слепой» — «лицо со слепотой» [13].

Гендерный аспект в русском языке остаётся спорным. Хотя традиционные феминитивы (учительница, актриса) воспринимаются нормативно, новообразования (авторка, мастерица) вызывают сопротивление как

искусственные [15]. Альтернативой служат конструкции типа «женщина-учёный», «женщина-врач».

3. Лингвистические средства реализации политкорректности в американском английском (на материале The Washington Post)

Для сопоставительного анализа языковых проявлений политической корректности были выбраны два авторитетных печатных издания — The Washington Post (США) и Российская газета (Россия). Эти СМИ отличаются значительным тиражом, широким охватом аудитории, сильным влиянием на общественное мнение и доступностью цифровых архивов. Сравнение их материалов позволяет выявить сходства и различия в реализации принципов политкорректности в американском английском и русском языках.

Газета The Washington Post, представляющая либерально-центристский медиадискурс, последовательно придерживается норм инклюзивного языка. В статье «Former flight attendant to become first woman to lead Japan Airlines» используется термин *flight attendant* вместо гендерно маркированных *steward* или *stewardess*, что подчёркивает нейтральность профессии по отношению к полу [16]:

Tottori is a former flight attendant who began her career in 1985...

Аналогично, в статье о назначении председателя баскетбольной федерации употребляются формы *chair* и *chairperson*, а не *chairman* или *chairwoman*:

Dempsey [...] has been chairperson since 2016.

При описании телосложения людей, чей вес выходит за рамки социальных стандартов, предпочтение отдаётся нейтральным терминам. Например: в статье о продвижении препаратов для снижения веса используются выражения *plus-size influencers*, *larger patients* и *higher BMI*:

Plus-size influencers are getting paid to promote weight-loss drugs.

Another study found weight bias in doctors was linked to a reluctance to provide certain screenings to larger patients.

В дискурсе инвалидности выделяются два подхода: «язык, ставящий человека на первое место» (*person-first language*) и «язык, ставящий идентичность на первое место» (*identity-first language*) [23]. В статье о нарушениях в медицинских учреждениях встречается конструкция *patients who had disabilities*, в то время как в другом материале используется *neurodivergent athletes*:

The Neurodiverse Sport team is made up largely of former and current neurodivergent athletes...

При обозначении этнических и расовых групп предпочтение отдаётся терминам, подчёркивающим гражданскую принадлежность и самоидентификацию, например *Black Americans*, *Asian Americans*, *AAPI*. Также указываются конкретные этнические и племенные идентичности:

*Michelle Kang, a Democrat and first-generation Korean American immigrant...
San Carlos Apache, Pueblo of Laguna, Standing Rock Sioux...*

В миграционном дискурсе избегаются пейоративные выражения вроде *illegal aliens* в пользу *undocumented immigrants*, *migrants* или *noncitizens* [5]. При

этом в статьях жанра фактчекинга допускается дословное цитирование политиков, даже если их лексика нарушает редакционные стандарты, как, например:

Do you support American taxpayer dollars being used to fly illegal immigrants...?

В возрастном дискурсе вместо *old people* используются выражения *older adults, seniors, women over 50*:

The number of older adults with disabilities [...] will soar in the decades ahead...

В социально-экономическом дискурсе вместо прямых указаний на бедность применяются эвфемизмы [23]: *low-income neighborhoods, underserved communities, financial struggles*:

People in underserved communities said they'd heard about the drugs mostly from celebrity news.

При описании сексуальных и гендерных меньшинств используются такие термины, как *LGBTQ person, transgender person, nonbinary*, а также гендерно-нейтральные местоимения *they / them*:

Hiltz wondered whether they belonged...

They had come out as nonbinary and transgender...

В авторских колонках допускается эмоционально окрашенная лексика и экспрессивные оценки, что соответствует жанровым нормам. Например, в колонке о политике Владимира Путина встречаются выражения вроде *deranged leader, baloney, hogwash*. Такие формулировки отражают субъективную позицию автора, а не редакционную линию издания [23].

4. Лингвистические средства реализации политкорректности в русском языке (на материале Российской газеты)

Российская газета, как официальное издание правительства РФ, придерживается этических и правовых норм в освещении социальных тем. Однако реализация политической корректности здесь менее систематична и часто носит фрагментарный характер [13].

В гендерном дискурсе вместо феминитивов, таких как «докторша» или «авторка», предпочтение отдаётся конструкциям вроде «женщина-врач» [15]:

*Люди, которых лечили **женщины-врачи**, имели более высокую вероятность выживания...*

Пол нередко становится ясным из контекста — по форме прилагательного или глагола:

*Бывшая **профессор** пожертвовала миллиард долларов...*

В дискурсе бездомности встречается как нейтральная лексика — «люди без определённого места жительства», — так и стигматизирующая — «бомжи»:

Студенты начали презрительно укорять бомжей в асоциальном образе жизни.

Этническая терминология сохраняет употребление традиционных, но потенциально оскорбительных этнонимов [1]. Например, слово «цыгане» используется без указания самоназвания «рома», что способствует закреплению негативных стереотипов:

Конфликт между местными жителями и цыганами...

Местной цыганской общиной...

При описании инвалидности наблюдается постепенный переход от патерналистских формулировок к более уважительным, таким как «люди с инвалидностью», «лица с интеллектуальными нарушениями», «особенные дети» [22]:

Для лиц с интеллектуальными нарушениями центр предлагает тренировки по баскетболу...

Количество особенных детей, обучающихся в школах, в 2023 году выросло в два раза...

В возрастном и телесном дискурсе предпочтение отдаётся нейтральным терминам: «пожилые люди», «жители с лишним весом», «добровольцы с избыточной массой тела» [22]:

Три региона [...] стали участниками пилотного проекта по массовому избавлению жителей от лишнего веса.

Однако в отдельных случаях встречаются субъективные оценки:

Из-за огромного живота еле передвигалась...

Социально-экономическая лексика также стремится к нейтральности: «малообеспеченные россияне», «граждане с небольшими доходами»:

Через год у малообеспеченных россиян появится возможность открывать социальные банковские счета...

В профессиональной лексике нередко используются англицизмы для повышения статуса профессии [19]:

Облили одного из секьюрити...

Темы сексуальных меньшинств практически не освещаются, а упоминания ЛГБТ-сообщества сопровождаются обязательной юридической маркировкой о запрете движения в России [12]. При этом формально нейтральный термин «трансгендер» может использоваться в ироническом или негативном контексте:

Боксеры-трансгендеры лупили попавших под тяжёлые кулаки женщин...

В дискурсе военных действий активно применяются эвфемизмы: «зачистка», «обработка позиций», «нейтрализованы»:

Ведётся зачистка населённого пункта...

Пятеро боевиков нейтрализованы в Дагестане...

Эти формулировки смягчают восприятие насилия и легитимизируют действия силовых структур.

Заключение

Политическая корректность — междисциплинарный феномен, сформировавшийся в США во второй половине XX века, тогда как в России её освоение началось позже под влиянием глобализации и доминирования англоязычных медиа. Несмотря на отсутствие единой дефиниции, суть феномена заключается в использовании инклюзивной лексики для создания толерантной коммуникативной среды и исключения выражений, несущих дискриминационную нагрузку по признакам расы, гендера, возраста, статуса и

др. При этом политкорректность нередко критикуется за потенциальное ограничение свободы слова.

Лингвистически феномен реализуется через эвфемизацию, гендерно-нейтральные конструкции, *people-first language* и замену стигматизированных терминов на самоназвания сообществ. Сравнительный анализ показал, что в американском газетном дискурсе политкорректные практики выражены системнее и разнообразнее, тогда как российский дискурс чаще сохраняет традиционные языковые формы, что отражает различия в социокультурных установках.

Эмпирический анализ выявил устойчивые лингвистические стратегии в обоих языках, однако степень их применения зависит от контекста и социокультурной среды. Нормы политкорректности не универсальны: допустимость выражения определяется историко-культурными установками конкретного общества. Таким образом, языковая политкорректность представляет собой динамичный феномен, отражающий эволюцию общественных ценностей и требований к социальной ответственности языка.

Библиографический список

1. Атнайкина А.С., Ланцова Л.К. Языковое выражение политкорректности в английском и русском языках // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. 2020. № XII. С. 11–18.
2. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка (на английском языке). 3-е изд. М.: Высшая школа, 1981. 334 с.
3. Holder R.W. How Not To Say What You Mean: A Dictionary of Euphemisms. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2002. 525 p. ISBN 0-19-860402-5.
4. Hughes G. Political Correctness: A History of Semantics and Culture. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2010. 317 p. ISBN 978-1-4051-5278-5.
5. Иванова О.Ф. Политкорректность в России // Вестник Евразии. 2002. № 3. С. 145–162.
6. Кодекс профессиональной этики российского журналиста // Общественная коллегия по жалобам на прессу: [сайт]. URL: <https://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/633-kodeks-professionalnoj-etiki-rossijskogo-zhurnalista> (дата обращения: 19.09.2025).
7. Кожемякина В.А. Политическая корректность в современном публичном дискурсе (на материале русского, китайского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: Волгоградский гос. социаль.-пед. ун-т, 2024. 191 с.
8. Коняева Е.В. Содержание и вариативность идеологического концепта «Дружба народов» // Политическая лингвистика. 2015. № 2. С. 48–52.
9. Леонтович О.А. Политическая корректность, инклюзивный язык и свобода слова: динамика понятий // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Лингвистика. 2021. Т. 25, № 1. С. 19–35.
10. Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития: матер. IV Междунар. науч.-практ. конф.,

Минск, 19–20 марта 2020 г. / под ред. О.Г. Прохоренко [и др.]; Белорус. гос. ун-т. Минск: ИВЦ Минфина, 2020. 560 с. ISBN 978-985-566-552-7.

11. Майба В.В. К вопросу о политкорректности в русском языке // Наука и современность. 2010. № 6-2. С. 151–155.

12. Melnikova K., Guslyakova A. Linguistic features of a politically correct English language discourse // SHS Web of Conferences. 2020. Vol. 88. Art. 01034. P. 1–6. DOI: 10.1051/shsconf/20208801034.

13. Остроух А.В. «Политическая корректность» в США: культурологический аспект проблемы: дис. ... канд. культурологии. Москва: Моск. пед. гос. ун-т, 2008. 179 с.

14. Oxford Learner's Dictionaries // oxfordlearnersdictionaries.com: [сайт]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 18.09.2025).

15. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М.: Слово, 2000. 165 с. ISBN 5-85050-240-8.

16. The Washington Post // washingtonpost.com: [сайт]. URL: <https://www.washingtonpost.com/> (дата обращения: 19.09.2025).

17. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.2006 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025) // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106100/ (дата обращения: 19.09.2025).

18. Цурикова Л.В. Проблемы когнитивного анализа дискурса в современной лингвистике // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. 1: Гуманитарные науки. 2001. № 2. С. 128–138.

19. Цыкалюк И.В., Щукина О.А. Политкорректность как социокультурный и лингвистический феномен в современном английском языке // Язык в сфере профессиональной коммуникации: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 18 апреля 2019 г.). Екатеринбург: ООО «Издательский Дом «Ажур», 2019. С. 225–231.

20. Шарапова И.В., Кобенко Ю.В. История возникновения понятия «Political correctness» и способы его интерпретации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 10 (151). С. 186–191.

21. Шевченко М.Н. Гендерные исследования в лингвистике // Вестник Амурского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2009. № 44. С. 168–171.

22. Шляхтина Е.В. Способы образования политкорректных единиц в английском языке // Вестник Череповецкого государственного университета. 2008. № 8. С. 102–105.

23. Шляхтина Е.В. Языковой аспект политкорректности в англоязычной и русской культурах: дис. ... канд. филол. наук. Ярославль: Яросл. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2009. 213 с.

Культура и Дух
Научная статья
УДК 373.3/4:376.5:372.22

**Создание безбарьерной образовательной среды в начальной школе:
методические рекомендации для будущих учителей**

Иманова С. Н.^{1,2}, Мамедова С. С.^{1,2}, Рагимли Ж. А.^{1,2}

Научный руководитель: Мамедова И. О.¹, PhD, канд. пед. наук

¹ Азербайджанский государственный педагогический университет, г. Баку, Азербайджан.

² elchin_mamedzade@hotmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются подходы к созданию безбарьерной и адаптированной образовательной среды в школе, обеспечивающей безопасные маршруты, комфортное и функциональное учебное пространство для всех категорий обучающихся. Показано, как внедрение тактильных и визуальных ориентиров, адаптация учебных помещений и интеграция безбарьерной среды в учебный процесс способствуют формированию у детей навыков инклюзивного мышления, социальной ответственности и уважения к разнообразию. Особое внимание уделяется практическим заданиям для студентов, включающим разработку проектов адаптации школьного класса или территории, планов доступности и обоснование социально-этического эффекта решений. Представлены механизмы динамического улучшения доступности школы и формирования культуры инклюзии и ответственности у будущих учителей.

Ключевые слова: безбарьерная среда; культура инклюзии; инклюзивное мышление; комфортное образовательное пространство; тактильные и визуальные ориентиры, проекты для студентов

**Creating a Barrier-Free Educational Environment in Primary School:
Methodological Recommendations for Future Teachers**

Imanova S. N.^{1,2}, Mamedova S. S.^{1,2}, Ragimli G. A.^{1,2}

Scientific supervisor: Mamedova I. O.¹, PhD, cand. sc. (pedagogy)

¹ Azerbaijan State Pedagogical University, Baku, Azerbaijan.

² elchin_mamedzade@hotmail.com

Abstract: This article examines approaches to creating a barrier-free and adapted educational environment in schools, providing safe routes and a comfortable and functional learning space for all categories of students. It demonstrates how the introduction of tactile and visual cues, the adaptation of classrooms, and the integration

of a barrier-free environment into the educational process contribute to the development of inclusive thinking skills, social responsibility, and respect for diversity in children. Attention is given to practical assignments for students, including the development of projects for adapting a school classroom or territory, accessibility plans, and the justification of the socio-ethical impact of these solutions. Mechanisms for dynamically improving school accessibility and fostering a culture of inclusion and responsibility among future teachers are presented.

Keywords: *barrier-free environment; culture of inclusion; inclusive thinking; comfortable educational space; tactile and visual cues; student projects*

Введение

Современная школа должна обеспечивать равные возможности для всех обучающихся, включая детей с особыми образовательными потребностями. Создание безбарьерной (доступной) среды является ключевым условием реализации принципов инклюзивного образования, формирования социальной ответственности и комфортного участия детей в учебной и внеучебной деятельности [1]. Безбарьерная среда включает архитектурные элементы (пандусы, поручни, лифты), тактильные и визуальные ориентиры для детей с нарушениями зрения и ориентиры для безопасного передвижения детей с ограниченными двигательными возможностями [4]. Адаптация общественных пространств — от классов до школьных дворов и спортивных площадок — обеспечивает равный доступ к образовательным ресурсам и создаёт условия для формирования навыков самостоятельности, уверенности и социальной включённости.

Будущие учителя начальных классов должны обладать знаниями о принципах организации безбарьерной среды, понимать её социально-этическое значение и уметь использовать её для развития у младших школьников ценностей гуманизма, равенства и взаимопомощи. Формирование социальной ответственности и инклюзивного мышления у будущих учителей начальных классов является ключевым аспектом профессиональной подготовки в условиях современной образовательной системы [3]. Учитель, обладающий инклюзивным мышлением, способен учитывать индивидуальные особенности всех обучающихся, создавать условия равного доступа к образовательным ресурсам и развивать у детей ценности уважения, толерантности и сотрудничества.

Одним из эффективных средств формирования таких компетенций является практическая работа студентов с безбарьерной (доступной) средой: проектирование и оценка доступности школьных пространств, разработка адаптированных маршрутов и игровых зон, создание тактильных и визуальных ориентиров для детей с различными образовательными потребностями. Педагогические практики, включающие анализ реальных школьных условий, способствуют формированию у будущих учителей профессиональных компетенций и инклюзивного мышления, помогают осознать значимость социальной справедливости в образовательном процессе, развивать навыки выявления и преодоления барьеров, препятствующих равному участию обучающихся, формировать способность предвидеть последствия

педагогических решений для различных категорий детей, а также воспитывать у себя и будущих учеников ценности эмпатии, взаимопомощи и социальной ответственности, обеспечивая эффективное применение теоретических знаний на практике [2].

Интеграция работы с безбарьерной средой в учебный процесс способствует закреплению инклюзивного подхода на уровне профессиональных компетенций, формированию критического и системного мышления, а также развитию практических навыков организации безопасной и комфортной образовательной среды.

Опыт работы с безбарьерной средой не только расширяет профессиональный кругозор будущего учителя, но и напрямую влияет на его способность создавать инклюзивное, социально ответственное и этически ориентированное образовательное пространство [5].

Цель исследования. Разработать практические рекомендации для студентов по поэтапной адаптации образовательной среды, направленные на обеспечение инклюзивности и равных образовательных возможностей для всех обучающихся, включая детей с особыми образовательными потребностями. Рекомендации должны быть ориентированы на создание безопасной, доступной и комфортной среды, а также на формирование у будущих педагогов инклюзивного мышления и социальной ответственности.

Задачи исследования.

1. Уточнить понятие и структуру безбарьерной образовательной среды применительно к начальной школе.

2. Выявить особенности подготовки будущих учителей к созданию инклюзивного образовательного пространства.

3. Разработать методические рекомендации для будущих учителей по проектированию безбарьерной среды в начальной школе (включая аспекты доступности, адаптации, безопасности и инклюзивного взаимодействия).

Оценка существующей образовательной среды позволяет выявить физические, визуальные и тактильные барьеры, а также определить приоритеты для её адаптации с целью обеспечения инклюзивности и равных образовательных возможностей. В рамках этой оценки необходимо:

- ✓ Провести комплексный анализ школьных помещений (классы, коридоры, рекреационные зоны, столовая, санитарные узлы) с точки зрения их доступности для обучающихся с ограниченными возможностями.
- ✓ Выявить физические барьеры: отсутствие пандусов, узкие проходы, отсутствие поручней, высокие пороги.
- ✓ Оценить наличие визуальных и тактильных ориентиров: указателей, разметки, световых и звуковых сигналов.
- ✓ Задokumentировать все выявленные проблемы в таблице с указанием приоритетов их устранения

Создание архитектурной доступности предполагает устранение физических барьеров и адаптацию школьных помещений с целью обеспечения равного и безопасного доступа для всех обучающихся, включая детей с особыми образовательными потребностями. В школе будут обеспечены безопасные

маршруты и удобный доступ к ключевым образовательным и инфраструктурным ресурсам при организации конкретных мер, если будут:

- ✓ установлены пандусы и поручни в местах с перепадами высот для обеспечения безопасного передвижения обучающихся с нарушениями опорно-двигательного аппарата.
- ✓ обеспечены свободное и безопасное передвижение по коридорам и лестницам для обучающихся с ограниченными физическими возможностями.
- ✓ проведены оценка доступности учебных кабинетов, библиотек, спортивных и игровых площадок с целью определения условий равного участия всех обучающихся в образовательной деятельности.
- ✓ размещены на удобной высоте, доступной для всех категорий обучающихся, столы, шкафы, стеллажи.

В дальнейшем в образовательной среде будут организованы безопасные маршруты и удобный доступ к ключевым образовательным и инфраструктурным ресурсам с использованием тактильных и визуальных ориентиров. Это позволит учащимся самостоятельно ориентироваться в пространстве, формируя у них **ощущение уверенности и безопасности**. Для достижения этой цели необходимо:

- ✓ Разместить тактильную разметку для ориентирования обучающихся с нарушениями зрения (например, полосы и рельефные элементы на полу).
- ✓ Использовать контрастные цвета и крупные шрифты для указателей и навигационных вывесок.
- ✓ Ввести аудиосигналы в критически важных местах (например, при входе в кабинет или библиотеку).
- ✓ Организовать наглядные схемы маршрутов движения по школе для всех категорий обучающихся.

Адаптация учебных помещений создаст комфортное и функциональное учебное пространство для всех категорий обучающихся, позволяя им самостоятельно ориентироваться в пространстве и формируя чувство уверенности и безопасности:

- ✓ Расположить рабочие места с учётом разных физических возможностей детей.
- ✓ Обеспечить доступ к учебным материалам, книгам и оборудованию на уровне, удобном для всех.
- ✓ Создать зоны для групповой и индивидуальной работы, включая тихие уголки для детей с повышенной сенсорной чувствительностью.
- ✓ Включить в кабинет наглядные и тактильные материалы для практических занятий.

Интеграция безбарьерной образовательной среды в учебный процесс способствует формированию у детей навыков инклюзивного мышления, социальной ответственности и уважения к разнообразию. В целях реализации этой интеграции педагогам рекомендуется:

- ✓ Планировать проекты и учебные задания, учитывая возможности всех категорий обучающихся.

- ✓ Включать совместные виды деятельности, стимулирующие сотрудничество и эмпатию (например, работу в парах или мини-проекты по улучшению школьной среды).
- ✓ Обсуждать с детьми значение доступной образовательной среды, её социальное и этическое значение.
- ✓ Проводить наблюдения и корректировать организацию пространства в соответствии с потребностями обучающихся.

Мониторинг и совершенствование безбарьерной среды в учебном процессе позволят своевременно выявлять потребности обучающихся и улучшать условия их обучения, способствуя формированию навыков инклюзивного мышления, социальной ответственности и уважения к разнообразию. Динамическое улучшение доступности школы будет способствовать формированию культуры инклюзии и ответственности у будущих учителей. Рассмотрим нижеперечисленные меры:

- ✓ Регулярно проводить оценку эффективности адаптации (опросы, наблюдения, совместные обсуждения с детьми и родителями).
- ✓ Вносить коррективы в организацию пространства и учебных материалов.
- ✓ Документировать успехи и проблемы для дальнейшего обмена опытом с коллегами.

Интеграция безбарьерной образовательной среды в учебный процесс является важным условием формирования у детей навыков инклюзивного мышления, социальной ответственности и уважения к разнообразию. Создание такой среды включает в себя следующие компоненты:

- *Физическая адаптация образовательной среды*
- *Организация безопасных и ориентированных маршрутов*
- *Интеграция инклюзивного мышления в учебный процесс.*

Каждый из вышеуказанных компонентов можно превратить в практическое учебное задание для студентов, направленное на формирование профессиональных компетенций и аналитико-прогностических умений. Конкретные аспекты задания включают *цель задания* (разработать проект адаптации школьного класса или территории школы с учётом принципов инклюзии, обеспечения доступности и социальной справедливости) и *этапы выполнения задания*:

Аналитический этап: студенты проводят комплексную оценку существующей образовательной среды, выявляют физические, визуальные и тактильные барьеры, ограничивающие равное участие обучающихся.

Проектный этап: на основе анализа студенты составляют подробный план адаптации, включая организацию безопасных маршрутов, размещение оборудования на удобной высоте, установку ориентиров и использование визуальных и тактильных сигналов.

Этап обоснования: студенты аргументируют социально-этический эффект предложенных изменений, объясняя, каким образом предложенные меры способствуют инклюзивности, социальной ответственности и уважению к разнообразию.

Презентация результатов: проект представляется в виде письменного отчёта и визуальных схем, а также сопровождается устной презентацией с обоснованием принятых решений.

Ожидаемые результаты выполнения задания:

- ✓ применение теоретических знаний по педагогике, инклюзии и образовательной психологии на практике;
- ✓ формирование у студентов навыков инклюзивного мышления, ответственности за создание безопасной и комфортной образовательной среды;
- ✓ развитие умения анализировать, прогнозировать и планировать педагогические решения с учётом потребностей всех категорий обучающихся;
- ✓ воспитание уважения к разнообразию, ценности эмпатии и сотрудничества в образовательной среде.

Каждый из перечисленных шагов может быть оформлен как учебное практическое задание для студентов. Они проводят анализ школьной среды, разрабатывают проекты адаптации, обосновывают социально-этический эффект предложенных решений и представляют результаты в письменной и визуальной форме, сопровождая устной презентацией. Выполнение таких заданий позволяет студентам применять теоретические знания на практике, развивать аналитические и прогностические умения, формировать инклюзивное мышление, а также воспитывать уважение к разнообразию и ценность социальной ответственности. Комплексная адаптация образовательной среды и включение студентов в процесс её анализа и проектирования обеспечивают не только повышение качества образовательной среды для всех категорий обучающихся, но и способствуют формированию у будущих педагогов **системного подхода, профессиональной компетентности и ответственности за инклюзивное образование**, что является ключевым условием современной педагогической практики.

Библиографический список

1. Gordon-Gould P., Hornby G. Inclusive Education at the Crossroads: Exploring Effective Special Needs Provision in Global Contexts. London: Routledge, 2023. 240 с.
2. Hornby G. Inclusive Special Education: Evidence-Based Practices for Children with Special Needs and Disabilities. New York, NY: Springer Science+Business Media, 2014. 185 с.
3. Михальчи Е.В. Инклюзивное образование: учебник и практикум для вузов. Москва: Юрайт, 2025. 172 с.
4. Special Educational Needs and Inclusive Practices: An International Perspective / ed. F. Dovigo. Cham: Springer, 2017. 318 с.
5. Spandagou I., Little C., Evans D., Bonati M.L. Inclusive and Accessible Learning Environments: Theory and Practice. Singapore: Springer Nature Singapore, 2020. 177 с.

Научная статья
УДК 94(47):316.343.37

Трансформация социально-экономического положения русского крестьянства в процессе централизации Русского государства

Степашин Г. В.^{1, 2}

Научный руководитель: Васильева А. В.¹, канд. ист. наук

¹ Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, г. Омск, Россия.

² stepashin@ro.ru

Аннотация: Период XIII — XVI вв. стал временем фундаментальных перемен для русского крестьянства, ознаменовавшимся переходом от относительно свободного существования к систематической эксплуатации и юридическому закреплению. Статья посвящена анализу взаимосвязи политических и экономических событий в государстве, влиявших на уровень и качество жизни крестьянина. Исследование показывает, что начальный этап, приходящийся на XIII–XIV вв., характеризовался уникальным сочетанием факторов, создавшего временный "золотой век" для крестьянства. Ослабление местной власти, возможность свободного доступа к нетронутым землям и эффективная, основанная на избытке ресурсов, экономическая модель позволили крестьянским общинам достичь высокого уровня автономии и благосостояния. Однако к XV веку накопленные демографические и экологические проблемы, совпавшие с необходимостью перехода к новой форме хозяйства, спровоцировали глубокий кризис, который лег в основу последующих процессов усиления контроля со стороны государства и феодалов.

Ключевые слова: *крестьянство, быт, повседневность, централизация*

Transformation of the Socioeconomic Situation of the Russian Peasantry during the Centralization of the Russian State

Stepashin G. V.^{1, 2}

Scientific supervisor: Vasilyeva A. V.¹, Cand. Sc. (History)

¹ Siberian Institute of Business and Information Technology, Omsk, Russia.

² stepashin@ro.ru

Abstract: The period from the 13th to the 16th centuries was a time of fundamental change for the Russian peasantry, marked by the transition from a relatively free existence to systematic exploitation and legal enslavement. This article analyzes

the interrelationships between political and economic events in the state that influenced the standard of living and quality of life of the peasantry. The study demonstrates that the initial stage, from the 13th to the 14th centuries, was characterized by a unique combination of factors that created a temporary "golden age" for the peasantry. The weakening of local authority, free access to untouched lands, and an efficient economic model based on resource surpluses enabled peasant communities to achieve a high level of autonomy and prosperity. However, by the 15th century, accumulated demographic and environmental problems, coupled with the need to transition to a new form of economy, triggered a profound crisis that laid the foundation for subsequent processes of increased control by the state and feudal lords.

Keywords: *peasantry, everyday life, daily routine, centralization*

Введение

Статья анализирует трансформацию социально-экономического положения русского крестьянства на Руси в период централизации — от конца XIII века (феодалная раздробленность) до эпохи Ивана Грозного (середина XVI в.), фокусируясь на изменениях быта и экономического положения русского крестьянства в меняющейся политической ситуации.

Цель статьи: выявить качественные изменения уровня жизни и бытовых условий крестьянства при переходе от относительно свободных форм ведения земледельческого хозяйства к формам, связанным с феодальной эксплуатацией (закрепленной прежде всего Судебниками 1497 и 1550 гг.), используя сравнительно-исторический метод с привлечением сведений из литературных (в том числе летописных) источников, нормативных актов и археологических данных через призму истории повседневности. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: исследовать эволюцию крестьянских хозяйств; описать отдельные аспекты повседневного быта крестьян, выявляя влияние изменяющихся феодальных отношений на их культурные и экономические практики.

Проблема эволюции социально-экономического положения русского крестьянства в период формирования централизованного государства традиционно рассматривается в рамках истории феодализма и политогенеза Руси [2]. Значимый вклад в изучение макроэкономических и демографических факторов внес С.А. Нефедов, показавший, что рост населения и ограниченность свободных земель в XV–XVI вв. привели к снижению уровня потребления основной массы населения и стали одной из предпосылок закрепощения [10]. Наряду с этим исследования Э.С. Кульпина [6] и других авторов акцентируют роль социально-экологического кризиса XV века и климатического фактора (малый ледниковый период) в трансформации аграрной системы и усилении зависимости крестьянства. Историография повседневного мира русского крестьянина сформировалась на стыке социальной истории и археологии. Работы Б.А. Рыбакова [14; 15], М.Г. Рабиновича [13], Н.А. Горской [2] и коллектива авторов сборника «Древняя Русь. Быт и культура» реконструируют жилище, материальную культуру и элементы хозяйственного уклада, однако, как правило, трактуют их эволюцию в более широких хронологических рамках, не

всегда связывая изменения быта с конкретными этапами централизации власти. Исследования Л.Г. Степановой [16] фокусируются на рационе питания и калорийности крестьянского рациона в XVI в., демонстрируя масштаб деградации уровня жизни, но их связь с процессами политической централизации и правовым ограничением мобильности крестьянства обозначена лишь пунктирно. Современные обобщающие работы по истории русского централизованного государства подчеркивают, что укрепление великокняжеской власти и оформление сословно-представительной монархии сопровождались институциональным закреплением крепостнических тенденций, однако чаще всего остаются на уровне политико-правового анализа, не погружаясь в конкретные изменения крестьянского быта и повседневности [напр., 4; 7; 8].

Научная новизна исследования заключается в том, что оно связывает политическую централизацию, демографические и климатические изменения с конкретными, «бытовыми» параметрами жизни крестьянина: жильём, питанием, уровнем автономии и формами зависимости. В отличие от работ, где крестьянство описывается в основном через налоги и юридический статус, здесь показано, как переход от подсечно-огневого хозяйства к пашенному, усиление фискального давления и реформы, связанные с централизацией позднесредневекового государства, последовательно меняли повседневный опыт крестьян — от относительного благополучия и свободы передвижения к хроническому дефициту ресурсов и фактическому закреплению.

Ключевым фактором, определившим первоначальное положение крестьянства, стала сложная политическая ситуация, сложившаяся на Руси в XIII веке. Феодалная раздробленность княжеств привела к ослаблению власти местных правителей, что стало побудительным мотивом для массового бегства крестьян от обременительного контроля и повинностей [6, с.35]. Это явление способствовало активной колонизации новых, ранее не освоенных земель, особенно на востоке и северо-востоке Руси. Колонизация осуществлялась преимущественно крестьянскими общинами, которые создавали новые селения на окраинах государственных владений [там же]. Монгольское нашествие и последующее иго оказались менее тягостными именно для этих малочисленных и бедных селений, созданных в ходе колонизации [6; 9]. Таким образом, ослабление княжеской власти и специфика воздействия внешних факторов создали уникальную ситуацию, когда крестьяне получили фактическую независимость и возможность самостоятельно решать вопросы землепользования. Весьма показательно, что городское население в это время составляло лишь 0,1% от общего числа жителей страны, что свидетельствует о доминировании сельского населения и его значении для экономики [7, с. 140; 4, с. 157; 6, с.36].

Экономической основой существования крестьянской общины на протяжении столетий было подсечно-огневое земледелие. Эта аграрная техника представляла собой не просто способ ведения хозяйства, а целостную и сложную модель, требовавшую от крестьян практических знаний о лесе: о типах растительности, свойствах почв, распределении вод на местности и прочих

микrokлиматических особенностях. При этом территория, контролируемая общиной, могла быть не более 50 километров от жилищ, но при этом и на большом расстоянии, и от остальных поселений, что затрудняло внешний контроль над ней со стороны феодалов или центральной власти [6, с.36].

Главным экономическим преимуществом подсечно-огневого земледелия была высокая урожайность на десятине («подсеке»). Она соответствовала хорошему или даже максимальному урожаю на десятине «традиционной» пашни, что служило своеобразной страховкой от неурожая и обеспечивало семье запас прочности [там же]. Именно благодаря этому механизму можно говорить о благополучном существовании и относительно «сытом» быте крестьян в тот период. Отсутствие дефицита плодородных земель и полная свобода землепользования стали решающими факторами, позволившими населению Руси вырасти практически вдвое [6, с.38].

Однако к XV веку начались события, которые привели к системному ухудшению положения крестьянства и стали точкой невозврата. Во-первых, это был демографический взрыв, вызванный предыдущим благополучием — благодаря хорошему питанию и относительно мирному существованию население Руси, по всей видимости, выросло почти в два раза. Высокие темпы роста населения привели к исчерпанию возможностей подсечно-огневого земледелия, которое требовало больших земельных площадей и активных передвижений по сравнению с более интенсивным и привязанным к месту пашенным хозяйством. Во-вторых, на этом фоне произошел климатический сдвиг — начался период малого ледникового периода, который спровоцировал хозяйственный кризис [6, с.39-40]. Для сохранения уровня продовольствия и зерновых запасов крестьянство было вынуждено переходить на пашенное земледелие, известное как «великая русская распашка» [там же]. Этот переход имел катастрофические последствия: производство зерновых культур снизилось в 3–5 раз [там же]. Новая форма хозяйства требовала большей концентрации труда и постоянного контроля за землей, что стало возможным лишь при наличии достаточно сильной централизованной власти. При этом пашенное земледелие было гораздо менее устойчиво к неурожаям, чем подсечное, при такой системе чаще случались голодные годы, что еще больше обостряло проблему продовольствия.

В условиях этого комплексного кризиса начался процесс усиления институтов эксплуатации. Одним из ключевых игроков на этом поле стали монастыри. Они начали активно завладевать землями и крестьянами, становясь крупнейшими землевладельцами. Присваивая себе лучшие земли и усиливая эксплуатацию, они лишали "черное крестьянство" последнего защитника, который мог бы противостоять произволу светской власти [6, с.41 — 44]. Таким образом, XV век стал переломным моментом, когда начался системный процесс консолидации земель в руках крупных собственников и утрата крестьянской общины своей автономии. Свобода миграции, которая ранее была естественным правом, стало ограничением, а зависимость — нормой. Этот фундаментальный сдвиг в экономической парадигме подготовил почву для последующего

законодательного оформления зависимости крестьянства, которое станет одной из центральных тем следующего столетия.

Помня эту канву событий в целом, рассмотрим изменение уровня жизни и особенности быта крестьян в указанный период.

Анализ материальной культуры крестьянства периода с XIII по XVI век позволяет наглядно проследить эволюцию его быта, отражающую общие социально-экономические изменения. Конструкция жилища, одежды и предметов домашнего обихода свидетельствуют не только о технологическом уровне и доступных материалах, но и о социальном положении и образе жизни крестьянской семьи. В рассматриваемый период происходили заметные, хотя и не всегда радикальные, изменения, отражавшие переход от самодостаточной общинной модели к более зависимому, интегрированному в систему феодального хозяйства. Изучение этих аспектов быта, в первую очередь проводившееся исследователями Б.А. Рыбаковым, Вернадский В. Н., Горская Н. А., Колчин Б.А., Рабинович М.Б., Степанова Л.Г., дает представление о том, как менялась повседневная жизнь простого человека.

Центральным элементом крестьянского быта было жилище — изба. Его конструкция и внутреннее устройство были тесно связаны с хозяйственной деятельностью и природными условиями региона. В южных и центральных районах Руси, где преобладали сухие черноземные почвы, наиболее распространенным типом жилища были землянки — помещения, углубленные в грунт на 0,5–1 метр [14]. Такая конструкция обеспечивала теплоизоляцию и сохранение прохлады летом. Однако при переходе в лесную зону, где почвы были влажными, такой тип жилья был непригоден. Здесь стали строить срубы на подклете — возвышении из камня или дерева, что позволяло избежать контакта деревянных стен с сырой землей и продлить срок их службы [12]. Наиболее распространенным и типичным для многих регионов был трехчастный сруб, состоящий из трех основных помещений: жилого клета, переходного пространства сеней и хозяйственного клета [там же]. Эта планировка была крайне функциональна. Жилой клеть служил основным жилым пространством, где располагались лавки, а вдоль них спали члены семьи. Сени выполняли роль температурного барьера, минимизируя теплопотери при переходе между помещениями. Хозяйственный клеть использовался для хранения инвентаря и скота. Размеры типовой избы составляли около 24 квадратных метров, а высота потолков не превышала 2–2,5 метра [12; 14]. Стены сруба конопатились мхом и глиной для уплотнения швов, а полы чаще всего были земляными, что также способствовало терморегуляции. Такая конструкция была простой в исполнении, но эффективной для создания комфортного микроклимата в суровых русских условиях. К тому же на постройку такой избы не уходило много ресурсов, позволить жильё могла каждая молодая семья.

Центральным элементом избы была печь, которая выполняла сразу несколько важнейших функций. Это была не просто печь, а многофункциональный узел быта. Глинобитная конструкция размером примерно 1,5 на 2 метра в основании и высотой до потолка топилась «по-черному», то есть без дымовой тяги, с выходом дыма через волоковое окно или

дверной проем [12]. Такая система тления обеспечивала длительное и равномерное распределение тепла. Дым, медленно выходя из-под потолка, не только согревал помещение, но и обладал антисептическими свойствами, помогая бороться с паразитами. Печь служила источником тепла, местом для приготовления пищи и даже спальным местом. Внутренняя планировка избы была строго обусловлена этой центральной конструкцией. Вдоль стен вдоль стен располагались лавки, а в красном углу, расположенном напротив входа, находился «красный» угол с иконами и столом [12]. Особое место в избе занимали полаты — деревянный настил, возвышающийся на 1–2 метра над полом. Полаты служили спальным местом для взрослых и детей, а также хранилищем ценных вещей. Эта трехчастная планировка с центральной печью и полатами представляла собой зрелую форму крестьянского жилища, сложившуюся к XIV-XV векам и сохранившуюся с незначительными изменениями на многие столетия вперед [14].

Одежда крестьян была изготовлена преимущественно из натуральных материалов, доступных в домашнем хозяйстве — льна и шерсти [12, с.93]. Это свидетельствует о развитой домашней промышленности, включающей выращивание льна, овцеводство и ткачество. Мужской костюм был прост и функционален. Его основой была туникообразная рубаха, обычно белого цвета, изготовленная из льняной ткани и доходящая до середины бедра. Рубаха носилась с узким поясом, поверх которой могли быть повязаны штаны того же материала. Верхней одеждой служил зипун — кафтан длиной до колен, сшитый из грубого сукна. В холодный сезон поверх зипуна надевался более свободный и теплый кафтан из того же материала, называвшийся свитой [12, с.95]. Женский костюм также состоял из рубахи, но она была длиннее и имела расширенные рукава. Поверх рубахи на женщин надевалась понева — прямая юбка без швов, плотно облегающая фигуру и повязываемая тесьмой на талии. Передник, изготовленный из яркой ткани, служил не только для защиты одежды от загрязнений, но и являлся важным элементом украшения [12, с.93]. Замужняя женщина обязана была носить головной убор — кокошник или простой платок, который полностью скрывал волосы, что было знаком ее семейного положения [12, с.97]. Обувь была простой и недорогой. Летом крестьяне носили лапти, которые быстро изготавливались в домашних условиях из луба или бересты. Зимой основной зимней обувью служили валенки.

Предметы быта крестьянина, такие как посуда, мебель и сельскохозяйственные орудия, также были максимально простыми и легко повторяемыми. Посуда была преимущественно глиняной или деревянной. Мебель была минимальной: лавки вдоль стен, возможно, низкие столы. Все предметы были сделаны своими руками, что говорит о высокой степени самодостаточности крестьянского хозяйства. Важным элементом быта были предметы для приготовления пищи и хранения продуктов, включая большие деревянные бочки, глиняные кувшины и горшки.

Жилище, одежда и предметы обихода были не просто фоном для жизни, а ее активной частью, отражая как достижения в ремесле, так и социальные реалии, связанные с уровнем производства и степенью эксплуатации.

Питание, уровень и качество жизни

Питание является одним из наиболее показательных индикаторов уровня жизни и благосостояния общества. Анализ диеты русского крестьянина в период с XIII по XVI век выявляет одну из самых резких тенденций в истории его быта — переход от относительно сбалансированного питания к состоянию хронического недоедания и пищевого кризиса. Этот процесс был вызван комплексом причин, включая демографический рост, экологические изменения и усиление экономической эксплуатации. Данные, основанные на работах историков, таких как Л.Г. Степанова, и анализе калорийности рациона, проведенные Б.А. Рыбаковым, позволяют количественно и качественно оценить эту деградацию. Разрыв между питанием крестьянина и представителями высших сословий достигает колоссальных масштабов, концентрируя в себе всю суть социального расслоения и экономического давления, которому подвергалось крестьянство в процессе централизации государства.

В начале рассматриваемого периода, в XIII-XIV веках, когда крестьянство жило в основном за счет подсечно-огневого земледелия, рацион его было достаточно разнообразным и зависел от доступных ресурсов. Основой питания был ржаной хлеб, который готовился из муки, смешанной с отрубями [18]. Кроме того, широкое распространение имел овес, который употреблялся в виде лепешек и жидких каш. Вероятно, из опыта исследования рациона европейских крестьян, активно использовались дикие травы и ягоды. Крестьянская семья соблюдала православные посты, которые предписывали воздержание от мяса и животных продуктов. Разнообразие рациона обеспечивалось за счет даров природы, рыбной ловли и огородничества. Кушанья дополнялись мелкой рыбой (ерши, окуни, корюшки), капустой, репой и большим количеством различных ягод, например, брусники в Водской пятине [18]. Основными напитками, составлявшими основу рациона, были пиво и квас. Такой рацион, хоть и был простым, обеспечивал организм необходимыми питательными веществами и был адаптирован к условиям натурального хозяйства.

Однако к XV-XVI векам, после начала «великой русской распашки» и связанного с ней хозяйственного кризиса, положение кардинально изменилось [6, с. 35]. Произошла не просто смена продуктов, а качественная деградация всего рациона. Крестьянин стал все больше зависеть от ограниченного набора продуктов, а в годы неурожая его питание превращалось в борьбу за выживание. Исследования Степановой Л.Г., основанные на расчетах, дают четкое представление о масштабах пищевого дефицита. При средней урожайности, составлявшей около 14,5 пуда зерна на семью (примерно 237 кг), после всех обязательных отчислений (налоги, оброк, семенной фонд) и учета потребностей скота, на долю каждого члена семьи оставалось всего 75–80 кг зерна в год. Это составляет всего 200–220 граммов зерна на человека в день, что является критически низким показателем. В урожайный год суточная калорийность рациона крестьянского мужчины достигала 980–1200 ккал, что в два раза ниже современной нормы. К концу зимы, когда запасы истощались, калорийность падала до 900–1100 ккал, а в годы неурожая или во время голода

она могла опускаться до 430–700 ккал, что было недостаточно для поддержания трудоспособности [18].

В самые тяжелые периоды, когда хлебных запасов не оставалось совсем, крестьяне прибегали к самым крайним мерам. В хлеб начинали добавлять примеси, чтобы увеличить его объем. В голодные годы в тесто могло входить до 30–35% толченой коры деревьев и травы. Щи становились еще более скудными, а само их количество сокращалось. Возрастала зависимость от таких продуктов, как мелкая рыба и ягоды. В особо тяжелые годы люди были вынуждены питаться вареными листьями крапивы, лебеды и коры деревьев. Для экономии муки готовилась так называемая «пушная» выпечка — смесь из измельченной лебеды, крапивы, коры деревьев и соломы с минимальным количеством муки [18].

Для сравнения, меню представителей знати, описанное в источниках, выглядит совершенно иначе [там же]. Князья и бояре питались белым пшеничным хлебом (по 500–700 граммов в день), употребляли мясо птицы, говядину или баранину (по 200–300 граммов), рыбу (100–200 граммов), а также молочные продукты с добавлением сливочного масла (50–100 граммов). Их рацион дополняли пряности, такие как имбирь, гвоздика и черный перец, и дорогие напитки, вроде вина или крепкого медового пива. Такая диета обеспечивала суточную калорийность в 2500–3500 ккал. Эта очень значительная разница в питании демонстрирует фундаментальное разделение двух миров, где один мир эксплуатирует другой, концентрируя в себе всю суть социального расслоения и экономического давления, которое централизующееся государство оказывало на крестьянское хозяйство.

Для подведения итога разделу следовало бы, конечно, указать на среднюю продолжительность жизни людей Средневековой Руси. Однако точными данными мы пока не обладаем. Судя по литературным источникам, социальная и биологическая старость в средневековье наступала в 40–50 лет, однако такие упоминания относятся к жизни князей, и редко кто из них доживал до привычных нам 70 и более лет. У крестьян же, жизнь которых была значительно тяжелее и куда более скудной, очевидно, продолжительность её была короче [16].

Социальные конфликты и первые формы законодательного регулирования

Пищевой кризис и утрата земли уже сами по себе не могли не приводить к росту социальной напряженности и массовым волнениям. Политика централизации и связанное с ней усиление давления на население в XV веке, в период «великой русской распахки» и кризиса, делают крестьянские восстания частым явлением, как бы добавляя «последнюю каплю» [19, с.304]. Эти конфликты часто имели локальный характер, но их анализ, в частности на примере восстания Степанко 1418 года в Новгороде, позволяет понять механизмы, порождавшие социальное недовольство, и попытки властей найти ответ на него [1, с.178]. Параллельно с этим, усиливающееся давление со стороны феодалов и монастырей, а также растущая зависимость крестьянства заставили центральную власть задуматься о необходимости нормативного регулирования их положения. Эти попытки, начавшиеся еще в XIV–XV веках, заложили основу для будущего законодательного закрепощения.

Одним из показательных примеров социальных конфликтов того времени является восстание Степанко в Новгороде в 1418 году. Этот случай не был простым разбоем или погромом; он ярко продемонстрировал острые проблемы, стоявшие перед «черными» (свободными) крестьянами. Причиной восстания послужил не только общий голод, но и специфический механизм эксплуатации, порожденный денежной реформой. Предшествовавшие денежные реформы 1410 и 1417 годов, унифицировавшие денежную систему, неожиданно для крестьян побудили государство и бояр взыскивать с них оброк не натурой (зерно, скот), а деньгами [1, с.182]. Крестьянин, привыкший к натуральному хозяйству, был вынужден продавать свой хлеб на рынке по заниженным ценам, чтобы собрать необходимую сумму. Это приводило к тому, что многие из них становились должниками, то есть «серебряниками» [1, с.182]. Ситуация усугубилась голодом 1417 года, который привел к массовой смертности. Выжившие крестьяне, лишившись запасов, брали хлеб в долг у бояр и монастырей, которые вместо бесплатной раздачи запасов завышали цены и ужесточали условия кредитования. Таким образом, крестьянин оказался в ловушке: он был обязан деньгами, а при первом же неурожае — и долгом. Искрой, которая подожгла пороховую бочку, стал личный конфликт между крестьянином Степанко и боярином Даниилом Божиным. По некоторым данным, Степанко сбросил боярина с моста, совершив акт народного возмездия. Этот поступок сделал его народным героем [1, с.195]. После этого Степанко был схвачен другим боярином, Даниилом, и подвергнут пыткам. Весть об этом быстро разнеслась по городу, и народ, собравшись на Ярославовом дворище, пришел на помощь Степанко. Их требования были вполне конкретными: разгромить дом боярина, сжечь его и уничтожить долговые расписки и кабальные договоры. Это движение было направлено не против власти как таковой, а против самой системы кабальной зависимости и бесправия. Однако, несмотря на массовый подъем, восстание было подавлено. Царский наместник поспешил помиловать Степанко и его сторонников, объявив о прощении. Но социальные требования, которые выдвигали бунтующие, не были выполнены.

В ответ на растущую зависимость и бегство крестьян, а также на угрозу нехватки рабочей силы на вотчинных и призванных землях, централизующееся Московское княжество начало разрабатывать нормативные акты, направленные на ограничение мобильности крестьян. Первым шагом в этом направлении стал Судебник 1497 года, принятый при Иване III. Он ввел так называемый Юрьев день (26 октября) как единственный день в году, когда крестьянин мог уйти от своего господина в свободный переход. Для этого он должен был уплатить «пожилое» — определенную плату — и оставить урожай, уже поднятый с земли [13]. На первый взгляд, это могло показаться справедливой компромиссной мерой, но на деле это стало началом формального закрепощения. Во-первых, эта норма была распространена на всех крестьян, как монастырских, так и светских, что свидетельствует о системном подходе законодателя [13]. Во-вторых, она официально ограничила право на свободу передвижения, заменив его правом на выкуп. В-третьих, вводились так называемые «заповедные лета» — временные меры, запрещавшие свободный переход в Юрьев день на срок до 5 лет. Хотя эти

меры изначально рассматривались как чрезвычайные и временные, они стали постоянным инструментом контроля над крестьянством. Таким образом, законодательство XV века стало отражением реальной ситуации: государство, стремясь к объединению и укреплению власти в пределах территории, предпочло достигать централизации за счёт ограничения прав населения, что и легитимизировало процесс закрепощения.

Решающим шагом, который превратил крестьянство из категории «зависимых» в категорию «крепостных», стало введение так называемых «заповедных лет» на всей территории государства в 1581 году уже при первом абсолютном монархе Руси – Иване IV. Эта мера была принята на фоне тяжелого кризиса: проигрыша в Ливонской войне, экономического спада и угрозы нехватки населения и рабочей силы на вотчинах [10]. Однако ключевым событием, предшествовавшим этому, стала перепись населения, начавшаяся в 1580 году [там же]. Перепись была инструментом для регистрации всех людей и их закрепления на земле. С этого момента крестьянин, бежавший с земли, не мог вернуть себе свободу, так как Юрьев день был закрыт для него постоянно. Он становился полноценным крепостным, и его право на уход зависело уже не от законодательства, а от воли помещика. Закрепощение было полным, так как даже возможность выкупа у господина, если она и существовала теоретически, стала недоступной для большинства крестьян из-за огромных сумм, которые требовались за это. Таким образом, законодательный процесс, начавшийся Судебником 1497 года, достиг своего логического завершения в конце XVI — начале XVII века, превратив крестьянство в основной объект эксплуатации в рамках нового крепостнического уклада.

Таким образом, анализ положения русского крестьянства в период с XIII по XVI век выявляет сложный и многогранный процесс, который можно охарактеризовать как путь от относительной свободы и достаточно высокого качества жизни к полному юридическому закрепощению и снижению этого качества. Вывод кажется контринтуитивным, поскольку, безусловно, централизация государства имеет свои преимущества, ведь объединение земель вокруг Москвы создавало условия для экономического роста и повышения товарности, а также для укрепления правопорядка. С другой стороны, именно централизующаяся власть, столкнувшись с задачами финансирования войн, строительства и укрепления своей власти, стала главным двигателем процесса закрепощения.

Проведённый анализ показал, что в начале изучаемого периода русское крестьянство переживало относительно благополучный этап: подсечно-огневое земледелие, избыток свободных земель и слабый контроль со стороны власти обеспечивали более высокий уровень автономии и материальной обеспеченности. Социально-экологический кризис XV века, демографический рост и переход к пашенному земледелию радикально изменили эту ситуацию, сделав крестьян особенно уязвимыми к неурожаю, голоду и усилению фискального давления. В условиях формирования централизованного государства экономические и правовые механизмы контроля — от ограничения мобильности до введения «заповедных лет» — закрепили уже сложившуюся

зависимость, превратив крестьянство к концу XVI века в основной объект эксплуатации. Таким образом, централизация Русского государства выступила не только политическим и территориальным процессом, но и ключевым фактором глубокой трансформации крестьянского быта: от относительной свободы и «золотого века» к хроническому дефициту ресурсов и юридическому закрепощению.

Библиографический список

1. Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке / отв. ред. И.И. Смирнов. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1961. 396 с. URL: <https://djvu.online/file/b24LkZNuLy9iX?ysclid=mlw17b2c3v382214465> (дата обращения: 23.02.2026).
2. Горская Н.А. Русская феодальная деревня в историографии XX века. М.: Памятники исторической мысли, 2006. 360 с. URL: https://books.google.ru/books/about/Русская_феодальная_де.html?id=MWm1AAA-AIAAJ&redir_esc=y (дата обращения: 23.02.2026).
3. Козленко С.Г. Финансовое управление и развитие денежного обращения в Древней Руси и её реформирование: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.13 / Козленко С.Г.; [Место защиты: Моск. гос. ун-т экономики, статистики и информатики]. Москва, 2007. 142 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/finansovoe-upravlenie-i-razvitie-denezhnogo-obrashcheniya-v-drevnei-rusi-i-ee-reformirovanie> (дата обращения: 23.02.2026).
4. Колчин Б.А. (отв. ред.). Древняя Русь. Быт и культура: [археол. ист. очерки] / отв. ред. Б.А. Колчин, Т.А. Квашонкина. Москва: Наука, 1997. 383 с. (Археология СССР). URL: https://archive.org/details/quot_Drevnyaya_Rus_Byt_i_Kultura_quot_B_A_Rybakov/page/n25/mode/2up (дата обращения: 23.02.2026).
5. Кулешов В.С. Система экономических оснований древнерусского политогенеза (середина VIII - начало XI в.) // Управленческое консультирование. 2016. № 3 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-ekonomicheskikh-osnovaniy-drevnerusskogo-politogeneza-seredina-viii-nachalo-xi-v> (дата обращения: 23.02.2026).
6. Кульпин Э.С. Социально-экологический кризис XV века и становление российской цивилизации // Хрестоматия по руссиеведению. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekologicheskiiy-krizis-xv-veka-i-stanovlenie-rossiyskoy-tsivilizatsii> (дата обращения: 23.02.2026).
7. Ларионов А.Н. Структура Русского общества периода централизации // Пространство экономики. 2013. № 1-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-russkogo-obschestva-perioda-tsentralizatsii> (дата обращения: 23.02.2026).
8. Лотов Ю.В. Власть-собственность в средневековой России // Пространство экономики. 2004. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vlast-sobstvennost-v-srednevekovoy-rossii> (дата обращения: 23.02.2026).
9. Неоронов А.П. Национальный костюм центральной Руси в период формирования единого русского государства как выражение российских

цивилизационных особенностей: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Неоронов А.П.; [Место защиты: Моск. пед. гос. ун-т]. Москва, 2000. 180 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/natsionalnyi-kostyum-tsentralnoi-rusi-v-period-formirovaniya-edinogo-rossiiskogo-gosudarstva> (дата обращения: 23.02.2026).

10. Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века // Электронная библиотека УрФУ: [сайт]. URL: <https://book.uraic.ru/elib/authors/nefedov/science/Russia/Mono/index.html> (дата обращения: 23.02.2026).

11. Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Экономическая история России (опыт институционального анализа): учеб. пособие для вузов / Р.М. Нуреев, Ю.В. Латов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: КноРус, 2021. 268 с. (Бакалавриат и магистратура). URL: http://rustem-nureev.ru/wp-content/uploads/2017/11/НУРЕЕВ_Экономич-история-России_первая-глава.pdf (дата обращения: 23.02.2026).

12. Прохоров Г.М. Умственный мир человека Древней Руси // Вестник славянских культур. 2010. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/umstvennyy-mir-cheloveka-drevney-rusi> (дата обращения: 23.02.2026).

13. Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города (X–начало XIX в.). Москва: Наука, 1976. 320 с. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/2rab/ino/vich/1.htm> (дата обращения: 23.02.2026).

14. Рыбаков Б.А. (ред.). Древняя Русь. Быт и культура: [археол. ист. очерки]. Москва: Наука, 1997. 383 с. (Археология СССР). URL: https://archive.org/details/quot_Drevnyaya_Rus_Byt_i_Kultura_quot_B_A_Rybakov/page/n25/mode/2up (дата обращения: 23.02.2026).

15. Рыбаков Б.А. (ред.). Очерки русской культуры XVIII века. Часть первая. Москва: Изд-во МГУ, 1985. 272 с. URL: https://statehistory.ru/books/podred--B-A--Rybakova_Ocherki-russkoy-kultury-XVIII-veka--CHast-pervaya-/18 (дата обращения: 23.02.2026).

16. Степанова Л.Г. Традиционное питание русского крестьянина в XVI в. и резервные источники его пополнения // Научный журнал КубГАУ. 2014. № 104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnoe-pitanie-russkogo-krestyanina-v-xvi-v-i-rezervnye-istochniki-ego-popolneniya> (дата обращения: 23.02.2026).

17. Судебник 1497 г. / сост. под ред. В.О. Ключевского. [Б. м.: б. и.], 1497 (репр. изд. 1908). 21 с. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sudebnik1497> (дата обращения: 23.02.2026).

18. Судебник 1550 г. / сост. под ред. Ивана IV Грозного; подгот. НИУ ВШЭ. [Б. м.: б. и.], 1550 (репр. изд.). 35 с. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sudebnik1550> (дата обращения: 23.02.2026).

19. Усачев А.С. «Старость глубокая» в XIV–XV в.: демографические реалии и их восприятие современниками // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 1 (55). С. 58–65. URL: <https://xn----7sbfxda1bemgms0a5lh.xn--p1ai/index.php/stati/6971-prodolzhitelnost-zhizni-na-rusi-v-srednie-veka> (дата обращения: 23.02.2026).

20. Хайдаров Т.Ф. Новгородский мор «Лета 6925-6928» // Палеороссия. 2017. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novgorodskiy-mor-leta-6925-6928> (дата обращения: 23.02.2026).

21. Швейковская Е.Н. Русский крестьянин в доме и мире: Северная деревня конца XVI – начала XVIII века. Москва: Институт славяноведения РАН, 2017. 368 с. URL: <https://inslav.ru/publication/shveykovskaya-e-n-russkiy-krestyanin-v-dome-i-mire-severnaya-derevnya-konca-xvi-nachala> (дата обращения: 23.02.2026).

Научная статья

УДК 37.014.53:504(479.2)

Организация экологического просвещения в образовательных учреждениях Азербайджанской Республики и его социально-этическое значение в контексте рекомендаций ЮНЕСКО

Мамедова А. Г.^{1, 2}, Сальянская Э. Э.^{1, 2}, Хубанова М. Р.^{1, 2}

Научный руководитель: Мамедова И. О.¹, PhD, канд. пед. наук

¹ Азербайджанский государственный педагогический университет, г. Баку, Азербайджан.

² elchin_mamedzade@hotmail.com

Аннотация: В статье рассматривается организация экологического просвещения в образовательных учреждениях и его социально-этическое значение. Обоснована роль образовательных организаций как институциональных пространств формирования ценностной системы личности, развития критического мышления, социальной ответственности и этических принципов у обучающихся. Показано, что интеграция экологических знаний с практическими методами, интерактивными подходами и участием студентов в проектах и волонтерских инициативах способствует формированию ответственного, этически ориентированного и экологически сознательного поведения. Приведены примеры эффективной реализации экологического просвещения в школах, лицеях и университетах Азербайджана, а также сформулированы рекомендации по повышению результативности образовательного процесса в данном направлении.

Ключевые слова: экологическое просвещение; экологическая грамотность; социально-этическая ответственность; экологические проекты; природоохранные инициативы

The Organization of Environmental Education in Educational Institutions and Its Social and Ethical Significance

Mamedova A. G.^{1, 2}, Salyanskaya E. E.^{1, 2}, Khubanova M. R.^{1, 2}

Scientific supervisor: Mammadova I. O.¹, PhD, Cand. Sc. (Pedagogy)

¹ Azerbaijan State Pedagogical University, Baku, Azerbaijan.

² elchin_mamedzade@hotmail.com

Abstract: This article examines the organization of environmental education in educational institutions and its social and ethical significance. The role of

educational institutions as institutional spaces for the formation of personal value systems, the development of critical thinking, social responsibility, and ethical principles in students is substantiated. It is shown that the integration of environmental knowledge with practical methods, interactive approaches, and student participation in projects and volunteer initiatives contributes to the development of responsible, ethically oriented, and environmentally conscious behaviour. Examples of effective environmental education in schools, lyceums, and universities in Azerbaijan are provided, along with recommendations for improving the effectiveness of the educational process in this area.

Keywords: *environmental education; environmental literacy; social and ethical responsibility; environmental projects; environmental initiatives*

Введение

В условиях глобализации охрана окружающей среды, рациональное использование природных ресурсов и продвижение принципов устойчивого развития выступают важнейшими приоритетами не только в экологической, но и в социальной и образовательной сферах. В данном контексте образовательные учреждения выполняют не только функцию передачи знаний; они являются институциональными пространствами, где формируется система ценностей личности, развивается критическое мышление и этические принципы, а также укрепляется социальная ответственность. Экологическое просвещение в образовательной системе рассматривается как приоритетная область, поскольку оно способствует формированию у обучающихся ответственного отношения к окружающей среде и одновременно поддерживает развитие их социального и этического поведения.

В современной системе образования Азербайджана экологическое просвещение представляет собой системный процесс передачи знаний о защите окружающей среды, рациональном использовании природных ресурсов и принципах устойчивого развития. Данный процесс выходит за рамки простого увеличения объёма индивидуальных знаний, оказывая влияние на модели поведения учащихся и студентов и направляя их к принятию ответственных, этически обоснованных и экологически ориентированных решений. Социальное и этическое воздействие экологического образования способствует усвоению обучающимися принципов социальной справедливости и гражданской ответственности.

Теоретические основы экологического образования разработаны как международными, так и отечественными исследователями. Пол С. Стерн (Paul C. Stern) — американский специалист в области социальной психологии и экологии, специализирующийся на исследовании экологически значимого поведения человека и социальных факторов, влияющих на взаимодействие человека с окружающей средой, указывает, что экологическая ответственность личности определяется не только уровнем знаний об экологических проблемах, но и системой ценностей, убеждений и личных норм, а также моделями поведения, связанными с

социальными и культурными нормами. Он является одним из авторов ценностно-убежденно-нормативной (Value-Belief-Norm, VBN) теории экологического поведения, которая объясняет влияние личностных ценностей, экологических убеждений и внутренних норм на готовность индивида совершать действия, направленные на охрану окружающей среды. Работы С. Стерна широко применяются в исследованиях экологического образования, формировании экологической культуры и разработке образовательных программ, ориентированных на развитие экологической ответственности и этического отношения к природе [5].

Рекомендации ЮНЕСКО «Тбилиси» определили принципы экологического образования, выделив обучение ценностям охраны окружающей среды и этическому поведению как ключевую задачу образовательного процесса [2]. В современных условиях данные принципы служат актуальными ориентирами для разработки программ экологического образования в школах и вузах Азербайджана. Рамочная программа ЮНЕСКО «Education for Sustainable Development (ESD) for 2030» представляет собой многоуровневый международный документ, который заменяет и существенно расширяет прежние подходы экологического образования, рассматривая его в контексте устойчивого развития. Основная цель программы заключается в формировании у обучающихся знаний, навыков, ценностей и моделей поведения, необходимых для адекватного реагирования на глобальные экологические, экономические и социальные вызовы XXI века, включая изменение климата, утрату биоразнообразия и обеспечение социальной устойчивости. В документе экологическое образование рассматривается не как отдельная предметная область, а как широкое междисциплинарное направление, интегрированное в образование для устойчивого развития. Такой подход отражает современные требования международного сообщества к подготовке учащихся к решению комплексных экологических и социальных проблем и соответствует национальной образовательной политике Азербайджанской Республики, направленной на формирование у молодого поколения компетенций устойчивого развития и экологической ответственности [9].

В декабре 2024 года ЮНЕСКО опубликовала руководство «Greening Curriculum Guidance: Teaching and Learning for Climate Action», представляющее собой практическое руководство по интеграции климатических и экологических тем во все уровни и предметы образовательных программ [8]. Предлагаемые принципы обучения соответствуют международным стандартам экологического образования и одновременно учитывают особенности природно-климатических условий Азербайджанской Республики. Ожидаемые результаты включают формирование у учащихся знаний о национальных экологических проблемах, таких как сохранение биоразнообразия Каспийского региона, рациональное использование водных и земельных ресурсов, а также развитие навыков экологически ответственного поведения в повседневной жизни.

Дорожная карта из десяти этапов может быть адаптирована к национальной образовательной политике Азербайджана, предусматривающей интеграцию экологических тем в школьные и внешкольные программы. Она охватывает последовательное включение учебного материала о глобальных и локальных экологических вызовах, организацию проектов по устойчивому развитию, внедрение практических экспериментов с использованием местных природных ресурсов и оценку достижений учащихся через проектную деятельность.

Рекомендации по практическому и межпредметному обучению обеспечивают связь экологических знаний с социальными и экономическими аспектами жизни в Азербайджане. Например, изучение темы рационального потребления воды и энергии может быть связано с анализом потребления ресурсов в различных регионах страны, а проекты по утилизации отходов с национальными программами по охране окружающей среды. Такой подход способствует формированию у учащихся системного понимания взаимосвязи между экологией, экономикой и социальным развитием на национальном уровне.

ЮНЕСКО также продвигает стратегические рамки и декларации, направленные на укрепление экологического образования. Берлинская декларация об образовании в интересах устойчивого развития (2021), в которой подчеркивается необходимость интеграции экологического образования в качестве основного компонента учебных программ всех стран к 2025 году. Организация экологического просвещения в образовательных учреждениях Азербайджанской Республики и его социально-этическое значение в свете рекомендаций ЮНЕСКО и положений Берлинской декларации об образовании в интересах устойчивого развития [1] предполагает:

- ✓ внедрение программ по интеграции климатической грамотности и навыков устойчивого жизненного поведения в школьное и высшее образование [10];

- ✓ деятельность в рамках партнерства Greening Education Partnership, включающего более 80 государств-членов и свыше 1300 организаций, направленную на укрепление экологического образования и формирование социальных компетенций [11].

Организация экологического просвещения на уровне школ, лицеев и университетов осуществляется в различных формах. Это включает обогащение учебных программ экологическими темами, проведение проектной и лабораторной работы, создание экологических клубов, а также привлечение учащихся и студентов к волонтерской деятельности и общественным инициативам [9]. Применение интерактивных методов обучения, таких как задания, направленные на решение экологических проблем, симуляционные игры, учебные экскурсии и дебаты, способствует развитию аналитического мышления, навыков командной работы и практических умений обучающихся. Практические примеры демонстрируют, что учащиеся и студенты, вовлеченные в такие формы

деятельности, проявляют повышенный уровень экологической грамотности, ответственности за окружающую среду и способности применять полученные знания на практике, что создает основу для укрепления как индивидуальных навыков, так и коллективной социальной ответственности и этического поведения. Успешными примерами являются проекты «Зелёная школа» в школах и экологические практикумы в университетах.

В современном контексте влияние экологического просвещения на развитие общественной ответственности и этических ценностей проявляется через интеграцию теоретических знаний и практических моделей поведения. Обучающиеся не ограничиваются получением знаний, но усваивают ценности охраны окружающей среды и применяют их в повседневной жизни. Участие в экологических клубах, волонтерских проектах и общественных инициативах способствует развитию социальных навыков, гражданской ответственности и этических обязательств. Социально-этический подход повышает эффективность экологического просвещения и превращает образовательные учреждения в стратегические центры устойчивого развития общества.

Организация экологического просвещения в образовательных учреждениях оказывает существенное влияние на развитие знаний, умений и навыков обучающихся, а также на формирование их социального и этического поведения. Эффективные методы экологического образования предполагают активное включение обучающихся в процесс обучения через интерактивные и практико-ориентированные подходы, что способствует более глубокому усвоению материала и развитию навыков критического мышления [3]. К основным методам относятся:

✓ *Решение проблем* (problem-based learning): учащиеся или студенты получают конкретную экологическую проблему (например, локальное загрязнение реки, переработка отходов в школе) и должны разработать варианты её решения, используя теоретические знания и практические навыки. Этот метод развивает аналитическое мышление, способность применять знания на практике и коллективное принятие решений.

✓ *Проектное обучение* (project-based learning): обучающиеся выполняют долгосрочные проекты, например создание школьного экологического сада, организация кампании по энергосбережению или разработка плакатов по защите биоразнообразия. Проектная деятельность позволяет формировать ответственность за результат, навыки планирования и командной работы, а также экологическую сознательность.

✓ *Учебные экскурсии и полевые исследования*: посещение природных объектов, водоёмов, ботанических садов или предприятий по переработке отходов позволяет учащимся наблюдать реальные процессы и проблемы окружающей среды, проводить замеры, собирать данные и делать выводы. Такие практики способствуют развитию эмпатии к живой природе и пониманию этической значимости экологических решений.

✓ *Симуляционные игры и ролевые модели*: моделирование работы экологического комитета города, переговоры по уменьшению выбросов CO₂ или имитация международных климатических конференций. Эти методы развивают навыки командного взаимодействия, коммуникации и принятия решений с учётом интересов различных сторон, усиливая социально-этический компонент обучения.

✓ *Дискуссии и дебаты*: обсуждение этических аспектов экологических проблем (например, вырубка лесов ради строительства или внедрение возобновляемых источников энергии) позволяет формировать способность к аргументированному мышлению, уважению мнений других и выработке этически обоснованных позиций [4].

Использование этих методов обеспечивает активное участие обучающихся в образовательном процессе, стимулирует развитие практических умений и критического мышления, а также способствует формированию ответственного, социально и этически обоснованного поведения. В частности, учащиеся учатся учитывать последствия своих действий для окружающей среды, общества и будущих поколений, развивают ценности сотрудничества, взаимопомощи и социальной ответственности.

Социально-этическое влияние экологического просвещения проявляется в формировании у обучающихся не только экологических знаний, но и социальной ответственности, этического поведения и культуры устойчивого развития. Посредством интерактивных методов, проектов и экологических инициатив студенты усваивают чувство ответственности за окружающую среду и осознают свои этические обязательства перед сверстниками и обществом в целом [6].

Организация социально-этического и экологического образования в Азербайджане направлена на формирование у учащихся гражданской ответственности, экологической культуры и ценностей устойчивого развития. Экологическое образование в современной системе образования Азербайджана выполняет ключевую функцию формирования у обучающихся экологического мышления, социальной ответственности и этических ценностей. В образовательном процессе экологическое просвещение реализуется через комбинацию теоретических знаний и практических действий, направленных на формирование сознательного отношения к окружающей среде. Конкретные формы и методы организации социально-этического экологического образования включают:

1. Интеграцию экологических тем в учебные программы: введение междисциплинарных модулей по устойчивому развитию и охране окружающей среды; разбор этических аспектов экологических проблем на уроках биологии, географии, обществознания.

2. Проектная и исследовательская деятельность: выполнение долгосрочных проектов по улучшению экологической ситуации в школе или микрорайоне (например, организация раздельного сбора отходов, создание школьного экологического сада, мониторинг качества воздуха и воды);

полевые исследования и лабораторные работы с анализом экологических данных.

3. Экологические клубы и волонтерские инициативы: формирование школьных и университетских клубов, где учащиеся и студенты планируют и проводят акции по посадке деревьев, очистке территорий, сбору вторсырья; участие в городских и национальных экологических кампаниях, что развивает навыки коллективной работы, лидерства и социального взаимодействия.

4. Интерактивные методы обучения: решение экологических проблем в формате кейс-стади, дебатов или ролевых игр (например, симуляция работы экологического комитета города); учебные экскурсии на природные объекты, предприятия по переработке отходов или экопарки для наблюдения и анализа реальных процессов.

5. Формирование этических моделей поведения: обсуждение этических дилемм в экологических ситуациях (например, конфликт между экономической выгодой и сохранением природы); разработка и соблюдение правил экологического поведения в школьной среде (сокращение потребления энергии, бережное отношение к воде и природным ресурсам).

6. Обратная связь и рефлексия: ведение дневников наблюдений или отчетов по проектной деятельности, где учащиеся анализируют влияние своих действий на окружающую среду; публичная презентация результатов проектов и дискуссии, направленные на оценку этических и социальных последствий принятых решений.

Применение указанных методов экологического образования способствует формированию у обучающихся практических навыков устойчивого поведения и критического мышления, развивает их социально-этическую ответственность перед обществом и природой, усиливает способность принимать обоснованные решения с учетом интересов различных социальных и экологических стейкхолдеров и стимулирует ценности сотрудничества, взаимопомощи и коллективной ответственности [7]. Образовательные учреждения в Азербайджане становятся не только пространством передачи знаний, но и стратегическими центрами формирования социально-этического и экологического сознания будущих граждан.

Для более эффективной реализации экологического просвещения в образовательных учреждениях предлагаются следующие рекомендации:

- обогащение учебных программ экологическими темами и обеспечение междисциплинарной интеграции;
- стимулирование экологических проектов, волонтерской деятельности и участия в общественных инициативах в школах и университетах;
- повышение компетенций педагогов в области экологического образования и расширение возможностей использования интерактивных методов обучения;

- создание экологических центров, лабораторий и мультимедийных ресурсов в образовательных учреждениях;
- придание приоритетного значения социально-этическим компонентам экологического образования в учебном процессе.

Экологическое образование выступает не только средством передачи теоретических знаний, но и стратегическим механизмом формирования социальной ответственности, этических ценностей и культуры устойчивого развития. В образовательных учреждениях экологическое просвещение является процессом стратегической значимости, обеспечивающим формирование у обучающихся чувства ответственности за окружающую среду, социальной справедливости и гражданских обязанностей посредством междисциплинарного и интерактивного подхода. Экологические проекты, волонтерская деятельность, учебные экскурсии и интерактивные методы способствуют изменениям как индивидуальных, так и коллективных моделей поведения обучающихся, укрепляют их навыки принятия этически обоснованных решений и социальные компетенции. Интеграция социально-этического компонента в учебный процесс усиливает эффект экологического просвещения и превращает образовательные учреждения в стратегические центры, способствующие устойчивому развитию общества [12].

Экологические знания, умения и навыки в современной системе образования Азербайджана выступают ключевым механизмом формирования культуры устойчивого развития, социальной и гражданской ответственности, а также развития этического и экологически ориентированного поведения обучающихся. Оно обеспечивает системное усвоение знаний о рациональном использовании природных ресурсов, принципах охраны окружающей среды и сохранения биологического разнообразия, одновременно формируя ценностные ориентиры, которые способствуют принятию обоснованных и ответственных решений в повседневной жизни.

В образовательном процессе экологическое просвещение играет решающую роль в подготовке будущих поколений граждан, способных критически анализировать экологические проблемы, активно участвовать в природоохранных инициативах, реализовывать проекты устойчивого развития и интегрировать полученные знания в социально-этическую практику. При этом оно способствует развитию междисциплинарного мышления, навыков командной работы и активного участия в общественных инициативах, укрепляя как индивидуальную, так и коллективную ответственность обучающихся за сохранение окружающей среды и обеспечение устойчивого развития общества.

Библиографический список

1. Берлинская декларация об образовании в интересах устойчивого развития // UNESCO: [сайт]. 2021. URL: <https://en.unesco.org/news/berlin-declaration-education-sustainable-development> (дата обращения: 13.03.2026).

2. Jacobs H.H. Curriculum 21: Essential Education for a Changing World. Alexandria, VA: ASCD, 2010. 254 с.
3. Lieberman G.A., Hoody L.L. Closing the Achievement Gap: Using the Environment as an Integrating Context for Learning // School K-12. 1998. № 64. URL: <https://digitalcommons.unomaha.edu/slcek12/64>.
4. Sterling S. The Future Fit Framework: An Introductory Guide to Teaching and Learning for Sustainability in HE // Journal of Education for Sustainable Development. 2012. Vol. 7, № 1. P. 134-135.
5. Stern P.C. Toward a Coherent Theory of Environmentally Significant Behavior // Journal of Social Issues. 2000. Vol. 56, № 3. P. 407-424.
6. Stone M.K., Barlow Z. Ecological Literacy: Educating Our Children for a Sustainable World. San Francisco: Sierra Club Books, 2005. 275 с.
7. Тбилиси: рекомендации по экологическому образованию. Париж: UNESCO, 1978. 45 с.
8. Wals A.E.J., Corcoran P.B. Learning for Sustainability in Times of Accelerating Change. Wageningen: Wageningen Academic Publishers, 2012. 549 с.
9. UNESCO. Education for Sustainable Development (ESD for 2030): Framework for Action. Paris: UNESCO, 2020.
10. UNESCO. Education in Climate Change. Paris: UNESCO, 2023.
11. UNESCO. Greening Curriculum Guidance: Teaching and Learning for Climate Action. Paris: UNESCO, 2024. 110 с.
12. UNESCO. Greening Every Curriculum: Guidance to Teach and Learn for Climate Action. Paris: UNESCO, 2024.

Научная статья
УДК 811.161.1

Проблемы современного гуманитарного образования (на примере филологических дисциплин)

Царькова М. А.^{1, 2}

Научный руководитель: Кузнецова И. С.¹, канд. филол. наук

¹ Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, г. Омск, Россия.

² mashenkamanynia@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу ключевых проблем школьного и вузовского гуманитарного (филологического) образования. Рассмотрены системные вызовы, среди которых школьная недельная нагрузка на изучение предметов «Русский язык» и «Литература», проблема восприятия учащимися объемных классических произведений, изменение образовательных стандартов всех уровней образования, цифровизация образовательного пространства и ряд других. Особое внимание уделяется интеграции цифровых технологий в обучение. Отмечается, что снижение интереса к филологическим специальностям связано с их низкой востребованностью на рынке труда и стереотипами о «ненужности» гуманитарного образования. В работе намечены пути решения обозначенных проблем и перспективы дальнейшего развития филологических дисциплин.

Ключевые слова: гуманитарное образование, филологические дисциплины, образовательные стандарты, цифровизация

Problems of modern humanities education (on the example of philological disciplines)

Zarkova M. A.^{1, 2}

Scientific supervisor: Kuznetsova I. S.¹, Cand. Sc. (philology)

¹ Siberian Institute of Business and Information Technologies, Omsk, Russia

² mashenkamanynia@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of key problems in school and university humanities (philology) education. It examines systemic challenges, including the school's weekly workload on the subjects of Russian Language and Literature, the problem of students' perception of extensive classical works, changes in educational standards at all levels of education, digitalization of the educational space, and

others. Special attention is given to the integration of digital technologies into education. It is noted that the decline in interest in philology is due to its low demand in the labor market and stereotypes about the «unnecessary» nature of humanities education. The paper outlines ways to solve the identified problems and the prospects for the future development of philological disciplines.

Keywords: *humanities education, philological disciplines, educational standards, and digitalization*

Введение

Гуманитарное образование является процессом и системой передачи гуманитарного знания, формирования критического мышления и целостной личности. История центрального термина данной работы связана со становлением идеи гуманитарного образования в XX веке, истоки которой восходят к классической интерпретации образования по В. Гумбольдту. Гуманитарное знание представляет собой совокупность накопленных духовных ценностей, опыта и понимания человеческой природы. Поэтому понятия «гуманитарное знание» и «гуманитарное образование» находятся в тесной диалектической взаимосвязи.

Филологические дисциплины как одно из направлений гуманитарного образования обращены к самому человеку, к его внутреннему миру. Это свидетельствует о вневременной важности их влияния на развитие общества и, прежде всего, на подрастающее поколение. Актуальность исследования проблем гуманитарного образования обусловлена его системным кризисом в условиях цифровой эпохи, затрагивает вопросы подготовки будущих филологов, а также студентов-нефилологов, для которых гуманитарная подготовка является основой формирования гибких навыков: коммуникации, анализа, эмпатии и креативности.

Научные изыскания в гуманитарной области разнонаправлены, отражают изменения, происходящие в духовной, социальной, языковой и других сферах отдельной личности и общества в целом. Наибольшую актуальность получили вопросы подготовки будущих филологов [2], [5], [10] и др., проблемы методики преподавания филологических дисциплин [1], [3] и др., внедрение цифровых технологий в гуманитарное образование [4], [7], [11] и др.

Цель исследования – выявить и проанализировать ключевые проблемы современного гуманитарного образования на примере преподавания филологических дисциплин.

Задачи:

1. Рассмотреть исторические этапы становления гуманитарного знания;
2. Проанализировать современное состояние системы гуманитарного образования в школе и вузе;
3. Систематизировать основные проблемы в области изучения литературы и языка;
4. Предложить возможные пути решения выявленных проблем.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе современных проблем гуманитарного (филологического) образования в школе и

вузе с учетом специфики цифровой эпохи и трансформации образовательных стандартов. Впервые систематизированы и сопоставлены данные о динамике учебной нагрузки по русскому языку и литературе в школе, а также особенности преподавания филологических дисциплин в омских вузах, что позволило выявить реальное состояние и тенденции развития гуманитарного образования в региональном контексте.

Основная часть

В становлении гуманитарного знания исторически выделяют несколько этапов. Зарождение философии в Древней Греции (Сократ, Платон, Аристотель), риторики как науки об искусстве слова, основы этики и поэтики способствовали исследованию внутреннего мира человека. Богословие в эпоху Средневековья, антропоцентризм эпохи Возрождения, формирование социальных наук в Новое время – были следующими этапами развития гуманитаристики. Что касается гуманитарного знания в России, то его история восходит к духовно-просветительской традиции Древней Руси и реформ XVIII века, заложивших основы светского образования (вклад М. В. Ломоносова), и продолжается до золотого века русской литературы и педагогической мысли XIX века (К. Д. Ушинский, Л. Н. Толстой и др.), представители которой сформировали национальную образовательную модель, обращенную к слову. В советский период гуманитарное образование стало идеологизированным, но сохранило высокий статус литературы как «учебника жизни».

В настоящее время гуманитарное образование переживает ряд изменений и вызовов современности под влиянием различных факторов. Существенное влияние на филологические дисциплины оказывают процессы цифровизации (развитие корпусной лингвистики, анализ больших данных, НЛП), глобализации (изучение языков как инструментов межкультурной коммуникации), слияния с культурологией, антропологией, медиаисследованиями (междисциплинарность), смещение акцента на прикладные навыки (перевод, копирайтинг и др.). Система образования подвергается непрекращающемуся реформированию, что особенно заметно на примере школьной программы учебных предметов «Русский язык» и «Литература». Распространено мнение о том, что произошло сокращение часов на классическую филологию. Однако по данным госвластей в 1959 году на единую программу по литературе отводилось 18 часов в неделю по всем классам, на русский язык – 54 часа; по новым стандартам – 35 часов на литературу, на русский язык – 61 час. По словам Минпросвещения России С. С. Кравцова, «в целом, по предметной области «Русский язык и литература» в 1959 году было 72 часа, а в действующих программах 2022 года заложено 80 часов в неделю по всем уровням образования» [8]. В настоящее время недельная нагрузка в средней школе следующая: 5 класс – 3 ч. литература / 5 ч. русский язык, 6 класс – 3 ч. литература / 6 ч. русский язык, 7 класс – 2 ч. литература / 3 ч. русский язык, 8 класс – 2 ч. литература / 3 ч. русский язык, 9 класс – 3 ч. литература / 3 ч. русский язык, 10-11 классы (непрофильные) – 3 ч. литература / 1 ч. русский язык, 10-11 классы (профиль) – 3 ч. литература / 2 ч. русский язык. Количество часов

свидетельствует об относительной стабильности объема преподаваемых гуманитарных предметов. Стоит упомянуть и о временном введении предметов «Родной язык», «Родная литература», «Риторика».

Наблюдается возврат к «патриотической» проблематике. В федеральные рабочие программы по литературе возвращены произведения советского периода, изучаемые ранее, такие как «Молодая гвардия» А. А. Фадеева, «Как закалялась сталь» Н. А. Островского, отдельные произведения Ю. В. Бондарева, В. О. Богомолова и др. Кроме того, расширен блок на изучение периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Преподавание русского языка в школе опирается на классические традиции с учетом изменений современной языковой ситуации. Поэтому в старших классах усиливается практическая направленность, касающаяся не только вопросов нормативности языка, стилистики, но и культуры речи в целом.

Таким образом, в школе ученик осваивает нормы орфографии и пунктуации, учится писать сочинения по готовым шаблонам и изучает классику в хронологическом порядке. Главный фокус – на практической грамотности и понимании содержания произведений.

Однако в школьном гуманитарном образовании возникает ряд проблем как со стороны преподавателя, так и со стороны обучающихся. Во-первых, формализация преподавания приводит к низкому уровню усвоения учебного материала без понимания языковых процессов (русский язык) и проблематики, специфики и исторического контекста художественного произведения (литература). Во-вторых, ориентированность на «тестовое» мышление в рамках подготовки к ОГЭ и ЕГЭ создает проблему целостного восприятия объемного текста как в устной форме, так и в письменной. В-третьих, у учащихся отсутствует мотивация к изучению классических произведений по причине непонимания их практической пользы. В-четвертых, объем отдельных текстов для изучения велик, что вызывает трудности прочтения и проблемы усвоения сюжетной линии, не говоря о проблематике произведения. Это касается таких произведений, как «Мертвые души» Н. В. Гоголя, «Обломов» И. А. Гончарова, «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, «Война и мир» Л. Н. Толстого, «Тихий Дон» М. А. Шолохова, «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова и др. В-пятых, огромное влияние на молодежь оказывают цифровые технологии, в частности повсеместная зависимость от гаджетов, социальных сетей и различного рода мессенджеров. С одной стороны, цифровизация способствует мобильности обучающегося, развитию умения быстро находить нужную информацию, с другой, оказывает негативное влияние: распространение ошибок из соцсетей, жаргонизация и вульгаризация речи, что ставит под угрозу такое качество современного русского литературного языка как нормативность. Кроме того, наблюдается снижение читательской культуры: вместо изучения оригинального текста учащиеся школы бегло просматривают краткое содержание объемного художественного произведения или заменяют его тезисным планом из сети Интернет.

Ситуация с распространением литературы и ее потреблением по сравнению с прошлыми годами значительно изменилась. Если, например, в XIX

веке книга в доме считалась роскошью, то сейчас ее может позволить себе каждый. Ассортимент стал настолько огромен, что позволяет читать книги на непрерывной основе. Более того, стала доступна интереснейшая литература со всего мира, а интернет дает возможность наслаждаться творениями великих авторов, не выходя из дома. Как видим, любое явление, в том числе и погружение в глобальное информационное пространство, имеет свои плюсы и минусы.

Необходимо помнить, что литература как филологическая дисциплина оказывает особое влияние на ребенка, на его сознание, развитие, восприятие в силу своей специфической, образной природы. О неопределимом значении литературы в жизни русского человека писали многие известные деятели в области науки и преподавания: М. В. Ломоносов, К. Д. Ушинский, Л. Н. Толстой и др. Они закладывали основы преподавания русского языка и литературы в нашей стране, высказывали мнение об обязательном знании русской словесности, последовательно продвигали идею о доступности народного образования с упором на национальную специфику. К. Д. Ушинский писал: «Не условными звуками только учится ребенок, изучая родной язык, но пьет духовную жизнь и силу из груди родного слова» [9, с. 205]. И литература в этом деле выступает незаменимым «посредником»: знакомит обучающегося с родным языком, приучает к грамотности и формирует нравственный облик.

Что касается гуманитарного вузовского образования, гуманитарное знание как его объект систематизируется и переводится в научную плоскость. Студент-филолог погружается в теорию языка: изучает его историческое развитие, анализирует сложные синтаксические конструкции не с точки зрения расстановки запятых, а как лингвистические системы. Литература перестает быть просто сборником сюжетов и биографий, превращаясь в поле для исследования художественных методов, философского контекста и литературных школ.

Высшая школа за несколько десятилетий также пережила ряд изменений, отразившихся в первую очередь на ФГОСах. Образовательные стандарты нескольких поколений имели свои отличительные характеристики. С 1 сентября 2027 года в России запланирован масштабный переход на новую модель высшего образования, включающую в себя два уровня образования: базового и специализированного. В настоящее время в соответствии с требованиями ФГОС ВО (3++) гуманитарные дисциплины входят в обязательную (базовую) часть для изучения. Сравнительный анализ учебных планов большинства нефилологических омских вузов показывает, что освоение дисциплины «Русский язык» осуществляется на первом курсе бакалавриата очной формы обучения. Однако наименование учебной дисциплины может варьироваться. Так, в АНОО ВО «СИБИТ» она имеет наименование «Русский язык и культура общения» и преподается полный учебный год в 1 и 2 семестрах. Во ФГАОУ ВО «ОмГТУ» на первом курсе изучается «Практика речевой деятельности», а также «Основы деловых коммуникаций» (один семестр на разных курсах в зависимости от специальности). Учебные планы ФГБОУ ВО «СибаДИ» включают дисциплины «Деловая коммуникация» (3 семестр 2 курс), «Русский язык и культура речи» (3 семестр 2 курс), «Основы деловой коммуникации» (6

семестр 3 курс). В «ОмГАУ» изучают «Русский язык и деловое общение» (1 семестр 1 курс), в «ОмГУПС» – «Русский язык и деловые коммуникации» (1 семестр/2 семестр 1 курс).

Ведущими вузами Омска, имеющими в своей структуре филологические факультеты, являются ФГБОУ ВО «ОмГУ им. Ф. М. Достоевского» и ФГБОУ «ОмГПУ». В списке гуманитарных дисциплин ОмГУ можно назвать следующие: «Деловая коммуникация» (различные семестры и курсы), «История отечественной литературы» (1-3 семестры 1-2 курсы), «Основы теории коммуникаций» (1 семестр 1 курс), «Межличностная коммуникация» (2 семестр 1 курс), «Социология массовой коммуникации» (2 семестр 1 курс), «Речевое воздействие» (3 семестр 2 курс) и др. Филологический факультет ОмГПУ включает в себя кафедры: русского языка и лингводидактики, литературы и культурологии, русского языка как иностранного и предвузовской подготовки. Здесь на первом курсе преподаются учебные дисциплины «Русский язык и культура речи» (направление подготовки «Биология», «Социальная работа», «Педагогическое образование в области русского языка» и др.), на втором курсе – «Культура речи» (направление подготовки «Прикладная информатика»). Подготовка по направлению бакалавриата «Филологическое образование» осуществляется по заочной форме и включает в себя изучение дисциплины «Речевые практики» (2 семестр 1 курс). Предметно-методический модуль данного направления охватывает 15 филологических дисциплин по языку и литературе.

Обзор преподаваемых филологических дисциплин в омских вузах показал, что гуманитарное образование востребовано, однако его развитие отражает различные социально-экономические трансформации, что свидетельствует о новых вызовах современности в этой области. Одной из актуальных проблем гуманитарного образования остается разрыв между теорией и практикой. Несмотря на обновление рабочих программ дисциплин и следование стандартам, наблюдается недостаточное техническое обеспечение процесса образования, а также запаздывание переподготовки или повышения квалификации кадров, слабая связь с работодателями. Другой проблемой гуманитарного образования является низкая мотивация прежде всего со стороны обучающихся. Причины низкой мотивации могут быть различными: от ошибочного выбора направления подготовки, большой информационной нагрузки, специфики балльно-рейтинговой системы до субъективных причин.

Отметим также проблемы со стороны финансирования гуманитарного образования: по данным Минобрнауки с 2016 года число бюджетных мест на гуманитарных направлениях сократилось на 15-20%, что ограничивает доступность образования.

Огромно влияние цифровизации и глобализации на систему школьного и высшего гуманитарного образования. Цифровизация и глобализация предоставили беспрецедентный доступ к мировому культурному наследию, но одновременно создали новую информационную среду, которая формирует «клиповое» мышление у учащихся, противопоставленное «текстовому», необходимому для глубокого чтения. У современных студентов могут

наблюдаться недостаток аналитических и интерпретационных навыков, слабая готовность к работе с первичными источниками, отсутствие критического мышления и межпредметных компетенций. Кроме того, вузы внедряют онлайн-платформы, например, Moodle, для работы с которой необходима методическая поддержка. В регионах может отсутствовать высокоскоростной Интернет, что приводит к техническим проблемам доступа к образовательным ресурсам. Также не все студенты и преподаватели владеют цифровыми технологиями на высоком уровне. Недостаточное использование интерактивных форм обучения в процессе преподавания языка и художественного слова снижает интерес к учебной дисциплине.

Переход на электронные библиотеки в российских вузах может создавать дополнительные трудности. С одной стороны, электронные библиотеки позволяют получать информацию удаленно, в любых объемах и в любое время. С другой – отсутствие систематической методической поддержки по работе с электронными библиотеками часто оставляет студентов без навыков критического отбора и анализа информации, что особенно важно в эпоху информационного перенасыщения. Кроме того, беглое чтение и копирование материалов из электронных источников вместо вдумчивого изучения оригинальных текстов снижает качество усвоения информации.

К сожалению, в обществе сохранились стереотипы о малой практической пользе гуманитарных профессий и низком доходе работников гуманитарной сферы. В последние годы возрастает конкуренция с ИТ-специальностями, инженерией и естественными науками, более востребованными в настоящее время принято считать ИТ-профессии, профессии в сфере бизнеса и маркетинга.

Предложим некоторые пути решения выявленных проблем гуманитарного образования:

- 1) увеличение госфинансирования в гуманитарные науки;
- 2) подготовка и переподготовка квалифицированных педработников;
- 3) привлечение работодателей к процессу формирования образовательных стандартов,
- 4) переоценка учебно-методического обеспечения филологических дисциплин и внедрение новых практико-ориентированных методик обучения;
- 5) укрепление междисциплинарных связей внутри образовательной среды;
- 6) организация корпоративных программ по развитию digital-навыков;
- 7) преподавателям-филологам при изучении объемного художественного произведения чередовать работу с текстом и просмотром эпизодов из кинофильмов, экранизированных по мотивам данного произведения, анализом ключевых эпизодов; организовывать разнообразные виды работ со сложными словами (этимология, лексическое значение, стилевая принадлежность); использовать задания по развитию устной и письменной форм речи.

Заключение

Проведенное исследование показало, что современное гуманитарное образование, в частности филологическое, находится в состоянии поиска новых путей развития. Сталкиваясь с такими вызовами, как цифровизация, изменение

типа мышления учащихся и перегруженность программ, оно тем не менее сохраняет свою фундаментальную ценность. Ключом к преодолению кризиса является не отказ от традиций, а их разумная интеграция с современными методиками. Смещение акцента с простой передачи информации на развитие навыков анализа, интерпретации и критического мышления, а также личностно-ориентированный подход позволят гуманитарному образованию выполнить свою главную задачу — воспитать мыслящую, чувствующую и духовно богатую личность.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы методики преподавания филологических дисциплин в высших и средних специальных учебных заведениях: сб. матер. XI Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Н.Э. Чернявская, М.С. Быканова. Белгород: Белгород. гос. ин-т искусств и культуры, 2021. 100 с.
2. Бурцева С.С. Профессиональная подготовка филолога в аспекте цифровой трансформации российского образования // Вестник филологических наук. 2023. Т. 3, № 10. С. 212-219.
3. Зацепина Т.А., Мазалова А.В. Современные тенденции в методике преподавания филологических дисциплин в рамках реализации ФГОС // Вестник научных конференций. 2020. № 5-1 (57). С. 90-92.
4. Кувшинникова О.А. Актуальные технологии преподавания филологических дисциплин в контексте новой парадигмы гуманитарного знания: учеб. пособие для магистратуры по напр. «Русский язык и литература». Усть-Каменогорск: Вост.-Казахстан. ун-т им. С.Аманжолова, 2024. 133 с.
5. Мокренцов Д.С. Особенности мультилингвального образования при подготовке филологов // Образование в изменяющемся мире: исторический опыт и вызовы современности: сб. ст. Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. Ч. 1. Москва: Перо. С. 123-127.
6. Образовательное пространство в информационную эпоху (EEIA-2024): сб. науч. трудов междунар. науч.-практ. конф. / ред. И.М. Елкина. Москва: Рос. акад. образования, 2024. 1040 с.
7. Скафа Е.И., Кудрейко И.А. Реализация системы подготовки будущих учителей-филологов по овладению ими цифровой компетентностью // Педагогическая информатика. 2024. № 2. С. 121-134.
8. Шевченко А.Н. Цифровая образовательная среда как условие подготовки будущих филологов // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 74-2. С. 236-239.
9. Хачикян Е.И. Активные формы обучения в профессиональной подготовке филологов: монография. Калуга: Калуж. гос. ун-т им. К.Э. Циолковского, 2024. 176 с.
10. Увеличено количество учебных часов по предметной области «Русский язык и литература» // Сайт Минпросвещения России: [сайт]. URL: <https://edu.gov.ru/press/6920/uvelicheno-kolichestvo-uchebnyh-chasov-po->

predmetnoy-oblasti-russkiy-yazyk-i-literatura/?ysclid=miwnn7rmgg589513635 (дата обращения: 08.12.2025).

11. Ушинский К.Д. Педагогические сочинения: в 6 т. Т. 1 / сост. С.Ф. Егоров. Москва: Педагогика, 1998.

*Научный периодический электронный
рецензируемый студенческий журнал*

SCIENTIA JUVENUM

№1 (1)
Марта 2026 г.

